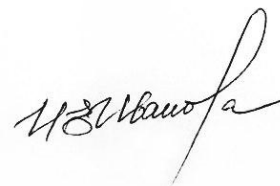

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Иванова Ирина Евгеньевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНВЕРСИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ**

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
Специальность 10.02.01 – Русский язык

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Роженцова Лилия Николаевна

Иркутск–2016

Оглавление

Введение	4
Глава I. Конверсия как способ выражения обратных отношений в русском языке	16
1.1. Обратные отношения в системе русского языка	16
1.1.1. Значение обратных отношений в языке	16
1.1.2. Семантико-синтаксические основы конверсии	24
1.1.3. Конверсия как лексико-семантическая категория языка	30
1.2. Лингвистические тенденции в изучении конверсии в языкознании	41
1.2.1. Грамматическое направление в изучении конверсии	41
1.2.2. Лексико-грамматическое направление в изучении конверсии	49
1.2.3. Лексико-семантическое направление в изучении конверсии	53
1.3. Принципы деривационного подхода в изучении конверсии в русском языкознании	58
1.3.1. Истоки деривационного подхода в изучении конверсии	58
1.3.2. Семантическое отражение и неотражение как центральные понятия деривационного подхода в изучении конверсии	64
1.3.3. Методические аспекты деривационного подхода в изучении конверсии	74
Выводы по главе I	82
Глава II. Способы репрезентации конверсии в лексической системе русского языка	84
2.1. Непроизводные конверсивы как репрезентанты прямой конверсии	85
2.1.1. Непроизводные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с непроизводными конверсивами	85
2.1.2. Непроизводные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с производными конверсивами	86

2.2. Производные конверсивы как репрезентанты непрямой конверсии	88
2.2.1. Производные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с производными конверсивами	89
2.2.1.1. Отражённые конверсивы	89
2.2.1.2. Неотражённые конверсивы	100
2.2.2. Производные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с непроизводными конверсивами	108
2.3. Проблемы лексикографической репрезентации конверсивов	113
2.3.1. Проблемы разработки системы помет в авторском «Словаре конверсивов русского языка»	113
2.3.2. Проблемы разработки микроструктуры авторского «Словаря конверсивов русского языка»	120
2.3.3. Проблемы расположения словарного материала в авторском «Словаре конверсивов русского языка»	132
Выводы по главе II	147
Заключение	151
Список сокращений и условных обозначений	157
Список литературы	160
Список источников	180
Список иллюстративного материала	182

Введение

Диссертационное исследование «**Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования**» посвящено изучению лексико-семантической категории конверсии в деривационном и лексикографическом аспектах.

Конверсия, интерпретируемая в зарубежном и отечественном языкознании как тип семантического отношения обратных значений между языковыми единицами, по ряду признаков имеет онтологическое предназначение в познании окружающей действительности, поскольку представляет собой один из «альтернативных способов описания одного и того же» [87, 192], возвращает нас к «тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления разных явлений мира» [Там же].

Языковым воплощением подобной альтернативности являются лексические конверсивы, под которыми мы понимаем слова одного лексико-грамматического класса, содержащие в смысловой структуре лексико-семантические варианты, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений. Формируя пласт конверсивной лексики в русском языке, лексические конверсивы тем самым демонстрируют его логическое и неотъемлемое свойство – свойство выражать обратные отношения в синтагматической и парадигматической системах.

Актуальность исследования обусловлена системным описанием лексики, недостаточной разработкой общей проблематики лексических конверсивов в истории русского языкознания и отечественной лексикографии, а также комплексным подходом к изучению лексико-семантической категории конверсии.

Системный подход в изучении языковых явлений является базовым принципом, определяющим вектор направления современной лингвистической мысли,

поскольку язык – это, прежде всего, система, представленная «внутренне организованной совокупностью взаимообусловленных элементов языка, связанных парадигматическими, синтагматическими, иерархическими отношениями в пределах целого <...>» [184, 169–170].

Отличительной особенностью языковой системы является её макросистемный характер, поскольку каждый языковой уровень представляет собой отдельную систему (микросистему), целостность которой обеспечивают отношения, пронизывающие каждый уровень языка и тем самым всю языковую систему.

Обратные отношения между единицами лексической системы языка, выражаемые лексическими конверсивами, как было отмечено выше, являются неотъемлемым свойством языковой системы, однако недостаточное внимание лингвистов к обратным отношениям на уровне лексической семантики в силу «примата синтаксиса» [56, 50] над иными языковыми подсистемами создало к началу XXI в. деформированное представление о лексико-семантической системе русского языка, оказавшейся лишённой права на способность самостоятельно репрезентировать данный вид отношений. Включение лингвистами конверсивной лексики в антонимическую парадигму русского языка [50; 122; 123; 152], трактовка обратных отношений как «комбинации синонимии и антонимии» [154, 3] закономерно привели к некорректной интерпретации лексических конверсивов в научных, учебных, словарных и справочных изданиях, а в практической лексикографии – к отсутствию их словарной репрезентации, способной выявить генезис обратных отношений в языке.

В связи с этим представляется, что выправить сложившуюся ситуацию в современном языкознании возможно лишь комплексным лингвистическим исследованием обратных отношений на стыке лексикологии, семантики, словообразования и лексикографии. Именно данный интегративный подход в описании лексических конверсивов реализован в структуре диссертационного исследования.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что большую часть конверсивной лексики составляют производные лексические конверсивы,

смысловые отношения которых обусловлены семантической соотносительностью их производящих и производных основ.

Новизна исследования определяется деривационным аспектом изучения конверсии, суть которого применимо к лексико-семантической категории конверсии сводится к выявлению семантико-деривационных факторов, способствующих формированию обратных отношений между языковыми единицами.

Новизна результатов исследования заключается в том, что в нём, по имеющимся у нас данным, впервые:

1) представлен алгоритм установления корпуса конверсивной лексики посредством комплексного и поэтапного анализа семантико-синтаксических, грамматических, лексико-семантических и семантико-деривационных признаков лексических конверсивов, позволяющий выявить точные конверсивы в лексико-семантической системе русского языка;

2) детализирована классификация структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке, в основании которой лежит критерий словообразовательной производности: непроизводные конверсивы, формирующие прямую конверсию; производные конверсивы, репрезентирующие непрямую конверсию; среди не прямой конверсии выделяются отражённые и неотражённые конверсивы, демонстрирующие различную степень соответствия смысловых отношений с производящей базой;

3) установлено, что структурно-семантические типы производных лексических конверсивов обслуживаются двумя сферами деривации (лексической и синтаксической), обнаруживая дериваты модификационного, мутационного и соединительного словообразовательных типов;

4) определено, что среди не прямой конверсии количество неотражённых конверсивов преобладает над отражёнными конверсивами, свидетельствуя о первостепенной роли деривационных факторов в формировании конверсивной лексики русского языка;

5) приведены модели словарных статей в составе конверсивных гнёзд будущего авторского «Словаря конверсивов русского языка», структура которых не только соответствует семантико-синтаксическим, грамматическим, лексико-семантическими и семантико-деривационным критериям выделения лексических конверсивов, но и отражает логику обратных отношений в языке.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении способов репрезентации обратных отношений в семантике лексических конверсивов и их лексикографического описании.

Для реализации указанной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) определить значение обратных отношений в языке, формирующих лексико-семантическую категорию конверсии;
- 2) раскрыть механизм конверсной трансформации предложения;
- 3) классифицировать лексические конверсивы с позиции словообразовательной производности;
- 4) определить семантические факторы, способствующие формированию конверсивной семантики в смысловой структуре непрямых и производных лексических конверсивов;
- 5) проанализировать, представителями каких словообразовательных типов являются производные лексические конверсивы;
- 6) разработать систему помет авторского «Словаря конверсивов русского языка»; определить структуру и содержание словарных статей, а также способ расположения словарного материала.

Объектом исследования в данной работе выступают непрямые и производные точные лексические конверсивы, выраженные в языке четырьмя основными частями речи, способными в конвертируемых предложениях выступать в функции предиката и выражать обратные отношения: глаголами, именами существительными и прилагательными и наречиями.

Предмет исследования – семантические и словообразовательные характеристики лексических конверсивов, составляющих объект нашего изучения.

Материалом исследования являются 2 546 языковых единиц, выраженных основными частями речи (глаголами, именами существительными, прилагательными, наречиями), вступающих между собой в обратные отношения и образующих в языке точные конверсивные пары. Данные единицы изъяты методом сплошной выборки из 16 источников, включающих современные толковые, словообразовательные, толково-словообразовательные, синонимические и антонимические словари, а именно: «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (2008); «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (2001); «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (2003); «Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка» Н. О. Бёме, В. В. Морковкина (2004); «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2008); «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской (2004); «Краткий словарь русских конверсивов» А. М. Гильбурда (2002); «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» в 2 т. Т. Ф.Ефремовой (2000); «Словарь антонимов русского языка» под ред. Л. А. Новикова (2006); «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (2010); «Гнездовой толково-словообразовательного словарь композитов» О. В. Петрова (2003); «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» в 6 т. под ред. Н. Ю. Шведовой (1998–2007); «Словарь русского языка» в 4 т. А. П. Евгеньевой (1981–1984); «Словарь синонимов русского языка» в 2 т. А. П. Евгеньевой (1970); «Словообразовательный словарь русского языка» в 2 т. А. Н. Тихонова (2008); «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова (2004).

Выбор источников обусловлен задачами исследования: толковые словари помогают установить смысловую структуру слова, словообразовательные – словообразовательную, толково-словообразовательные – взаимодействие смысловой и словообразовательной структуры производных лексических конверсивов. Си-

нонимические и антонимические словари в ряде случаев репрезентируют конверсивные корреляты.

Следует отметить, что отбор лексических конверсивов из состава словника современных лексикографических изданий сопряжён с рядом трудностей, поскольку на сегодняшний день конверсивная лексика рассредоточена по словарям антонимов и синонимов, соответственно уподобляясь антонимической и синонимической лексике. Наличие единственного словаря конверсивов в отечественной лексикографии – «Краткого словаря русских конверсивов» А. М. Гильбурда (2002) – не облегчает работу по обеспечению материалом исследования, поскольку допускает смешение лексических и грамматических конверсивов.

Теоретическую базу исследования составили научные труды Аристотеля [11], О. Есперсена [65], Ш. Балли [17], В. фон Гумбольдта [46], Ф. де Соссюра [149], Л. Ельмслева [62], посвящённые философскому осмыслению языка; исследования по общим вопросам зарубежного и русского словообразования Е. Куриловича [88], М. Докулила [188], Г. О. Винокура [29], В. В. Лопатина [93; 94], И. С. Улуханова [163; 164], А. Н. Тихонова [155; 156; 157; 158], Е. Л. Гинзбурга [39; 40], Е. А. Земской [70; 71], Е. С. Кубряковой [85; 86], В. Н. Немченко [118], Н. А. Янко-Триницкой [186], М. Н. Янценецкой [187], Л. Н. Роженцовой [141], В. Н. Мусатова [111], И. В. Евсеевой [61]; работы В. В. Виноградова [26], П. А. Соболевой [147; 148], А. Н. Тихонова [127], А. С. Пардаева [Там же], С. М. Саидовой [143], И. А. Ширшова [179], В. Н. Мусатова [110; 112], М. Е. Батаковой [18; 19], Л. Н. Роженцовой [135; 136; 137; 138; 139; 140], Н. М. Меркурьевой [99], М. Н. Чупановской [172; 173; 174; 175], заложивших основы деривационного подхода в изучении системной организации лексики; исследования в области лексической семантики и собственно конверсологии М. В. Никитина [119; 120; 121], Дж. Лайонза [89], Т. П. Ломтева [92], Л. Н. Мурзина [109], Е. Штайера [180], Ю. Д. Апресяна [6; 8; 9], Л. А. Новикова [123], А. И. Моисеева [106], М. И. Жилиева [68], А. М. Гильбурда [36; 37; 38], С. А. Добричева [51; 52; 53; 54; 55; 56], О. Г. Ильинской [74], А. Мустайоки [113], А. Н. Дамбаевой [47], И. И. Мин-

чук [100; 101; 102; 103; 104]; труды отечественных лексикографов Л. В. Щербы [182], В. В. Виноградова [25], Ю. Н. Караулова [78; 79], В. В. Дубичинского [60], В. В. Морковкина [107; 108], П. Н. Денисова [49], Н. А. Лукьяновой [95], В. Д. Табанаковой [144], В. И. Кабыш [75], занимающихся вопросами теоретической и практической лексикографии, а также работы в области русской деривационной лексикографии А. Н. Тихонова [159; 160], О. П. Ермаковой [64], В. Г. Головина [43], И. А. Ширшова [177], С. Б. Козинец [81], Е. С. Зайковой [69], А. В. Конищевой [82], Е. В. Гвоздевой [34; 35], В. А. Косовой [83].

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в формирование и дальнейшее развитие теории конверсологии в когнитивном, ономаσιологическом и семасиологическом аспектах. Деривационная направленность настоящей работы благотворно скажется на решении ряда вопросов русского словообразования: вопроса о словообразовательных связях частей речи; установление набора словообразовательных типов, их морфонологических моделях и словообразовательных формантах, характерных каждой анализируемой части речи, выступающей в функции лексических конверсивов, и др. Варианты решения лексикографических проблем описания конверсивной лексики способны во многом обогатить теоретические основы гнездовой отечественной лексикографии.

Практическая значимость определяется прикладным аспектом лексикологии, заключающейся в лексикографической интерпретации лексических конверсивов. Ввиду того, что современная лексикография на сегодняшний день не располагает словарём лексических конверсивов, способным отразить генезис обратных отношений в языке, модели словарных статей в составе конверсивных гнёзд, предложенные в диссертации, будут использованы при разработке авторского «Словаря конверсивов русского языка».

Материалы исследования также окажутся полезными для преподавателей и студентов при изучении вузовских дисциплин филологического направления: «Лексикология», «Лексическая семантика», «Словообразование», «Изучение язы-

ковых единиц в прагматическом аспекте», «Лексикография как отражение системных отношений в лексике» и др.

Вместе с тем практическая значимость видится нам в оказании помощи обучающимся в овладении языковой и коммуникативной компетенции в изучении современного русского языка и русского языка как иностранного посредством техники «обращения» высказывания, демонстрирующей перифрастический потенциал языка и играющей ключевую роль в вербальном поведении человека при концептуализации действительности с различных позиций.

В основу **методологии** изучения лексических конверсивов положен диалектический метод, раскрывающий законы развития и изменения языковых фактов в их взаимосвязи, внутренней противоречивости и единстве. Данный метод является универсальным в научном познании, а потому составляет общенаучный уровень нашего исследования.

На втором уровне располагаются общелингвистические методы изучения лексических конверсивов, функционирующих в абстрактной системе языка и его речевой реализации. Эти методы напрямую связаны с языковым назначением конверсных трансформаций создавать денотативно тождественные высказывания. Именно поэтому при описании конверсивной пары в исследовании в ряде случаев необходимо приводить реальные примеры их употребления в речи (текстах). В качестве иллюстративного примера в диссертации приводятся цитаты из текстов современного русского языка, представленные в Национальном корпусе русского языка [114; 115] (за редким исключением), частично или полностью трансформируемые автором. Если цитата представляет собой предложение, обладающее категорией конвертируемости, то она будет являться исходным предложением, и автор в этом случае конструирует лишь предложение-трансформ посредством актантной трансформации. Если цитируемое предложение не обладает категорией конвертируемости, то за основу берётся речевая ситуация, представленная в высказывании (денотат), трансформируется автором посредством синонимического преобразования в предложение, способное выражать субъектно-объектные отно-

шения, после чего сконструированное рабочее предложение трансформируется в конвертируемое посредством конверсного преобразования.

Помимо этого, примеры употребления лексические конверсивы в текстах выполняют функцию лингвистического эксперимента, за которым стоит проверка условий функционирования конверсивов для определения их семантико-синтаксических, грамматических, лексико-семантических и семантико-деривационных характеристик. Следует отметить, что необходимость использования лингвистического эксперимента при изучении тех или иных языковых явлений отмечали ещё А. Н. Гвоздев [3], А. М. Пешковский [131] и Л. В. Щерба [181].

Основным лингвистическим методом изучения лексических конверсивов в нашей работе является описательный метод, рассматривающий язык как систему независимо от его развития, включающий приёмы: описания языковых явлений; системного анализа, сочетающий классификацию и обобщение конверсивных отношений между языковыми единицами; индукции; дедукции и формализации, выражающейся в графическом обозначении рабочей лингвистической единицы при изучении производных лексических конверсивов – словообразовательного квадрата.

Под словообразовательным квадратом мы понимаем методологический приём, с помощью которого у каждой пары производных лексических конверсивов (либо одного производного из конверсивной пары) устанавливается производящая база с целью выявления генезиса конверсивных отношений в языке. Данный приём имеет графическое обозначение квадрата, у которого на вершинах одной из сторон располагается пара производных лексических конверсивов (либо пара, состоящая из непроизводного и производного конверсивов), а на вершинах противоположных сторон – производящая база каждого конверсива. Всего было проанализировано 1 152 словообразовательных квадрата, включающих 2 189 конверсивных дериватов. Анализ языковых единиц, вступающих в конверсивные отношения, ведётся на уровне словарных дефиниций, представленных в современ-

ных толковых словарях. В ряде случаев при интерпретации конверсивов мы опираемся на собственную филологическую компетенцию и языковое чутьё.

В работе также использованы эмпирические приёмы наблюдения, сопоставления и интерпретации исследуемого объекта.

Существенная роль в нашем исследовании отведена частнолингвистическим приёмам: синтаксическому анализу структуры конвертируемых предложений; трансформационному анализу, исходным положением которого является предположение о том, что любое конкретное высказывание может быть испытано на возможность определённых преобразований и что такие испытания могут служить выявлением различий семантико-синтаксического характера между компонентами предложения или его тождества; компонентному анализу лексических конверсивов; анализу словообразовательной структуры лексических конверсивов; лингвостатистическому методу, обобщающему количественные результаты исследования.

Комплексное и последовательное применение обозначенных методов при изучении лексических конверсивов позволяет обеспечить адекватность и достоверность лингвистических результатов, представленных в виде упорядоченного знания о конверсивах, коим является лексикографирование исследуемых языковых единиц.

Диссертационное исследование представлено восемью частями: «Введением»; двумя главами, сопровождающимися промежуточными выводами: главой I «Конверсия как способ выражения обратных отношений в русском языке» и главой II «Способы репрезентации конверсии в лексической системе русского языка»; «Заключением»; «Списком сокращений и условных обозначений»; «Списком литературы»; «Списком источников»; «Списком иллюстративного материала».

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексическими конверсивами можно считать лишь языковые единицы одного лексико-грамматического класса, значения которых соотносятся с инвариантным денотатом и реализуются в изменении направления отношений в семан-

тической структуре конвертируемых предложений. Все слова, сложившееся в языке на основе таких отношений (обратных), образуют конверсивные пары.

2. Конверсивные пары образуют не только соотносительные лексико-семантические варианты разных слов, но одни и те же лексико-семантические варианты одного слова, образуя класс автоконверсивов – слов, обладающих свойством семантической идентичности, но при этом обладающих всем комплексом признаков лексических конверсивов.

3. Прямая конверсия представлена в языке непроизводными лексическими конверсивами, вступающими в обратные отношения на основании интегральной семы, изначально заложенной в структуре лексико-семантического варианта слова и обеспечивающей им соотносительность значений. Непрямая конверсия представлена в языке производными лексическими конверсивами, семантическое взаимодействие которых обусловлено наличием или, напротив, отсутствием «свойства производных единиц воспроизводить с различной степенью адекватности структурно-семантические характеристики и смысловые отношения производящих их единиц» [138, 5] – семантического отражения.

4. Лексические конверсивы, способные в процессе словопроизводства отразить смысловые отношения производящей базы, демонстрируют отражённый вид конверсии. Лексические конверсивы, не способные отразить смысловые отношения производящей базы, самостоятельно развивают в смысловой структуре обратные отношения за счёт общей семы, актуализирующейся в процессе деривации, и демонстрируют неотражённый вид конверсии.

5. Структура словарной статьи будущего авторского «Словаря конверсивов русского языка» отражает логику изучения обратных отношений и соответствует семантико-синтаксическим, грамматическим, лексико-семантическими и семантико-деривационным критериям выделения лексических конверсивов в языке. Ввод конверсивного гнезда в качестве комплексной структурной единицы предполагаемого словаря позволяет выявить генезис конверсивных отношений в семантическом пространстве словообразовательных гнёзд.

Результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на различных региональных и международных научно-практических конференциях: Научно-практической конференции, посвященной 105-летию со дня рождения М. М. Власенко (Иркутск, 15 марта 2013 г.); XXXIX Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Москва, 11 августа 2015 г.); LI Международной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 17 августа 2015 г.); VI международной научно-практической конференции «Наука сегодня» (Вологда, 23 сентября 2015 г.); XXIII Региональной научно-практической конференции «Кудрявцевские чтения» (Иркутск, 26 марта, 2016 г.). Материалы работы ежегодно обсуждались на открытых заседаниях кафедры филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (2012–2016 гг.).

Основное **содержание диссертации** изложено в трёх научных работах, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.

Дополнительно по теме диссертации опубликовано 6 научных статей в сборниках по материалам российских и международных научно-практических конференций и 1 статья – в российском электронном научном журнале.

Большая часть публикаций автора размещена в системе «Российский индекс научного цитирования» на сайте Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru>.

Глава 1

Конверсия как способ выражения обратных отношений в русском языке

Данная глава посвящена теоретическому описанию категории конверсии как способа выражения обратных отношений в языке. В связи с этим определяется значение обратных отношений в языковой системе на грамматическом и лексико-семантическом уровнях; анализируются лингвистические тенденции в истории изучения конверсии в отечественном языкознании; формулируются принципы деривационного подхода в изучении лексико-семантической категории конверсии, определившие методологическую базу диссертационного исследования.

1.1. Обратные отношения в системе русского языка

Обратные отношения являются онтологическим свойством языка, возникающим как реакция на прямые отношения в синтагматической системе и формирующим пласт конверсивной лексики в парадигматической системе языка.

1.1.1. Значение обратных отношений в языке

Обращение к идее обратности открывает невиданные горизонты лингвистического исследования, т. к. демонстрирует богатство и выразительность русского языка, а также эксплицирует и кодифицирует его взаимосвязи и отношения, формируя тем самым научное представление об объекте лингвистической науки – языке.

Одним из показателей богатства языка является гетеронимативность, обеспечивающая его перифрастический потенциал. «Реализация возможности обозначить один объект несколькими именами» [44, 207], лежащей в основе перифрастической номинации, во многом базируется на технике «обращения» высказывания, демонстрирующей в языке обратные отношения между взаимотрансформируемыми предложениями, характеризующимися единством смысловой структуры и различием языковых средств выражения.

Понятие «обращения» высказывания связано с обратным порядком следования семантической структуры предложения, в результате которого в нём проис-

ходит изменение направления отношений от одного участника ситуации (субъекта) к другому (объекту) и обратно.

В качестве примера рассмотрим обратный порядок следования семантической структуры в следующем предложении: «*Пётр I был <...> целой головой выше любой толпы*» (Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций, 1904.) [115]. В данном предложении представлена типовая компаративная ситуация с относительной семантикой, которая указывает на то, в какой степени признак субъекта (*Петра I*) превышает признак объекта (*толпы*). При этом между субъектом и объектом устанавливаются субъектно-объектные отношения сравнения, выражаемые предикатом *быть выше*. Указанные отношения относятся к обоим участникам ситуации, описанной в предложении, а потому их возможно представить в обратном порядке: *Любая толпа была целой головой ниже Петра I*. Изменение направления отношения не влияет на денотативную структуру предложения, поскольку обратный порядок субъектно-объектной структуры концептуализирует один и тот же внеязыковой факт с разных точек зрения: в первом предложении компаративная ситуация рассматривается с позиции *Петра I*, а во втором – с позиции *толпы*, как показано на рисунке 1 «Прямой и обратный порядок следования семантической структуры предложения» (см. рисунок 1 на с. 17):

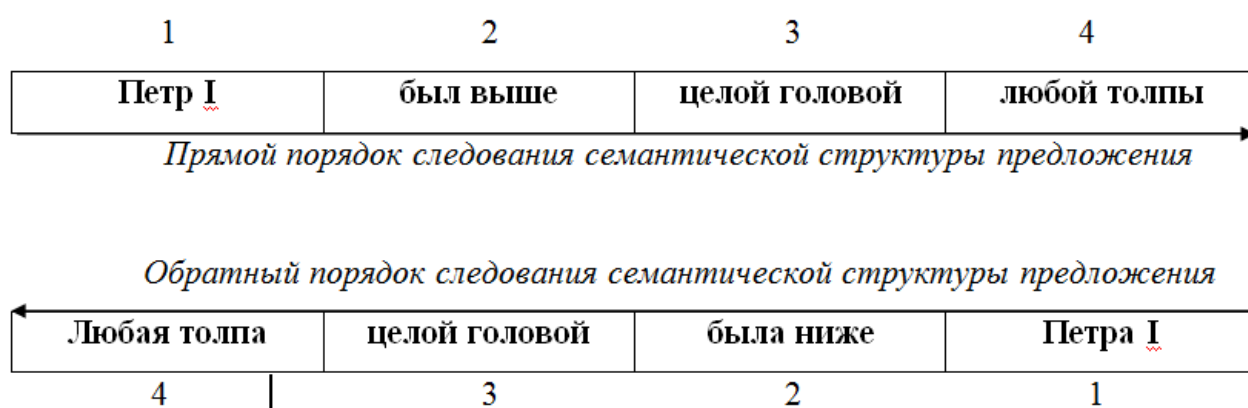

Рисунок 1. Прямой и обратный порядок следования семантической структуры предложения: 1 – субъект; 2 – предикат отношения; 3 – основание сравнения; 4 – объект.

Обратный порядок следования семантической структуры не стоит отождествлять с понятием «обратный порядок слов в предложении», т. е. «расположением компонентов предложения в такой последовательности, при которой номинатор сказуемого предшествует номинатору подлежащего» [185, 207], одним из проявлений которого является инверсия, широко используемая в художественном и разговорном стилях речи для актуализации смысловых акцентов:

«Хороши зимние вечера в колонии» (Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Ч. 2, 1934.) [115] (обратный порядок слов). – *Зимние вечера в колонии хороши* (прямой порядок слов).

При нарушении словопорядка происходит мена позиции слов без изменения их функций в структуре предложения в отличие от обратного порядка следования семантической структуры, при котором происходит взаимная мена позиции субъекта и объекта в «обращённых» высказываниях:

«Он [И. И. Есипенко – *И. И.*] с благодарностью вспоминает директора школы Антона Семёновича Макаренко. <...> С июля 1941 по июль 1944 года И. И. Есипенко выполняет поручения командования по обеспечению армии продовольствием». (Федосов А. Иван Иванович Есипенко) [167] → *И. И. Есипенко, выполнявший поручения командования по обеспечению армии продовольствием с июля 1941-го по июль 1944-го года, был воспитанником знаменитого педагога А. С. Макаренко. ⇔ Знаменитый педагог А. С. Макаренко был воспитателем И. И. Есипенко, выполнявшего поручения командования по обеспечению армии продовольствием с июля 1941-го по июль 1944-го года.*

Наличие обратных отношений в языке, возникающих при обратном порядке следования семантической структуры предложения, является не только показателем богатства русского языка, но и важнейшим средством его выразительности, поскольку «делают информацию о денотате более богатой, а различительные средства предложения более выразительными» [92, 37]. Например, предложения *Сегодня в Кремле Президент Российской Федерации В. В. Путин вручил орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени музыканту Владимиру Спивакову*

(пример И. И.) и *Сегодня в Кремле музыкант Владимир Спиваков получил орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени от Президента Российской Федерации В. В. Путина* обозначают одно событие – ситуацию церемонии государственного награждения, но каждое из этих предложений имеет семантическую специфику. Семантическое назначение первого предложения состоит в том, чтобы передать информацию о действиях Президента Российской Федерации по отношению к музыканту в ситуации церемонии государственного награждения, второго – о действиях музыканта по отношению к Президенту Российской Федерации в той же ситуации. Репрезентация ситуации с разных сторон посредством обратных отношений обеспечивает логический акцент на субъекте или объекте «обращённых» предложений.

Возможность указанной техникой «обращения» высказывания передавать различия в логическом ударении и тем самым играть первостепенную роль в актуальном членении предложения отмечается в работах отечественных лингвистов Ю. Д. Апресяна [6] и Е. В. Падучевой [125], однако Л. И. Богданова [23] наряду с данными функциями отмечает не менее важное семантическое назначение обратных отношений «не называть вещи своими именами с целью максимально смягчить информацию, уйти от ответа» [23, 175], «подчеркнуть инициативность, большую или меньшую активность того или иного участника ситуации» [Там же, 176]; быть источником экспрессии, языковой игры и даже вежливости [Там же, 176–177]. Ср.:

«Первую партию мой партнёр не проиграл, другую партию я у него не выиграл, а третью партию я хотел было свести к ничьей, но он не согласился». [Там же, 175] → *Первую партию я проиграл моему партнёру, другую партию он выиграл у меня. ⇔ Первую партию мой выиграл у меня, другую партию я проиграл ему;*

Лопухин купил имение у Гаева и Раневской. ⇔ Гаев и Раневская продали имение Лопухину [Там же, 176].

«Обращение» предложения базируется на логической операции человеческого мышления осмысливать ту или иную ситуацию действительности с разных сторон (в прямом и обратном порядке), однако «обратная конструкция, логически всегда возможная, не во всех случаях принята в языке» [17, 123]. Так, например, обратное предложению *Собака – друг человека (пример И. И.)* будет предложение *Человек – друг собаки*, однако обратное отношение оно не выражает в силу нарушения тождественности семантической структуры исходного предложения. В первом предложении предикат выражен нулевым присвязочным глагольным компонентом *есть* и лексемой *друг₁* ‘животное, преданное человеку’, а её коррелятом в трансформируемом предложении является лексема *друг₂* ‘человек, связанный с кем-либо отношениями взаимного расположения, преданности, уважения и пр’. Несовпадение лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) полисеманта *друг* в этих предложениях накладывает семантическое ограничение на реализацию «обращения» предложения, подчеркивая его семантическую сущность, а существование в художественном дискурсе фразы «*Человек собаке друг / Это знают все вокруг / Понятно всем как дважды-два / Нет добрее существа*» (Либин М. *Человек собаке друг*, 1977.) [129] обусловлено комическим эффектом художественного текста, для достижения которого автором использован приём намеренной интеграции ЛСВ полисеманта *друг*, обладающего развитой смысловой структурой. Ограничение на «обращение» предложения накладывают не только семантические, но и семантико-синтаксические, логические и функционально-коммуникативные особенности.

Собственно логическим основанием «обращения» предложения в языке выступает понятие «конверсии» в логике предикатов – особом разделе математической науки, подарившей этот термин лингвистической науке для обозначения языковой категории конверсии, формируемой обратными отношениями [38, 4].

Как известно, логика – это «наука о рассуждениях, которая позволяет определить истинность или ложность того или иного математического утверждения, исходя из совокупности первичных предположений» [58, 1]. Структура простого

высказывания (суждения) в логике имеет формулу «Все S есть P», где S – субъект (от лат. *subjektum* «лежащий в основе»), т.е. «понятие, отражающее предмет мысли, то, о чём мыслится в данном суждении» [48], а P – предикат (от лат. *praedicatum* «сказанный»), т.е. «понятие, отражающее признак предмета мысли, то, что мыслится о субъекте суждения» [Там же], например: *Все лексические конверсивы (S) являются словами (P) (пример И. И.)*. Однако к данному умозаключению можно прийти и путём постановки предиката на место субъекта, а субъекта – на место предиката: *Некоторые слова являются лексическими конверсивами*. В результате перестановки структурных элементов исходного суждения изменилась его форма, реализованная обратными отношениями между исходным и обратным ему высказыванием. Содержание же при этом не поменялось, а потому оба высказывания характеризуются логической эквивалентностью и истинностным значением в обоих случаях.

Вышеописанный способ преобразования простого суждения в логической науке именуется конверсией (от лат. *conversio* «обращение вспять», «переворот», «изменение направления»). В логике очень важно понимать, что исходное и обратное ему высказывание по сути являются одним и тем же высказыванием, отличающиеся лишь меной позиции субъекта и предиката, ни в коем случае не влияющей на качественную характеристику, более того: обратное высказывание возвращает содержание к его исходному состоянию – некоему первоначалу.

Логическое понимание конверсии коррелирует с пониманием конверсии в её философском осмыслении, выражающей идею обратимости.

Понятие обратимости сформировалась в античной философии и оказалось тесно связанным с проблемой поиска первоначала бытия. Поиск этой субстанции в трудах древних философов, осуществлялся, как правило, путём конверсии – изменении ментального порядка, подразумевающего идею возврата к первоначалу: «<...> античная философия никогда не была построением абстрактной системы, но представляла как призыв к конверсии, через которую человек снова обретает свою первоначальную природу» [1, 202–203]. Возвращение к первоначалам бытия

возможно лишь в процессе, идущем в обратном от исходного, в результате чего возникает не просто обратное, но обратимое движение мысли по кругу: «Доказательство же исходит из некоего начала и так или иначе имеет своё завершение в умозаключении или выводе. Если же доказательства и не доходят до конца, то по крайней мере не возвращаются назад к началу, а, всегда, присовокупляя средний и крайний термины, идут прямым путем. Между тем круговое движение снова возвращается к началу» [12, 383].

Постулаты логики и философии на протяжении ряда столетий использовались для развития многих отраслей знания, в т. ч. и научного знания о языке, а потому логико-философские основы конверсии предопределили лингвистическое понимание конверсии – категории, выражающей обратные отношения в языке, существенными характеристиками из которых являются следующие:

1) обратные отношения проявляют себя в обратном порядке следования субъектно-объектной структуры предложения, словно возвращая его в исходную позицию: «По данным ЦИК, за Путина проголосовали около 45 млн избирателей». (Газета.Ru. ЦИК: Путин потратил на свою кампанию 399 млн руб., 2012.) [114] → *Большинство граждан Российской Федерации – избиратели Владимира Путина на президентских выборах 2012 года. ⇔ Владимир Путин – избранник большинства граждан Российской Федерации на президентских выборах 2012 года.*

2) обратные отношения логически всегда возможны, но имеют ряд семантических, семантико-синтаксических и функционально-коммуникативных ограничений;

3) обратные отношения реализуются в конверсном биноме (термин С. А. Добричева [51; 56]) – двух конвертируемых предложениях, одно из которых обладает прямым порядком следования семантической структуры, а другое – обратным;

4) обратные отношения имеют противоположные направления, проявляющиеся в противоположности субъектного ракурса денотативной структуры предложения;

5) обратные отношения не меняют денотативной структуры исходного предложения (т. е. общая семантика исходного предложения остаётся неизменной);

6) обратные отношения соотносительны и взаимно предполагают друга;

7) обратные отношения формируют языковую категорию конверсии, обнаруживающей себя во взаимной трансформации предложений посредством мены семантических и синтаксических актантов при сохранении их денотативного значения, языковыми репрезентантами которой выступают конверсивы.

Обратные отношения, формирующие языковую категорию конверсии, не только свидетельствует о наличии данных отношений в системе языка, но и подчёркивает их важность в кодификации синтагматических и парадигматических отношений, пронизывающих каждый уровень языковой системы.

Под синтагматическими отношениями в языке понимаются отношения, устанавливаемые между синтагмами, – «последовательными соединениями двух или более языковых единиц в соответствии с тем или иным типом связи» [184, 168], под парадигматическими – отношения, в которые вступают языковые единицы одного уровня, образуя языковые парадигмы – «набор однородных языковых единиц, противопоставленных по одному-двум признакам» [41, 99]. Синтагматические отношения и парадигматические отношения в языковой системе получили освещение в трудах швейцарского учёного Фердинанда де Соссюра, причем последние были идентифицированы им как «ассоциативные отношения» [149, 123] (позднее Л. Ельмслев предложил название «парадигматические отношения», которое и закрепилось в языкознании [62, 63]).

На синтагматическом уровне конверсия проявляет себя в прямом и обратном порядке следования семантической структуры предложения, на парадигматическом – в формировании языковой парадигмы конверсивной лексики.

Ср.: *выдать – получить; вручить – принять:*

«Однако Россельхозбанк не только выдал кредит, но и вручил юбилейным заемщикам подарки: автомобиль "Газель" и фотоаппарат». (Волкова М. Село продолжают кредитовать, 2008.) [114] ⇔ Однако юбилейные заёмщики не только получили кредит от Россельхозбанка, но и приняли подарки: автомобиль «Газель» и фотоаппарат.

Недооценивание роли обратных отношений на грамматическом уровне или отождествление их с иными отношениями в лексико-семантической системе языка способно существенно деформировать представление о системе русского языка, исказив тем самым окружающий миропорядок, поскольку «язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [46, 23].

Определение грамматических и лексических репрезентантов конверсии как языковой категории, находящейся в «межуровневом языковом пространстве – на стыке синтаксиса и лексической семантики» [56, 49], диктует необходимость рассмотрения её семантико-синтаксических основ.

1.1.2. Семантико-синтаксические основы конверсии

Конверсия как языковая категория проявляет себя, прежде всего, в категории конвертируемости субъектно-объектных отношений предложения, реализуемой посредством актантной трансформации. Соответственно, для понимания языковой природы конверсии необходимо обратиться к таким понятиям семантического синтаксиса, как **конвертируемость предложения, субъектно-объектные отношения и актантная трансформация.**

Конвертируемость предложения является одной из базовых категорий предложения в русском языке, способной репрезентировать обратные отношения на грамматическом уровне. Под **конвертируемостью** (от лат. *convertere* «обращать», «поворачивать») следует понимать способность предложения изменять направле-

ние отношения в обратном порядке, не изменяя его грамматическую структуру и денотативное значение:

«Зинаида Николаевна Рейх родила Есенину в 1918 году дочь Татьяну и <...> сына Константина». (Малова М. Дети Сергея Есенина. Судьбы, 2016.) [115] ⇔ *Дочь Татьяна и сын Константин были рождены Есенину в 1918 году Зинаидой Николаевной Рейх.*

Категорию конвертируемости предложения в грамматику русского языка ввёл Т. П. Ломтев для обозначения обратного порядка следования «звеньев» предложения при сохранении его синтаксической и семантической структуры: «<...> отношения [в предложении – *И. И.*] содержат звенья, которые наделяют соответствующими свойствами предметы отношения, <...> распределение предметов по звеньям может быть различным: прямым и обратным; иначе говоря, порядок следования предметов в отношении может быть конвертирован при полном сохранении всех свойств отношения. Конвертирование предметов в отношении не изменяет структуру предложения <...>» [92, 116].

В русском языке изменение направления отношения происходит между субъектом и объектом предложения. Субъект и объект – понятия семантического синтаксиса, ориентированного на содержание синтаксических единиц, используемые для выражения «зависимого» отношения «между двумя субстанциями, из которых одна становится <...> объектом при субъекте» [176, 310].

В логической теории термин «субъект» обозначает предмет суждения, выраженный предикатом [48]. В грамматической традиции под субъектом понимается предмет мысли, именуемый в грамматике агенсом [90; 117]. Понятие «субъект» тесно связано с понятием «подлежащее», обозначающим главный член двусоставного предложения, признак которого определяется сказуемым: «Субъект в предложении находит выражение в подлежащем. Следовательно, подлежащее представляет собой слово или сочетание слов, которым обозначается субъект» [146, 108]. Однако отождествлять эти два понятия некорректно, т. к. подлежащее – это член предложения, выраженный конкретными языковыми единицами

– словами или словосочетаниями, а субъект – это «не слова, не члены предложения, а предметы мысли: это то, что отражается в предложении, но само находится вне предложения» [Там же].

Под объектом, именуемом в грамматике пациенсом, в языкознании понимается предмет или лицо, на которые распространяется предикативный признак субъекта [90, 249]. На грамматическом уровне объект выполняет функцию дополнения, выраженного падежными или предложно-падежными субстантивными или местоименными словоформами.

Так, в предложении «*Иван Прохорович пишет новую книгу о той партизанской войне*» (Долгополов Н. В лесах ценили контрразведку, 2000.) [115] субъектом выступает антропоним *Иван Прохорович*, а объектом – слово *книга*, выраженное именем существительным в функции прямого дополнения. Мена позиции субъекта и объекта изменяет направление отношения в предложении и концептуализирует ситуацию с позиции объекта, а в языке выстраивает обратную – конвертируемую – конструкцию от объекта к субъекту: *Новая книга о той партизанской войне пишется Иваном Прохоровичем*.

В рамках нашего исследования мену позиции субъекта и объекта целесообразно обозначить как **актантную трансформацию**, поскольку актанта – это обусловленный предикатом участник ситуации, представленной в языковой конструкции. Соответственно, **субъектом** мы будем называть актанта, выражающий предмет мысли; **объектом** – актанта, выражающий предмет или лицо, по отношению к которому характеризуется субъект; **предикатом** – понятие, отражающее то, что мыслится о субъекте. В целом же трансформацией в лингвистике называется «акт преобразования одной синтаксической структуры предложения в другую при сохранении лексического состава и исходной (ядерной, базисной) и производственной структур» [21], в результате которого образуются «соотносительные синтаксические конструкции предложения, инвариантные по содержанию и различные по грамматической форме» [Там же].

Бинарная оппозиция «субъект – объект» формирует в языке **субъектно-объектные отношения**, выражаемые предикатом.

Термин «предикат», также логический по происхождению, в современном языкознании часто употребляется наравне с термином «сказуемое» [150, 177-178, 180], подобно тому, как субъект отождествляется с подлежащим [Там же, 178]. Но «с термином «сказуемое» ассоциируется прежде всего формально-грамматический аспект этого члена предложения, с термином «предикат» – его содержательный аспект. Поэтому принято говорить о формальных (грамматических) типах сказуемого (ср. глагольное, именное, простое, составное сказуемое), но о семантических типах предиката» [90]. Предикат, обозначающий то или иное отношение между субъектом и объектом в конвертируемых предложениях, относится к **реляционному** (от лат. *relatio* «отношение», «зависимость», «связь») **типу предиката**.

Следует отметить, что в данном вопросе лингвистам свойственно расхождение во мнениях относительно определения семантического типа предиката в предложениях, обладающих категорией конвертируемости [72], поскольку классификация семантических типов предикатов в русском языке является одним из спорных вопросов, однако мы придерживаемся классификации Н. Д. Арутюновой, выходящей за пределы «глагольной» классификации и указывающей на то, что реляционный предикат – это «предикат, обозначающий отношение между двумя объектами» [14, 294], а применимо к нашему исследованию – субъектом и объектом. Как отмечает Ю. С. Степанов, во «всех предложениях с отношениями типа *Москва больше Ленинграда*, или *Охотник убивает оленя*, или *Петя – отец Вани*» [150, 180] различие между субъектом и объектом не принципиально, поскольку «это предложения с двумя термами [актантами – *И. И.*] равной меры индивидуальности» [Там же], а потому подобные предложения можно обозначить как «предложения с двумя субъектами или двумя объектами безразлично» [Там же].

Обзор имеющихся в науке взглядов на природу субъекта, объекта и предиката и способов их выражения в языке – понятий, имеющих непосредственное от-

ношению к конверсии как грамматической категории, – позволяет установить, что синтаксическая модель предложения, потенциально обладающая категорией конвертируемости, выглядит следующим образом: субъект – предикат – объект. Ср.:

«Он злоеще замолк, и стало слышно, как ветер качает лопасти вертолётов на командирской площадке». (Селиванова А., Герасименко С. Вчера оправдали смерть 20 омовцев, 2002.) [114] \Leftrightarrow *Он злоеще замолк, и стало слышно, как лопасти вертолетов качаемы вертолётном на командирской площадке.*

«Година нервно перешётывается с Кабешовой». (Захарова О. Мэйд ин чайна, 2008.) [Там же] \Leftrightarrow *Кабешова нервно перешётывается с Годиной.*

Категория конвертируемости предложения предопределяет функционирование конвертируемых предложений в языке, существенными **признаками** которых является **логическая, денотативная, смысловая и грамматическая тождественность**, а также **взаимная мена коммуникативных рангов** [100].

Логическое тождество конвертируемых предложений проявляется в двусторонней импликации (от лат. *implicatio* «связь»), т. е. бинарной логической связке, по своему применению приближенная к формуле «если S, то P и если P, то S», и инвариантном (неизменном) денотате:

Причиной случившегося, по версии журналиста, стала попытка сотрудника администрации помешать съёмке: он выхватил фотоаппарат и сломал телефон. (Ульянов А. В Екатеринбурге митинг вылился в драку журналиста с чиновником мэрии, 2010.) [114] \rightarrow *Сотрудник администрации сломал телефон журналиста.* \Leftrightarrow *Телефон журналиста сломан сотрудником администрации.*

Ср. с парой «псевдоконвертируемых» предложений, где данный логический критерий нарушается: *Сотрудник администрации сломал телефон журналиста.* \neq *Телефон журналиста сломался из-за сотрудника администрации* (из того, что телефон журналиста сломался из-за сотрудника администрации, не следует, что сотрудник администрации сломал телефон, о чём говорится в первом предложении).

Денотативное тождество предполагает тождество денотативной структуры ситуации, отображаемой в конвертируемых предложениях. «Денотат – это объект мысли, отражающий предмет или класс предметов действительности и обозначаемый языковым выражением» [31].

Смысловое тождество подразумевает собственно смысловую эквивалентность конвертируемых предложений, тождество выраженной в них мысли. Ср. с приведённой выше парой «псевдоконвертируемых» предложений: субъектно-объектные отношения между сотрудником и телефоном в первом предложении изменяются на каузальные (причинные) отношения между участниками ситуации во втором предложении.

Взаимная мена коммуникативных рангов помогает сконцентрировать внимание говорящего или пишущего на коммуникативно значимом для него участнике ситуации, отражённой в конвертируемых предложениях. Коммуникативный ранг – это понятие коммуникативного синтаксиса, обозначающий «место участника в иерархии степеней тематичности. <...> ранг – это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [124, 58]. Данный критерий, по словам И. И. Минчук, «отражает механизм конверсного преобразования» [100, 274], в ходе которого осуществляется мена позиции субъекта и объекта, например:

«...убийца – любовник Евгении, узнавший о ее прошлом». (Говоров В., Хлыстенко Г. Миллионерша заказала убийство гадалки, которая «прокляла её бизнес», 2011.) [114]. ⇔ *Евгения – любовница убийцы, узнавшего о её прошлом.*

Ср. с примером «*Стакан наполовину полон*» и «*Стакан наполовину пуст*». [119, 50] который М. В. Никитин относит к конверсным преобразованиям [119], вычлняя два состояния одного денотата, однако позиция субъекта в предложении при этом остаётся неизменной, не позволяющий говорить о смене коммуникативных рангов и, соответственно, обратных отношениях.

Грамматическое тождество конвертируемых предложений выражается в тождестве их трёхчленной синтаксической модели «субъект – предикат – объект»;

синтаксической функциональности членов предложения, а также тождестве частеречной принадлежности языковых репрезентантов конверсии – конверсивов, например:

Автомобиль – собственность Александра. (пример автора – И. И.) ⇔ Александр – владелец автомобиля.

Ср. с предложением, в котором нарушена синтаксическая модель исходного предложения при сохранении смысла *Александр – автовладелец.*

Языковыми репрезентантами реляционных предикатов в конвертируемых предложениях выступают конверсивы – соотносительные формы слов (грамматические конверсивы) или слова (лексические конверсивы), участвующие в предикативном центре конвертируемых предложений и обеспечивающие их логическое, денотативное, смысловое, грамматическое тождество, а также корректную мену коммуникативных рангов.

Семантико-синтаксические основы конверсии как языковой категории предопределяют видение на конверсию в лексико-семантической системе языка, ориентированной на анализ смысловой структуры лексических конверсивов, способных соотноситься с денотатом конвертируемых предложений. Подчеркнём, что грамматические конверсивы – грамматические формы слов, выражающие обратные отношения между субъектом и объектом в конвертируемых предложениях – не являются объектом нашего исследования, однако к рассмотрению данных языковых единиц нам предстоит вернуться при рассмотрении лингвистических тенденций в изучении конверсии в отечественном языкознании.

1.1.3. Конверсия как лексико-семантическая категория языка

Конверсия как лексико-семантическая категория наименее исследована в лингвистике в силу объективных причин. Во-первых, её изучение началось сравнительно недавно [20, 221] – к лексико-семантическим характеристикам конверсивов языковеды обратились лишь в начале 80–х гг. XX в. Во-вторых, конверсия представляет собой настолько разностороннее и многоаспектное явление [97], что изучением всех её проявлений предстоит заняться не одному поколению учёных.

В-третьих, пристальное внимание лингвистов к семантико-синтаксическим аспектам конверсии на протяжении ряда десятилетий (категории конвертируемости предложения [92], признакам конвертируемых предложений [16; 92], языковым репрезентантам конверсии на грамматическом уровне – грамматическим конверсивам [37; 109; 189]) сформировали в науке представление о том, что «лексическая конверсия – явление по существу залоговое» [6, 231].

Однако кроме языковых репрезентантов конверсии на грамматическом уровне в языке широко представлены лексические конверсивы, формирующие пласт конверсивной лексики. **Лексическими конверсивами** (далее ЛК) мы называем слова одного лексико-грамматического класса, содержащие в смысловой структуре ЛСВ, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений. Языковые единицы, возникшие в языке на основе таких отношений, образуют **конверсивные пары** (далее КП). Конвертируемые предложения в науке получили название **конверсного биннома** [51; 56].

Наше определение ЛК базируется на совокупности **семантико-синтаксических, грамматических и лексико-семантических характеристик**, присущих ЛК, подчёркивающих межуровневый статус конверсии как языковой категории.

К **семантико-синтаксическим признакам** ЛК мы относим их способность занимать позицию, как минимум, двухместного реляционного предиката в конвертируемых предложениях и в них функционально «замещать» друг друга. Проиллюстрируем данное утверждение следующими примерами:

*«Притяжательное местоимение **предшествует** существительному <...>». (Иткин И. Чёрный кот и чёрный ящик, 2009.) [115] ⇔ **Существительное следует за притяжательным местоимением.***

Указанные предложения обладают категорией конвертируемости, поскольку представленная в них ситуация поочерёдно представлена с позиции субъекта и

объекта, не влияющая на логическое, денотативное, смысловое и грамматическое тождество рассматриваемых конструкций, а также демонстрирующая взаимную мену коммуникативных рангов: притяжательного местоимения и существительного. При этом между участниками представленных ситуаций устанавливается взаимосвязь, определяющая характеристику субъекта через его отношение к объекту, – субъектно-объектные отношения, выраженные реляционным предикатом, имеющим две валентности и обладающим общей семантикой «отношение между двумя субстанциями».

Языковыми репрезентантами данных предикатов выступают слова *предшествовать* 1) ‘находиться, располагаться перед чем-либо’; 2) ‘идти впереди, непосредственно перед кем-либо’ – *следовать* 1) ‘находиться, располагаться непосредственно за чем-либо, после чего-либо’; 2) *следовать* ‘идти следом, непосредственно за кем-либо’, являющиеся ЛК, функционально замещающими друг друга в анализируемых предложениях.

К **грамматическим признакам** ЛК следует отнести их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу: глагольным, субстантивным, адъективным или адвербиальным ЛК, способным в конвертируемых предложениях выступать в функции предиката:

*создатель*₁ ‘тот, кто создал₁ что-либо’ – *создание*₁ ‘то, что создал₁ кто-либо’:

«Лавров – <...> **создатель** первого в СССР транслятора с Алгола <...>». (Дубова Н. Орбита Лаврова, 2004) [115] ⇔ *Первый в СССР транслятор с Алгола – создание Лаврова.*

Из служебных частей речи (далее ЧР), как отмечают лингвисты, в конверсивные отношения способны вступать **предлоги** [6; 28; 38; 68; 74; 123] и **союзы** [6; 74; 165], «служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности» [90]. Однако данный вопрос на сегодняшний день представляется нам дискуссионным, поскольку пред-

логи и союзы, будучи несамостоятельными словами, передают в языке отношения между предметами, свойствам, действиями и т. п., не обозначая их. Соответственно, служебные слова, не обладая способностью к номинации, лишены возможности выражать лексическое значение (далее ЛЗ) и самостоятельно выступать в предложении в функции предиката, являющейся неотъемлемым свойством ЛК. Вероятно, наделение учёными конверсивной семантикой служебных слов связано с их «примыканием» к предикативным центрам высказываний [6; 38; 68; 74; 123] либо предложным переосмыслением различных ЧР [27; 28], например:

поэтому – потому что:

*«"Евровидение" смотрит вся страна, **поэтому** участника для "Евровидения" должна выбирать вся страна». (Андрианов С., Ганевич О. Беларусь снова не прошла в финал "Евровидения", 2011.) [115] ⇔ Участник для «Евровидения» должен выбираться всей страной, **потому что** «Евровидение» смотрится всей страной;*

*«Вертолёт находится в **видимости** танка» [27]. ⇔ «Танк находится в **видимости** вертолёта» [Там же].*

Несоблюдение лингвистами единства частеречной принадлежности ЛК, образующих КП в языке [23; 38], приводит к ошибочному пониманию языковой природы конверсии и функционированию в языке «псевдоконверсивов» и «псевдоконвертируемых» предложений, поскольку нарушает логику стандартной общенаучной операции сравнения, заключающейся в сопоставлении двух и более однородных объектов с целью получения информации об их сходстве либо же степени сходства или различии. Ср. предложения *«Жена, девочка пятнадцати лет, – **наследница** части обширных гаишкайских пастбищ и тысячи грубошёрстных овец...»* (Иличевский А. Перс, 2009.) [115] ≠ *Часть обширных гаишкайских пастбищ и тысяча грубошёрстных овец наследуется женой, девочкой лет пятнадцати*, в которых происходит мена субстантивного конверсива *наследница* в первом предложении на возвратный глагол *наследоваться* во втором предложении. Корректная трансформация цитируемого предложения примет вид *Часть*

обширных гашкайских пастбищ и тысяча грубошерстных овец – наследство жены, девочки лет пятнадцати, высвечивая в языке пару ЛК, выраженных одной ЧР – именами существительными: *наследница*₁, ж. к *наследник*₁ ‘тот, кто наследует что-либо’ – *наследство*₁ ‘то имущество, которое наследует кто-либо’.

К лексико-семантическим признакам ЛК относится их способность содержать в смысловой структуре соотносительные ЛСВ, которыми они вступают в смысловые отношения, образуя КП в языке; содержать в структуре ЛСВ интегральные семы, соотносящиеся с общим денотативным значением конвертируемых предложений с участием данных ЛК; содержать в структуре ЛСВ дифференциальные семы, обеспечивающие мену позиции субъекта и объекта в данных предложениях; формирование лексико-семантической группы (далее ЛСГ) слов русского языка с семантикой «отношение» (межличностные, социальные, родственные, посессивные, компаративные, локативные, каузативные и др. виды отношений).

Так, в смысловой структуре ЛК *предшествовать – следовать* в вышеуказанном примере «Притяжательное местоимение **предшествует** существительному <...>». (Иткин И. Чёрный кот и чёрный ящик, 2009.) [115] ⇔ *Существительное следует за притяжательным местоимением* имеются ЛСВ, на основании которых в языке образуется КП: *предшествовать*₁ ‘находиться, располагаться перед чем-либо’ – *следовать*₁ ‘находиться, располагаться непосредственно за чем-либо, после чего-либо’. Как видим, в структуре ЛСВ имеются интегральные семы бытийного действия ‘находиться, располагаться’, соотносящиеся с общим денотативным значением предложения «обозначение пространственного расположения явлений». Мену позиции субъекта и объекта достигается за счёт дифференциальных сем ЛСВ данных ЛК ‘перед чем-либо’ и ‘после чего-либо’. Локативная характеристика субъекта и объекта в данных предложениях формирует в языке ЛСГ с семантикой «отношение разнонаправленного действия».

Рассматриваемые ЛК вступают в конверсивные отношения и в других ЛСВ, организующих смысловую структуру соответствующих слов: *предшествовать*₂

‘идти впереди, непосредственно перед кем-либо’ – *следовать*₂ ‘идти следом, непосредственно за кем-либо’. Ср.:

Родителям предшествовали дети. (пример И. И.) ⇔ *Родители следовали за детьми.*

Однако следует помнить, что в конверсивные отношения то или иное слово вступает не всей смысловой структурой, а отдельными соотносительными ЛСВ разных слов или одной и той же лексической единицей, например:

*подходить*₁ ‘соответствовать кому-, чему-либо’ – *подходить*₁:

«*Это имя просто идеально подходит к вашим голубым глазам.*» (Конюхова К. Стопудовый русский, 2014.) [114] ⇔ *Ваши голубые глаза просто идеально подходят к этому имени.*

Подобные ЛК в нашем исследовании мы трактуем как **автоконверсивы** – ЛК, вступающие в обратные отношения одним и тем же ЛСВ одного и того же слова. Для обозначения подобных языковых единиц в науке используются понятия «конверсивы в себе» [123] и «аутоконверсивы» [6; 68; 74].

К **семантико-деривационным признакам** ЛК относится способность обладать словообразовательной производностью; взаимодействие производных ЛК с их производящей базой, демонстрируя различные степени семантического соответствия и смысловых отношений производящих и производных основ; взаимодействие непроизводных и производных ЛК при формировании КП в языке; способность вступать в мотивационные отношения в рамках одного словообразовательного гнезда (далее СГ).

Например, симметричные производные ЛК *младше*₁ – *старше*₁ отражают смысловые отношения производящей базы *младший*₁ ‘имеющий меньшее количество лет по сравнению с кем-либо’ – *старший*₁ ‘имеющий большее количество лет по сравнению с кем-либо’, состоящей из непроизводных ЛК. Несимметричные производные ЛК *ученик*₁ ‘тот, кого учил₁ или учит₁ кто-либо’ – *учительница*₁, ж. к *учитель*₁ ‘тот, который учил₁ или учит₁ кого-либо’ образуются в языке от слов *учить*₁ ‘передавать кому-либо какие-либо знания, навыки, воспитывать ка-

кие-либо качества' – *учитель*₁ 'тот, который учил₁ или учит₁ кого-либо', не связанных между собой обратными отношениями. Ср.:

«Эмигрировавшая 34 года назад в Израиль Мина Юдицкая рассказывает о встрече с президентом России, которого когда-то учила немецкому языку» (Кривякина Е. Путин подарил бывшей учительнице квартиру, 2007.) [114] → *Мина Юдицкая – бывшая учительница президента России. ⇔ Президент России – бывший ученик Мины Юдицкой.*

Указанные процессы взаимодействия производящих и производных основ ЛК – отражения и неотражения – являются предметом изучения деривационного подхода в изучении ЛК, принципы которого будут раскрыты при описании деривационного подхода в изучении конверсии.

Взаимодействие непроизводной и производной конверсивной лексики проявляется и в тех случаях, когда в конверсивные отношения вступают ЛСВ непроизводного и производного ЛК, образуя соответствующие КП, например:

автор 'создатель литературного или иного художественного произведения, научного труда, проекта, изобретения и т. п.' – *произведение*₁ 'продукт творчества':

«120 лет назад, 15 мая, родился автор «Мастера и Маргариты», «Собачьего сердца» и «Дней Турбиных». (Балуева А. Мариэтта Чудакова, автор «Жизнеописания Михаила Булгакова»: «Маргарита была женщина милая, но недалёкая...»», 2011.) [115] → *Михаил Булгаков – автор «Мастера и Маргариты», «Собачьего сердца» и «Дней Турбиных». ⇔ «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» и «Дни Турбиных» – произведения Михаила Булгакова.*

По отношению к общему СГ ЛК могут быть разнокоренными, т. е. входящими в состав разных СГ, например:

*невеста*₁ 'девушка или женщина, вступающая в брак' – *жених*₁ 'тот, кого женят':

«Переживания, согласно либретто, испытывают все: и прекрасная дочь купца Марфа Собакина, и её жених боярин Лыков <...>». (Крылова М. Возвращение

«Царской невесты» на сцену Большого, 2014.) [114] → *Боярин Лыков – жених прекрасной дочери купца Марфы Собакиной.* ⇔ *Прекрасная дочь купца – невеста боярина Лыкова*

и однокоренными, т. е. входящими в состав одного СГ, например:

*уснуть*₁ ‘погрузиться в сон’ – *усыпить*₁ ‘вызвать сон у кого-либо’:

Проникновенной колыбельной мать усыпила ребёнка. (пример И. И.) ⇔ *Ребёнок уснул из-за проникновенной колыбельной матери.*

Системная организация однокоренных дериватов внутри словообразовательных макрогнёзд, как правило, создаёт семантическое пространство, способствующее формированию большого количества КП в языке, демонстрирующих отражённый или неотражённый характер конверсии. Например, СГ с исходным словом «учить» репрезентирует 7 пар ЛК: *учитель – ученик; соученик – соученик; соученица – соученица; соученик – соученица; учительница – ученик; учитель – ученица, учительница – ученица.*

Семантико-синтаксические, грамматические, лексико-семантические и семантико-деривационные характеристики ЛК являются основополагающими критериями их выделения в лексике русского языка.

В языке следует различать точные, неточные и потенциальные ЛК. **Точные ЛК** – языковые ЛК, соотносительность значений которых обусловлена языковой системой; **неточные ЛК** – контекстуальные ЛК, соотносительность значений которых обусловлена контекстом; **потенциальные ЛК** – ЛК, содержащие в смысловой структуре соотносительные значения, но не способные их реализовывать в конвертируемых предложениях (см. таблицу 1 на с. 37).

Таблица 1.
Реализация значений лексических конверсивов в языке и речи.

Вид ЛК по степени языковой точности	Соотносительные значения ЛК, предусмотренные языковой системой	Способность ЛК выражать соотносительные значения в конвертируемых высказываниях	Пример
точные ЛК	+	+	предок – потомок
неточные ЛК	–	+	родоначальник – потомок
потенциальные ЛК	+	–	дача – взятие

Например, ЛК *предок*₁ ‘старший родственник по отцовской или материнской восходящей линии’ – *потомок*₁ ‘младший родственник по отцовской или материнской нисходящей линии’ являются семантически точными ЛК, поскольку способны свои значения, закреплённые в языке, соотносить с денотатом конвертируемых предложений. Ср.:

«Лёвка говорил, что она дворянского рода и что он, между прочим, потомок князей Барятинских». (Трифонов Ю. Дом на набережной, 1976.) [115] → *Лёвка – потомок князей Барятинских.* ⇔ *Князья Барятинские – предки Лёвки.*

Участники языковой пары *родоначальник* ‘тот, кто положил начало своему роду’ – *потомок* ‘младший родственник по отцовской или материнской нисходящей линии’, подобно паре точных ЛК *предок* – *потомок*, способны выражать субъектно-объектные в определённом контексте, однако в смысловой структуре ее участников отсутствуют соотносительные ЛСВ. Ср.:

«*Дажьбог – божество света, солнца, податель благ, <...> – родоначальник русских людей*». (Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 2010.) [Там же] ⇔ *Русские люди – потомки Дажьбога – божества света, солнца, подателя благ.*

Точными ЛК к лексеме *родоначальник* могли бы стать лексемы *родопродолжатель* ‘тот, кто продолжает род’ или *родозавершител* ‘тот, кто завершил род’, потому что род можно начать, продолжить и завершить. Однако этих слов нет в словаре, поэтому их семантику, не заложенную языком, репрезентирует слово *потомок* в контексте.

Языковая пара *дача*, сущ. к глаг. *дать*₁ – *взятие*, сущ. к глаг. *взять*₁, отражая семантику производящих ЛК *дать*₁ ‘передать из рук в руки’ – *взять*₁ ‘принимать в руки’, не образует КП, несмотря на наличие соотносительных ЛСВ в смысловой структуре, поскольку позиция, как минимум, двухместного (субъектно-объектного) предиката для данных лексем, ключевая для ЛК [6, 262; 7, 507], невозможна.

В силу ономаσιологического характера связи значений ЛК конверсия как лексико-семантическая категория тесно связана с антонимией и синонимией. настолько тесно, что подобная взаимосвязь породила интерпретацию ЛК как прагматических антонимов и функциональных синонимов, более того – сформировала убеждение лингвистов о тождестве конверсии и антонимии, в результате чего конверсивная лексика оказалась неправомерно включенной в антонимическую парадигму русского языка [50; 122; 123].

Сходство антонимии и конверсии заключается в том, что обе категории по своему связаны с идеей противоположности в языке, на основании чего антонимы и ЛК относятся к языковым оппозитивам (или контрастивам) – словам с противоположными значениями [121, 97]. «Противоположность, – отмечает М. В. Никитин [Там же, 98] есть род различия, а именно простейшего и вместе с тем максимального дихотомического различия». Именно поэтому и антонимы, и ЛК имеют одинаковую форму оппозиции – антонимическую или КП.

Однако антонимы подчёркивают противоположные, но не противоречащие «видовые понятия в границах некоторого родового понятия» [172, 39], а ЛК – различие точек зрения на одну и ту же ситуацию действительности. Антонимы выражают противоположные значения слов, а ЛК – соотносительные: *купить*₁ ‘приобрести за деньги’ – *украсть* ‘присвоить чужое, похитить’ (антонимы), *купить*₁ ‘приобрести за деньги’ – *продать*₁ ‘отдать за деньги’ (ЛК). Антонимы вербализируют разные денотаты, в то время как ЛК концептуализируют тождественность денотата. Ср.:

*«В 1818 году государь **купил** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов <...>». (Харичев И. Гонять лодыря, 2012.) [115] – В 1818 году государь **украл** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов.*

*«В 1818 году государь **купил** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов <...>». (Харичев И. Гонять лодыря, 2012.) [Там же] ⇔ В 1818 году Лодер **продал** государю богатое собрание анатомических препаратов.*

Конверсия базируется на таких понятиях семантического синтаксиса, как субъект, объект, предикат и его валентности, поскольку ЛК, занимая позицию, как минимум, двухместного реляционного предиката, служат средством выражения субъектно-объектных отношений в конвертируемых высказываниях. Для постижения же языковой сущности антонимии указанные параметры не представляют интереса, т. к. «антонимами, как и синонимами, могут быть одновалентные и безвалентные слова, а конверсивы, по крайней мере, на глубинном уровне, всегда не менее чем двухвалентны» [6, 262].

Сходство синонимии и конверсии проявляется на функциональном и денотативном уровнях. Синонимы, как и конверсивы, способны функционально «замещать» друг друга в денотативно тождественных высказываниях [123, 229–230], однако в отличие от последних, синонимы демонстрируют эквивалентные или близкие значения языковых единиц, в то время как ЛК – соотносительные: *купить*₁ ‘приобрести за деньги’, *приобрести*₁ ‘стать владельцем чего-либо, купить что-либо’, *взять*₁ ‘приобрести за деньги; купить’... (синонимы); *купить*₁ – *продать*₁ (ЛК). Кроме того, синонимы, в отличие от ЛК, образуют синонимический ряд, а не оппозитивную КП. Ср.:

*«В 1818 году государь **купил** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов <...>». (Харичев И. Гонять лодыря, 2012.) [115] – В 1818 году государь **приобрёл** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов. – В 1818 году государь **взял** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов.*

*«В 1818 году государь **купил** у Лодера богатое собрание анатомических препаратов <...>». (Харичев И. Гонять лодыря, 2012.) [Там же] ⇔ В 1818 году Лодер **продал** государю богатое собрание анатомических препаратов.*

Семантико-синтаксические основы конверсии также не важны при исследовании синонимии, поскольку синонимы не способны выражать субъектно-объектные отношения и обладать обращенной ролевой структурой, могут быть одновалентны и безвалентны [6, 262].

К интерпретации конверсии как лексико-семантической категории, способной самостоятельно выражать обратные отношения в языке, столь важные в вербальном поведении человека и концептуализации действительности с разных сторон, а ЛК – как слов, репрезентирующих данный вид номинации, языкознание приходило постепенно: от Аристотеля до наших дней.

1.2. Лингвистические тенденции в изучении категории конверсии в языкознании

Языковые единицы, репрезентирующие идею обратности в языке, были отмечены ещё в Античности Аристотелем для выражения соотносимых друг с другом единиц: «Все соотнесённые между собой [стороны] обоюдны. <...> под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба <...>» [11, 67]. Как видим, «обоюдные» языковые единицы типа *господин – раб* великий философ анализировал в рамках категории «соотнесённое», под которой понимал «то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как ее называют большой по отношению к чему-то» [Там же, 66].

В 1963 г. авторитетный британский ученый Дж. Лайонз, исследуя аристотелевскую категорию соотнесённого на материале английского языка (*buy* «покупать» – *sell* «продавать»; *husband* «муж» – *wife* «жена», обозначил её как **конверсивность**, а соотносимые друг с другом слова – **конверсивами** [89, 493], предупредив тем самым лингвистические тенденции в изучении конверсивов: **грамматическое, лексико-грамматическое и лексико-семантическое**, речь о которых пойдёт в следующих подпараграфах.

1.2.1. Грамматическое направление в изучении конверсии

Грамматическое направление в изучении конверсии, сформировавшееся в **60-х гг. XX в.** и являющееся хронологически первым в разработке общей проблематики конверсивов, столкнулось с парадоксальной для лингвистики ситуацией, сложившейся к этому времени с термином «конверсия».

Дело в том, что вышеуказанная работа Дж. Лайонза [Там же], обогатив мировое языкознание теоретическим осмыслением явления соотносительности значений на лексическом уровне при сохранении денотативной структуры конвертируемых предложений, не только положила начало формированию конверсологии в русском языкознании, но и послужила поводом для развития научной омонимии вокруг термина «конверсия», сохраняющейся по сей день в терминологическом аппарате лингвистики. Данный термин к 1963 г. уже существовал в науке и применялся к деривату, который отличался от своего производящего формообразовательной парадигмой [145, 71]. Так, А. М. Гильбурд отмечает: «<...> термин „конверсия“ <...> был введён в научный оборот языковедов различных школ разными путями. В результате термин «конверсия», ещё окончательно не утвердившись в лингвистике, уже стал многозначным; точнее – вместо одного термина „конверсия“ в лингвистическом метаязыке сформировалось два омонима» [38, 4].

Корни данной терминологической омонимии кроются в полисемии самого слова «конверсия» в латинском языке: «По своему этимологическому значению слово «конверсия» (лат. *conversio*) означает „обращение вспять, переворот“, „изменение направления“. Таким образом, это слово служит для обозначения всякого вида переворачивания или переложения, перестановки <...> Латинское слово *conversio* соответствует фактически двум греческим словам с разным смыслом – *epistrophe*, что означает „изменение ориентации“ и подразумевает идею возврата (возврат к первоначалу, возврат к себе), и *metanoia*, что означает „изменение мысли“, „раскаяние“ и подразумевает идею мутации и возрождения. То есть в понятии конверсии имеется внутреннее противопоставление между идеей „возврата к первоначалу“ и идеей „возрождения“» [1, 199].

Очевидно, за основу идентификации конверсии как способа создания новой лексической единицы в языке, формально соответствующей своей производящей единице, но отличающейся от неё словообразовательной парадигмой и категориальным значением в силу её перехода в другой лексико-грамматический класс (например, *столовая* (сущ.) ← *столовая* (прил.)) лингвистами была взята идея

«мутации» мотиватора для его «возрождения» в деривате. В основу же интерпретации **конверсии как категории в языке, демонстрирующей его онтологическое свойство выражать обратные отношения, была положена идея «возврата к первоначалу».**

Грамматическое направление в изучении конверсивов в истории русского языкознания представлено **синтаксическим подходом**, обусловленным развитием трансформационной (генеративной) грамматики, основателем которой является Н. Хомский [169].

Языковая компетенция, по мнению Н. Хомского, представлена в сознании базовым и трансформационным компонентами. Первый компонент отвечает за образование ограниченного количества синтаксических структур (например, за образование простого нераспространенного предложения с использованием подлежащего и сказуемого, выраженных свойственными им ЧР: *Стол* (субстантивное подлежащее) *стоит* (простое глагольное сказуемое)); второй компонент языковой компетенции способствует образованию производных высказываний базовых структур, т. е. отражению грамматических признаков предложения с различной степени адекватности в зависимости от интенции говорящего или пишущего: *Стол стоит?*

В центре внимания представителей данного подхода, среди которых особо следует выделить имена К. И. Бабицкого [16], В. Г. Гака [32; 189], Т. П. Ломтева [92], оказались **грамматические глагольные конверсивы**, т. е. грамматические формы глаголов, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в конвертируемых предложениях.

Исследования вышеуказанных ученых сводились к определению глагольных средств, обеспечивающих грамматическую трансформацию. Так, К. И. Бабицкий выявил, что в русском языке подобная трансформация обеспечивается конверсной трансформацией действительного и страдательного залога [16].

Ср.: *рассматривать* – *рассматриваться*:

«Естественно, что любое национальное государство, в том числе Россия, **рассматривает** проблему деструктивной деятельности». (Козлова М. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения, 2004. Ч. 1) [115] \Leftrightarrow Естественно, что проблема деструктивной деятельности **рассматривается** любым национальным государством, в том числе Россией.

Анализ работы К. И. Бабицкого свидетельствует о том, что лингвисту были интересны, в первую очередь возвратные глагольные формы как одна из разновидностей грамматических конверсивов [16].

В. Г. Гак значительно расширил область изучения языковых трансформаций, перенеся их в сферу взаимодействия двух языков: русского и французского [32; 189]. Уникальность его концепции языковых преобразований заключалась в том, что исходным являлось предложение одного языка, а производным – его перевод на другой язык. Грамматические конверсивы в рамках данной концепции можно рассматривать как средство отражения грамматической структуры другого языка.

Ср.: *сконструировать* – *être construit* [быть сконструированным – перевод И. И.]:

Архитектор сконструировал этот театр. \Leftrightarrow *Ce théâtre a été construit par l'architecte* [Этот театр был сконструирован архитектором – перевод И. И.] (*пример И. И.*).

Перевод подобных конструкций на русский язык свидетельствует о том, что грамматическую трансформацию в русском языке обеспечивают глагольные формы, выраженные страдательными причастиями прошедшего времени: *сконструировать* – *сконструированный*.

Однако отправной точкой в истории развития отечественной конверсологии следует считать работу Т. П. Ломтева «Предложение и его грамматические категории» [92], посвящённую изучению состава грамматических категорий простого предложения, в т. ч. и категории конвертируемости, обеспечивающей актантную

трансформацию и создающей необходимые синтаксические условия для функционирования конверсивов и реализации их значений.

Под категорией предложения Т. П. Ломтев понимал свойство его семантики, имеющее различия в своём содержании и выражаемое разными моделями предложений [Там же, 61]. Категория предложения, по мнению Т. П. Ломтева, должна обладать следующими свойствами: 1) семантическое содержание грамматической категории должно образовывать парадигму предложений; 2) грамматическая категория должна иметь семантическое членение; 3) каждый член грамматической категории должен обладать собственной семантикой и специфической формой выражения этой семантики; 4) члены грамматической категории должны выражать тождество информации «за вычетом семантических различий, свойственных отдельным членам данной грамматической категории и не разрушающих единства информации» [Там же].

Например, семантическое содержание предложения *После этого театр пишет письмо министру <...>*» (Смехов В. Театр моей памяти, 2001.) [114] распространяется и на предложение *После этого театром пишется письмо министру*, образуя бинарную парадигму предложений. Структура исходного предложения представлена тремя семантическими членами: субъектом *театр*, предикатом *писать* и объектом *письмо*. Субъект сообщает информацию о предмете мысли, объект выступает в роли «соучастника» субъекта в денотате предложения, а предикат подчеркивает взаимосвязь между субъектом и объектом, выражая субъектно-объектные отношения. Структура второго предложения аналогична структуре первого, но в обратном отношении: место субъекта первого предложения занимает его объект, а объект первого предложения, в свою очередь, занимает позицию субъекта, в результате чего происходит синтаксическая трансформация, не влияющая на смысловое единство двух предложений.

Как видим, анализ данных предложений свидетельствует о наличии отдельной категории простого предложения, заключающейся в изменении направления отношений в семантической (но не в денотативной) структуре предложения, осу-

ществляемом в результате актантной трансформации – изменения соотношений между семантическим и синтаксическим актантами, обозначенной Т. П. Ломтевым категорией конвертируемости [92, 112].

Категорию конвертируемости, по сути, отвечает на вопрос, «<...> каким образом <...> можно сказать *почти* то же самое. При таком подходе проблема состоит уже не столько в понятии *того же самого* и не столько в понятии *того же самого*, сколько в понятии *этого почти*. Насколько растяжимо это *почти*? Все зависит от точки зрения <...>» [183, 8–9.] (*курсив У. Эко*). Вероятно, это *почти* в конвертируемых предложениях выражено конверсивами, а потому именно средства выражения конверсивов выходят на первый план при изучении грамматической конверсии.

Грамматический конверсив может быть как материально выраженным (формализованным) в структуре предложения страдательной залоговой формой, так и не выраженным материально (нулевым, неформализованным).

Например, *вести – вестись*:

«*Разговоры о синхронном вступлении в ряды ВТО Россия, Украина и Казахстан **ведут** постоянно*». (Григорьева Е., Загородняя Е., Моисеев И. Четыре президента сочинили новый экономический союз, 2003.) [114] ⇔ *Разговоры о синхронном вступлении в ряды ВТО Россией, Украиной и Казахстаном **ведутся** постоянно*;

выразить – быть выраженным:

«*Как ни странно, лучше всех катастрофичность его [Льва Гумилёва – И. И.] судьбы **выразила** Марина Цветаева в экзальтированных строках из цикла „Стихи к Ахматовой“*». (Герштейн Э. Анна Ахматова и Лев Гумилёв, 1994–2002.) [115] ⇔ *Как ни странно, лучше всех катастрофичность его [Льва Гумилёва – И. И.] судьбы **была выражена** Мариной Цветаевой в экзальтированных строках из цикла „Стихи к Ахматовой“*;

сдать – сданный:

«В 1879 году Константин **сдал** экзамен на учительское звание». (Митрофанов А. Космический старик, 2004.) [Там же] \Leftrightarrow В 1879 году Константином **сдан** экзамен на учительское звание.

Считая обратные отношения, выражаемые категорией конвертируемости, прерогативой двухместных глагольных предикатов (предикатов, находящихся в синтаксической связи с двумя актантами: субъектом и объектом), Т. П. Ломтев отказывает трёхместным предикатам в свойстве выражать обратные отношения: «Прямые и обратные отношения имеют место только в бинарных отношениях; если предикат содержит больше двух мест, то он допускает столько форм, сколько можно построить бинарных отношений из данного количества мест» [92, 35]. В качестве примера, свидетельствующего о неспособности выражать обратные отношения трёхместными предикатами, лингвист приводит следующую парадигму предложений: «1. *Командование полка придало роте артиллерию.* 2. *Командование полка вооружило роту артиллерией.* 3. *Рота получила от командования полка артиллерию.* 4. *Артиллерия придана роте командованием полка.* 5. *Рота вооружена артиллерией (командованием полка).* 6. *Артиллерия получена ротой от командования полка*». Однако очевидно, что трёхместный глагольный предикат (предикат, находящийся в синтаксической связи с тремя актантами: субъектом и двумя объектами) *придать* в исходном предложении не только способен выражать обратные отношения путем мены позиций субъекта и объектов в 3-м, 4-м, 5-м и 6-м предложениях, но и демонстрировать грамматические конверсивы (*придать – приданный; приписать – полученный*) и полнозначные лексические глагольные конверсивы (*придать – получить*), ставшие предметом исследования представителей лексико-грамматического направления в изучении конверсии.

Грамматическое направление в языкознании заложило семантико-синтаксические основы категории конверсии и идентифицировало её языковые репрезентанты на грамматическом уровне – грамматические конверсивы, т. е. грамматические формы слов, выражающие обратные отношения между субъектом и объектом в конвертируемых предложениях.

На современном этапе языкознания к грамматическим конверсивам, на наш взгляд, можно относить не только глагольные залоговые формы одного и того же слова, используемые в конвертируемых предложениях, но и видовые формы разных ЛК: *покупать*, несов. в. к *купить* – *продавать*, несов. в. к *продать*.

Пограничную позицию между грамматическими и ЛК занимают адъективные и адвербиальные компаративы – грамматические формы соответствующих ЧР простой сравнительной степени: *выше*, прост. сравн. степ. к прил. *высокий* – *ниже*, прост. сравн. степ. к прил. *низкий*; *быстрее*, прост. сравн. степ. к нареч. *быстро* – *медленнее*, прост. сравн. степ. к нареч. *медленно*. Логически компаративы целесообразно отнести к грамматическим конверсивам, т. к. они являются грамматическими формами слов, способными выражать обратные отношения в конвертируемых предложениях, однако структура нашего исследования не позволяет определить их в разряд языковых репрезентантов грамматической конверсии, поскольку они образованы на базе лексических антонимов, формирующих пласт конверсивной лексики, демонстрируя системные взаимосвязи лексико-семантической системы русского языка и точки пересечения антонимии и лексической конверсии в процессе формообразования. Более того, данные языковые единицы, как отмечают авторы «Русской грамматики», имеют модификационное словообразовательное значение (далее СЗ) градации [142, 330]. Наличие СЗ максимально приближает указанные формы к словам. Поэтому вслед за выдающимися отечественными исследователями в области проблем языкового значения – Ю. Д. Апресяном [6], Л. А. Новиковым [123], М. И. Жилиевым [68], А. М. Гильбурдом [38] – компаративные формы имён прилагательных, а также наречий рассматриваются нами в числе ЛК, формирующих обратные отношения в лексико-семантической системе русского языка.

Кроме того, в лингвистике существует мнение, что грамматическими конверсивами являются не только грамматические формы одного и того же слова, но и комплексные языковые единицы: словосочетания [6, 266], предложения [119, 46], фразеологические единицы [57; 74; 76; 77]. Очевидно, подобная ин-

терпретация грамматических конверсивов связана с широким пониманием категории конверсии, бесспорно, обогащающим знания о феномене конверсии, но и во многом затрудняющим постижение её языковой сущности.

В начале 70-х гг. XX в. синтаксический подход в изучении конверсии был переосмыслен лексико-грамматическим видением на природу конверсивных отношений в языке, однако, как отмечает С. А. Добричев [56], синтаксический подход не только выявил данный языковой феномен в русском языке, но и позволил выделить его важнейшие признаки: 1) обратные отношения в предложении обеспечивает категория конвертируемости предложения; 2) категория конвертируемости обнаруживает эквивалентность семантической структуры конвертируемых предложений; 3) категория конвертируемости реализуется посредством актантной трансформации; 4) средством выражения обратных отношений в конвертируемых предложениях являются грамматические конверсивы; 5) грамматические конверсивы в конвертируемых предложениях занимают позицию предиката.

1.2.2. Лексико-грамматическое направление в изучении конверсии

Лексико-грамматическое направление в изучении конверсии, представленное в конверсологии **семантико-синтаксическим подходом** и развившееся в **70–80-е гг. XX в.**, преследовало две цели: выявить закономерности конверсного преобразования грамматических структур и определить степень участия лексических глагольных конверсивов в формировании предикативного центра конвертируемых предложений.

Описанная Т. П. Ломтевым категория конвертируемости [92, 112–135] предложения подтолкнула лингвистов к более глубокому осмыслению языковых механизмов, обеспечивающих создание конвертируемых предложений и анализу конверсивов в данных предложениях [9; 98; 170].

В связи с введением в научный обиход термина «диатеза», обозначающего «соответствие между семантическими актантами <...> и синтаксическими актантами <...> глагольной лексики» [168] конверсные трансформации были включены

ны в типологию предложений, отличающиеся той или иной диатезой на семантико-синтаксическом уровне.

Например, диатеза в исходном предложении *Моя дочь купила шубу у моей подруги* (пример И. И.), представленная тремя семантическими актантами *дочь*, *шуба* и *подруга*, занимающими позицию подлежащего и прямого и косвенного дополнения соответственно, при изменении соотношения участников описанной ситуации функционирует в следующем виде: 1) *Шуба куплена моей дочерью у моей подруги*; 2) *Моя подруга продала шубу моей дочери*; 3) *Шуба продана моей дочери моей подругой*; 4) *Куплена шуба*; 5) *Куплена шуба моей дочерью*; 6) *Куплена шуба у моей подруги*; 7) *Продана шуба*; 8) *Продана шуба моей дочери*; 9) *Продана шуба моей подругой*. Как видим, в первых трёх предложениях происходит изменение функций актантов при их количественном сохранении «путем переоформления глагола», в остальных – изменение актантов «путём переоформления глагола» [171, 508] и «ликвидации» [Там же] одного из участников ситуации. Создатели теории грамматического залога и диатезы в русском языкознании отмечают, что в подобных трансформациях «информация, передаваемая каждой из структур, содержательно несколько отличаются друг от друга, поскольку в каждой структуре актуализируется специфическое отношение говорящего к ситуации, т. е. в каждой структуре одна и та же ситуация характеризуется говорящим под особым углом зрения. (Формально изменение отношения говорящего к ситуации фиксируется тем, что соблюдаемое в исходной структуре соответствие членов предложения и компонентов ситуации различным образом нарушается в производных структурах.)» [171, 511].

Для конверсной трансформации представляют внимание только первые три предложения, поскольку они преобразованы на базе исходного посредством качественного изменения соотношения семантических и синтаксических актантов в обратном порядке, а не количественного:

Моя дочь купила шубу у моей подруги. ⇔ *Моя подруга продала шубу моей дочери;*

Моя дочь купила шубу у моей подруги. ⇔ Шуба куплена моей дочерью у моей подруги;

Моя дочь купила шубу у моей подруги. ⇔ Шуба продана моей дочери моей подругой.

Другими словами, устранение одного из актантов в конвертируемом предложении неизбежно ведёт к искажению семантической структуры исходного предложения, недопустимого в рамках конверсного преобразования.

Потенциальная возможность смешения конверсной диатезы с другими вариациями исходной, ядерной конструкции в силу их общего денотата диктовала представителям лексико-грамматического направления в изучении конверсии необходимость разработки правила конверсного преобразования.

Общее правило конверсного преобразования, предложенное А. М. Гильбурдом [38, 99–100], базирующееся на логико-философском «правиле замены равного равным» [59], по сей день составляет теоретическую основу современной конверсологии. Разумеется, развитие лингвистической мысли относительно генезиса конверсивных отношений в языке внесло определённые коррективы в формулировку данного правила и дополнило его частными правилами конструирования исходного и конвертируемого предложений, к которым мы вернёмся при разработке иллюстративной зоны микроструктуры «Словаря конверсивов русского языка».

«Правило замены равного равным» постулирует утверждение о том, что «два выражения p и q равны, во всяком истинном высказывании, содержащем p или q , можно одно из них заменить на другое, не нарушая истинности этого высказывания» [Там же]. Лингвистическая интерпретация данного правила применительно к конверсному преобразованию звучит следующим образом: «Два предложения состоят в конверсных отношениях и конверсивы в них соотносительны, если конверсивы в обоих предложениях выражены разными словами или разными грамматическими формами одного слова, неконвертируемые элементы этих предложений лексически и грамматически тождественны либо при различии их грам-

матических форм способны замещать позицию в одной из частей преобразования» [38, 99–100].

Например, *деформировать – деформироваться*:

Жёсткие условия эксплуатации деформировали корпус корабля. (пример И. И.) ⇔ *Корпус корабля деформировался из-за жёстких условий эксплуатации;*

«Конференция будет предшествовать саммиту ОБСЕ в Астане в декабре текущего года». [114]. ⇔ *Саммит ОБСЕ в Астане в декабре текущего года будет следовать за конференцией.*

Выявление механизмов конверсной диатезы позволило лингвистам разграничить грамматические и лексические глагольные конверсивы [22; 55] и обратиться к семантике лексических конверсивов, выраженных глаголом [6]. Так, в вышеприведённых примерах 1) *Моя дочь купила шубу у моей подруги.* ⇔ *Моя подруга продала шубу моей дочери;* 2) *Моя дочь купила шубу у моей подруги.* ⇔ *Шуба куплена моей дочерью у моей подруги;* 3) *Моя дочь купила шубу у моей подруги.* ⇔ *Шуба продана моей дочери моей подругой* в первом предложении функционируют ЛК *купить – продать*; во втором – грамматические конверсивы, выраженные полнозначным глаголом *купить* и его соотносительной формой краткого страдательного причастия: *купить – купленный*; в третьем – также грамматические конверсивы, выраженные одним полнозначным глаголом и формой краткого страдательного причастия другого глагола: *купить – проданный*. Первая пара ЛК репрезентирует семантический аспект изучения глагольной конверсии; вторая пара и третья пары грамматических конверсивов – грамматический аспект глагольной конверсии.

Исчерпывающая семантическая типология глагольных ЛК, включающая в себя 18 семантических типов двухместных конверсивов и шесть типов трёхместных конверсивов, была разработана Ю. Д. Апресяном [6]. Определяя семантический тип тех и других видов глаголов-конверсивов по общности их значения, выражаемого ими в семантической структуре конвертируемых предложений, Ю. Д. Апресян выделяет, например, такие семантические типы глагольных ЛК,

как: «состав» (*входить – состоять*), «превращение» (*образоваться – превратиться*); «владение» (*обладать – принадлежать*) и др. [6, 269–273]. Некоторые конверсивы, по мнению лингвиста, «не сводимы в сколько-нибудь хорошо представленные семантические классы» [Там же, 273], но, тем не менее, образующие в языке КП (*использовать – служить*).

Например, *вместать* ‘заключить, уместить в себе’ – *входить* ‘вместиться во что-либо, уместиться в чём-либо’:

«*Каждое кафе вмещает в себя 100 посадочных мест*». (Игнатъев Г. Мэрия Евпатории решила заняться коммерческим строительством на набережной, 2011.) [114] ⇔ *100 посадочных мест входят в каждое кафе*.

Внимание к глагольным ЛК в рамках лексико-грамматического направления в изучении конверсии было обусловлено набиравшей в то время т. н. вербоцентрической теорией французского лингвиста Л. Теньера, оказавшей прямое влияние на развитие лексико-грамматического направления в изучении конверсии [153]. Исследуя глагольную конструкцию простого предложения, Л. Теньер установил, что его актанты, мена позиций которых обеспечивает конверсную трансформацию, – это «элементы, непосредственно подчинённые глаголу» [Там же], т. е. глагольному конверсиву.

Идеи зарубежного лингвиста подтолкнули отечественных языковедов плодотворно проанализировать семантику глагольных конверсивов в структуре конвертируемых предложений, в результате чего лексико-грамматическое направление в изучении конверсии освободило языковые средства выражения обратных отношений от грамматических оков и обозначило класс глагольных ЛК.

1.2.3. Лексико-семантическое направление в изучении конверсии

Лексико-семантическое направление в изучении конверсии, продолжившее традиции лексико-грамматического направления в 80–90-х гг. XX в., во многом определяет и современный подход к изучению общей проблематики конверсивов, а потому хронологические рамки данного направления целесообразно обозначить как 80–90-е гг. XX в.–10-е гг. XXI в.

В рамках лексико-семантического направления в центре внимания исследователей оказались не только глагольные ЛК, но и ЛК, выраженные другими частями речи. Несмотря на то, что цель изучения конверсии как лексико-семантической категории в этот период сводилась и сводится по сей день лингвистами к определению семантики ЛК, лингвистические подходы отличаются друг от друга.

Так, представители **лексико-семантического подхода**, сформировавшегося в 80–90-х гг., впервые в истории отечественной конверсологии поставили вопрос о структурной и семантической классификации всей конверсивной лексики в языке – не только глагольной, но и субстантивной, адъективной, адverbиальной, препозитивной, конъюнктивной, фразеологической [6; 68; 74; 123].

Например, *импортировать* ‘ввезти; ввозить из-за границы товары’ – *экспортировать* ‘вывезти; вывозить за границу товары’:

«Сейчас Россия импортирует лишь 10 млрд. туркменского газа». (Адясов И. Россия-Туркменистан: поиск нового формата отношений, 2010.) [114] → *Сейчас Россия импортирует лишь 10 млрд. газа из Туркменистана. ⇔ Сейчас Туркменистан экспортирует лишь 10 млрд. газа в Россию;*

продукция ‘совокупность продуктов, которые производит₁ какое-либо предприятие, отрасль промышленности или всё хозяйство страны в определённый промежуток времени’ – *производитель* ‘тот, кто производит₁ что-либо’;

разработка ‘то, что разработал₁, разрабатывает₁ кто-либо’ – *разработчик* ‘тот, кто разработал₁, разрабатывает₁ что-либо’:

«ООО «Завод электробытовых изделий» <...> – **разработчик и производитель** электробытовой техники, скобяных изделий различной степени сложности, мебельной фурнитуры». (Русанова Н. Больше полвека на службе отечеству, 2011.) [114] ⇔ *Электробытовая техника, скобяные изделия различной степени сложности, мебельная фурнитура – разработки и продукция ООО «Завода электробытовых изделий».*

Однако фактический языковой материал конверсивной лексики не соответствовал определению ЛК, предложенному в 1982 г. Л. А. Новиковым: ЛК – это «разные слова (ЛСВ), противопоставленные семы которых позволяют ... выражать субъектно-объектные отношения в обращённых высказываниях (предложениях), обозначающих одну и ту же ситуацию, т. е. имеющих один и тот же денотат» [123, 214]. Во-первых, в понимании лингвиста, ЛК – это слова. Соответственно, фразеологические обороты с глагольным компонентом и словосочетания типа *погибнуть – быть причиной гибели*, отнесённые учёным в разряд конверсивной лексики, – это не конверсивы. Во-вторых, лексическими конверсивами, вслед за Ю. Д. Апресяном [6, 262], Л. А. Новиков называет разные слова, однако в состав иллюстративного материала включает идентичные ЛК типа *дружить, ссориться*, именуя их «конверсивами в себе» [123, 218].

На указанное расхождение между определением ЛК и приведённым иллюстративным материалом конверсивной лексики в 1985 г. обратил внимание А. И. Моисеев, сделав справедливое замечание: «В имеющихся описаниях и определениях конверсивов, как правило, нет указания на ближайший род языковых единиц или явлений, к которому они принадлежат или могут быть отнесены, поэтому ещё не ясно, что такое конверсивы – слова, синтаксические конструкции, обороты, фразы или что-либо иное. Впрочем, иногда говорят и определённо – слова, но без широкого и всестороннего обсуждения всего комплекса относящихся сюда явлений и встающих при этом вопросов столь категорический ответ воспринимается как недостаточно надежный. Нет ясности и в определении видовых признаков конверсивов» [106, 3].

Другими словами, А. И. Моисеев впервые в истории русского языкознания поставил вопрос о кодификации имеющихся научных знаний, касающихся разработки общей проблематики ЛК, – конверсологии – и определении конверсии как самостоятельном виде лексической номинации наряду с полисемией, антонимией, синонимией и др. видов отношений в лексико-семантической системе языка.

К сожалению, в рамках лексико-семантического подхода ЛК не суждено было стать самостоятельными репрезентантами идеи обратности в языке на уровне лексической номинации, а потому они оказались включены в антонимическую парадигму русского языка как разновидность векторных антонимов с «особым употреблением» [123, 254]. Разумеется, включение учёными конверсивов в антонимическую парадигму повлекло за собой ошибочные интерпретации данных языковых единиц в современных лингвистических учебных [50, 224], словарных и справочных изданиях [116, 87; 66, 35, 410]. Отдельные лингвисты рассматривают их как средство «комбинации синонимии и антонимии» [154, 3].

Устранить семантико-антонимический «перекосяк» конверсии оказалось под силу лишь **деривационному подходу** в изучении ЛК. Данный подход сформировался в конце 90-х гг. XX в.–10-х гг. XXI в. благодаря трудам отечественных лингвистов-дериватологов Л. Н. Роженцовой [137] и отчасти М. Е. Батаковой [19] и М. Н. Чупановской [172], опиравшихся на идеи классического словообразования Г. О. Винокура [29], В. В. Виноградова [26], А. Н. Тихонова [127] и ряда др. авторов, способствовавшие развитию словообразования как отдельного раздела лингвистической науки.

Указанные работы Л. Н. Роженцовой, М. Е. Батаковой и М. Н. Чупановской, посвящённые анализу производных синонимов, омонимов и антонимов соответственно, свидетельствуют о признании конверсии самостоятельным, но специфическим видом лексической номинации. Выполняя диссертационное исследование в рамках указанного подхода, мы также считаем конверсию самостоятельным видом лексической номинации, языковыми репрезентантами которой являются ЛК, обладающие совокупностью семантико-синтаксических, грамматических, лексико-семантических и семантико-деривационных признаков. Таким образом, наше исследование базируется на научных концепциях всех трёх направлений в истории отечественной конверсологии (грамматического, лексико-грамматического и лексико-семантического), но корректирует их отдельные положения с учётом по-

следних достижений лингвистики в области лексикологии, семантики и словообразования и в целом развития лингвистической мысли.

Деривационный подход ставит вопрос об определении, выявлении, поиске точного конверсива в языке и его семантики посредством анализа смысловой структуры ЛК, а также способах репрезентации конверсивной лексики с позиции словообразовательной производности, способствующей установлению генезиса конверсивных отношений в языке. Ввиду того, что диссертационное исследование выполнено в рамках семантико-деривационного подхода к изучению конверсии, принципы данного подхода будут рассмотрены отдельно при описании принципов семантико-деривационного подхода в изучении конверсии.

Развитие когнитивной лингвистики и фреймовой семантики на рубеже XX-XXI вв. в рамках антропоцентрической парадигмы, рассматривающей языковые факты в соотношении с человеком говорящим, обусловило интерпретацию конверсии в **когнитивно-семантическом аспекте** (М. В. Никитин [119; 120; 121], С. А. Добричев [52; 56], Е. Б. Передарий [128]). По мнению Е. Б. Передарий, «единство смыслового содержания всех конверсивов обеспечивается наличием единой когнитивной модели или фрейма-референта, лежащих в их основе» [Там же], а «обращение к когнитивным понятиям предоставляет возможность рассмотреть явление конверсии в плане концептуальной организации знаний и построения языковых структур» [Там же].

Когнитивно-семантический подход претендует на целостное изучение конверсивов, а по значимости целеполагания его можно сравнить с трансформационной грамматикой, поскольку стремится выявить законы порождения человеческой мысли, однако, в отличие от синтаксического подхода в исследовании конверсивов, постулирующего идеи трансформационной грамматики, не выработал однозначной теории.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что каждый из обозначенных подходов к изучению столь сложного и многоаспектного явления в языке, как конверсия, внёс неоценимый вклад в становление и развитие конверсологии в

русском языке, соответствующий идеям и задачам своего времени. Синтаксический подход в 60-е гг. XX в. сосредоточил внимание на грамматических механизмах конверсии и грамматических конверсивах; семантико-синтаксический подход в 70-х–80-х гг. XX в. вывел явление грамматической конверсии на лексический уровень глагольных конверсивов; лексико-семантический подход в 80-е–90-е гг. XX в. анализирует семантику предикативных лексических конверсивов различной частеречной принадлежности; деривационный подход в конце 90-х гг. XX в.–10-х гг. XXI в. вскрывает ранее не исследованный деривационный потенциал конверсивной лексики; когнитивно-семантический подход, являясь ярким примером веяния антропоцентризма в лингвистике на рубеже XX–XXI вв., претендует на целостное постижение объекта конверсологии с опорой на данные когнитивной лингвистики и фреймовой семантики.

1.3. Принципы деривационного подхода в изучении конверсии в русском языкознании

Суть деривационного подхода в изучении конверсии заключается в определении семантических и деривационных факторов, способствующих установлению конверсивных отношений между языковыми единицами лексико-семантической системы русского языка. Подчеркнём, что деривационный подход к изучению конверсивной лексики, в рамках которого выполнено данное диссертационное исследование, не имел прецедента в истории отечественной конверсологии XX в., однако его принципы были сформулированы в работах выдающихся русских лексикологов и дериватологов этого периода применимо к другим лексическим единицам, определивших ведущие тенденции развития словообразовательной системы современного русского языка.

1.3.1. Истоки деривационного подхода в изучении конверсии

Основной тезис деривационного подхода в изучении конверсии звучит следующим образом: структура слов, имеющих в своем составе соотносимые друг с другом ЛСВ, позволяющие им вступать в конверсивные отношения, определяет их семантику. Структура слова задает пределы того пространства, в котором

формируется его семантика. При этом под структурой слова следует понимать его состав с позиции словообразовательной производности. Структурные типы слов определяются характером основы: непроизводные слова содержат непроизводную основу, производные – производную.

Взаимосвязь структуры и семантики слова составляет основу синхронного словообразования, основополагающим принципом которого служит утверждение Г. О. Винокура о том, что «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [29, 421], сформулированное им в 1959 г. и вошедшее в историю русского языкознания как «критерий Винокура», по сей день являющийся мерилем современных исследований в области семантики и словообразования.

Например, ЛСВ производного конверсива *мачеха* ‘неродная мать₁’, образующий КП с ЛК *падчерица*, определяется посредством ссылки на ЛСВ имени существительного *мать₁* ‘один из родителей женского пола по отношению к рождёнными им детям или одному из них’, реализуясь в отношениях десубстантивного словообразования на первом словообразовательном шаге *мачеха* ← *мать*, и образуется по модели Sub + s (-ex-), репрезентируя соответствующий СТ. ЛСВ производного конверсива *падчерица* ‘неродная дочь₁’ определяется посредством ссылки на ЛСВ имени существительного *дочь* ‘один из детей женского пола по отношению к своим родителям или одному из них’, реализуясь в отношениях десубстантивного словообразования на первом словообразовательном шаге *падчерица* ← *дочь*, и образуется по модели pr (па-) + Sub + s (-иц-), репрезентируя соответствующий СТ.

Непроизводные слова в отличие от производных не мотивированы посредством ссылки на производящую основу, поскольку имеют в своем составе непроизводную основу. По мнению учёных, непроизводные слова служат для «обозначения соответствующей идеи, в структуре которых остаётся ничем не выраженная самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в её реальных связях» [Там же, 420]. Значение непроизводных слов формируется совокупностью сем, содер-

жащихся в ЛСВ непроеводной основы, вычленить которые возможно в результате компонентного анализа – метода структурного анализа, заключающегося в «выявлении предельных компонентов в языковой единице на основе дифференциальных признаков, способных различать одготипные единицы какого-либо уровня» [184, 87].

Например, производящая база вышерассмотренных ЛК *мачеха – падчерица* представлена в языке непроеводными словами *мать – дочь*, соотносительные ЛСВ которых возможно разложить семы, т. е. минимальные, предельные составляющие единицы плана содержания, операциональные единицы компонентного анализа, проводимого при исследовании лексико-семантических вариантов слов для установления их сходств и различий [15]. Методика компонентного анализа отталкивается от утверждения о том, что в структуре ЛСВ имеются интегральные семы – общие смысловые компоненты, обеспечивающие сходство ЛСВ; дифференциальные семы – смысловые компоненты, обеспечивающие различие ЛСВ; семантический параметр – основание, по которому устанавливаются интегральные и дифференциальные семы. Так, интегральными семами ЛСВ *мать* и *дочь* являются ‘лицо’, ‘женский пол’, ‘один из нескольких возможных’; дифференциальными – ‘родитель’ и ‘ребёнок’, семантический параметр – отношение друг к другу. Чтобы проверить правильность проведённого компонентного анализа, нужно суммировать выделенные семы с учетом семантического параметра и сопоставить с ЛСВ проанализированного слова [24; 91]: мать = один родитель женского пола из нескольких возможных по отношению к своим детям; дочь = один ребёнок женского пола из нескольких возможных по отношению к своим родителям.

Г. О. Винокура, установившего взаимосвязь структуры и семантики слова [29], не интересовали вопросы парадигматического взаимодействия производных и производящих единиц в лексической системе, поскольку правило соотношения первичной и вторичной основ было определено им для демонстрации членности производных основ в аспекте синхронного словообразования, однако его

учение о степени воздействия мотивирующей основы на мотивированную подготовили идейную почву для исследования омонимических, полисемантических, синонимических, антонимических и конверсивных отношений в деривационном аспекте.

Так, В. В. Виноградов, применив в 1967 г. «критерий Винокура» к выявлению семантики производных омонимов, пришёл к выводу, что «когда то или иное слово образовано от общей основы и разных, хотя и оморфемных аффиксов, омонимия непосредственно заложена в структуре производного слова, в характере его морфологических элементов или слагаемых» [26, 294], в связи с чем выделил в языке непосредственную (прямую, производную) и омонимию отражённую (непрямую, производную), заложив тем самым основы лингвистической теории семантического отражения. Непосредственную омонимию в русском языке репрезентируют производные слова, находящиеся между собой в омонимических отношениях: *союз*¹ ‘объединение’ и *союз*² ‘служебная часть речи, служащая для соединения слов и предложений’. Дериваты данных омонимов *союзный*¹ ‘прил. к союз¹’ и *союзный*² ‘прил. к союз²’, перенимая омонимию своих производящих и словно отражая её в смысловой структуре, также являются омонимами, но уже не непосредственными, а отражёнными.

Наблюдения В. В. Виноградова над семантикой производных омонимов заложили основы лингвистической теории семантического отражения, суть которой сводится к тому, что производные слова, выполняя роль семантических «акцепторов», в процессе деривации воспроизводят в смысловой структуре с различной степенью семантического соответствия «наследственный характер отражённых значений» [134, 87] своих производящих единиц, имеющих функцию семантических «доноров», посредством изменения словообразовательного значения, подобно тому, как «одни тела в результате их взаимодействия с другими телами воспроизводят особенности последних в своей собственной природе» [2, 150].

Важность данной теории для развития русского словообразования в том же 1967 г. отметил Б. Н. Головин: «Теория словообразования, развиваемая В. В. Ви-

ноградовым, обогащает научные представления по ряду <...> вопросов – о словообразовательной омонимии и синонимии, о продуктивности словообразовательных типов, об особенностях словообразовательных процессов в различных частях речи, о семантических изменениях слов в процессе словообразования, о словообразовательном развитии отдельных лексем» [42; 8], в результате чего «вопрос о производящем семантическом поле (сумма всех его лексических значений) и его словообразовательном отражении (сумма лексических значений производного ряда, соотносённых со значениями ряда производящего)» [Там же, 33] был включён в круг важнейших словообразовательных исследований в отечественном языкознании, имеющих непреходящую ценность для кодификации лексической системы русского языка.

Отвечая на вопрос, «какая часть семантики слова выбирается в акте его сочетания с другим словом и, таким образом „наследуется“ при использовании слов, „заимствуясь из исходной для его единицы, а далее „подгоняясь“ под его партнёра» [87, 453], лингвистическая теория семантического отражения во многом способствовала решению вопроса о способах репрезентации тех или иных лексических единиц в работах отечественных лексикологов и дериватологов конце XX–начале XXI вв.

Теорию семантического отражения на материале омонимов дополнили исследования П. А. Соболевой [147; 148], И. В. Альтмана [3], О. М. Кима [80]. Тщательному анализу адъективных производных омонимов, отражающих омонимичную семантику своих производящих единиц и формирующих в языке отражённую омонимию, посвящены работы М. Е. Батаковой [18; 19].

Исследования А. Н. Тихонова [127], И. А. Ширшова [179], Н. А. Пугиевой [134], П. А. Соболевой [147], В. Н. Мусатова [110] в разные годы XX–XXI вв. убедительно доказали, что от полисемантов, обладающих комплексом ЛСВ, образуются полисеманты, формирующие отражённую полисемию. Например, от производного полисеманта *проповедь* 1) ‘речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви’; 2) ‘нравоучительная речь; поуче-

ние, наставление' в процессе лексической деривации образуется субстантивный суффиксальный дериват *проповедник* мутационного словообразовательного типа (далее СТ) Sub_{pol} + s (-ник), наследующий семантический комплекс значений своего производящего 1) 'священнослужитель или служитель культа, произносящий проповедь; распространитель какого-либо вероучения, чтец проповедей'; 2) 'убеждённый сторонник каких-либо взглядов, мнений, какого-либо убеждения, распространяющий их'.

При отражённой синонимии, как показывают исследования А. Н. Тихонова [127], А. С. Пардаева [Там же; 126], Н. К. Воловика [30], Л. Н. Роженцовой [136], «синонимичные ЛСВ производящих организуют синонимичность ЛСВ производных слов» [Там же, 13]. Например, от субстантивных синонимов *смех* 'прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдохательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.' и *хохот* 'громкий смех' образуются суффиксальные глагольные синонимы транспозиционных СТ Sub_{syn} + (-я-) *смеяться*, глаг. к *смех* и СТ Sub_{syn} + (-а-) *хохотать*, глаг. к *хохот*.

Явлению отражённой антонимии посвящены работы А. Н. Тихонова [127], А. С. Пардаева [Там же], Л. Н. Роженцовой [139], Н. М. Меркурьевой [99], М. Н. Чупановской [172; 173; 175]. Спецификой отражённой антонимии, по мнению М. Н. Чупановской, является тот факт, что отражённые антонимы наследуют не только семантику производящих антонимов, но и вид их семантической противоположности: контрарной, комплементарной или векторной [172]. М. Н. Меркурьевой исследованы отражённые композитивные антонимы в репрезентативном аспекте [99]. Например, композиты идентичной структуры *добронравие* 'черта характера человека, заключающаяся в скромности, кротости и соблюдении норм морали и нравственности' и *злонравие* 'черта характера человека, заключающаяся в проявлении дурного характера и несоблюдении норм морали и нравственности', возникшие в результате синтаксической деривации, вступают между собой в отражённые ими отношения семантической противоположности (антонимические) производящей базы *добронравный*, сущ. к *добронравие* и сущ. к *злонравие* с усе-

чением s (-н-). При этом дериваты также наследуют композитивность своих деривационных «доноров», чем логически обязывают классифицировать их как композиты мутационного СТ Adj_{comp-ant} + s (-иј-) аффиксального (суффиксального) способа образования.

На возможность существования в языке отражённой конверсии впервые в 1997 г. указала Л. Н. Роженцова, исследуя синонимию производных слов: «Явление отражения характерно не только для синонимии, но и для таких видов системных объединений лексики, как омонимия, антонимия и конверсия» [136, 28]. Позднее эта мысль была озвучена в трудах М. Е. Батаковой [19] и М. Н. Чупановской [172], изучающих отражённую омонимию и антонимию соответственно, однако комплексного исследования не проводилось. В 2001 г. вышла беспрецедентная работа в истории отечественной конверсологии «Конверсия в деривационном аспекте» Л. Н. Роженцовой [137], послужившая для нас отправной точкой для самостоятельного видения на природу конверсивных отношений в языке.

Таким образом, русские языковеды XX–XXI вв., заложившие основы деривационного подхода в изучении лексических единиц в целом и ЛК в частности, своими работами убедительно продемонстрировали, что семантику языковых единиц, вступающих между собой в те или иные семантические отношения, определяет семантическое отражение. Считая конверсию наряду с синонимией, полисемией и антонимией самостоятельным видом лексической номинации, объективно существующей в языке, мы допускаем возможность применения данной концепции к анализу ЛК.

1.3.2. Семантическое отражение и неотражение как центральные понятия деривационного подхода в изучении конверсии

Семантическое отражение является центральным понятием деривационного подхода в изучении конверсии, т. к. способствует выявлению семантических и деривационных факторов, определяющих генезис конверсивных отношений в языке.

В теории познания отражение является одной из основных категорий, «выступающей в качестве фундаментальной для материалистической традиции когнитивного оптимизма» [130]. Отражение является своеобразной «памятью» материальных объектов о предшествующем взаимодействии, т. е. отражение – это всегда результат взаимодействия [67; 161]. Можно предложить несколько определений понятия «отражение», но суть их одна: отражение – это способность материальных систем специфически воспроизводить в своей организации структуру внешнего воздействия, иными словами, «способность одних тел в результате их взаимодействия с другими телами воспроизводить особенности последних в своей собственной природе» [2, 150].

Применение лингвофилософской категории «отражение» к конверсивным отношениям в языке, как было отмечено ранее, продолжает традицию её применения, к иным парадигматическим отношениям в лексико-семантической системе языка: омонимическим, полисемантическим, синонимическим, антонимическим, и вместе с тем демонстрирует качественно новый аспект конверсологии, отмеченный Л. Н. Роженцовой [136; 137].

Семантическим отражением в лингвистике именуется «свойство производных единиц воспроизводить с различной степенью адекватности структурно-семантические характеристики и смысловые отношения производящих их единиц» [138, 5]. Соответственно, семантическое отражение даёт возможность репрезентировать ЛК, обладающие данной категорией, – отражённые ЛК.

Отражённые ЛК – это производные ЛК, отражающие (воспроизводящие, наследующие) конверсивные отношения своих производящих единиц в одном (при моносемантичности производящего конверсива) или нескольких (при полисемантичности производящего конверсива) ЛСВ в процессе деривации.

Например, *дружить*₁ ‘быть другом кому-либо’ – *дружить*₁:

«С тех пор сын спасённой Владимир Добрынин **дружит** с Галиной Брониславовной». (Янкина Л., Селуянова В. Кубанские пенсионеры: Ходят в колледж,

руководят хорами и мечтают о сайтах, 2011.) [114] \Leftrightarrow *С тех пор Галина Брониславовна дружит с сыном спасённой Владимиром Добрыниным.*

В данном примере КП, состоящая из глагольных производных автоконверсивов *дружить* ‘быть другом кому-либо’, в процессе десубстантивной суффиксальной деривации перенимает, наследует интегральную сему, объединяющую синтаксические дериваты в КП, от своих производящих единиц *друг₁* ‘человек, связанный с кем-либо отношениями, основанными на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п.’ – *друг₁*, являющихся, в свою очередь, непроизводными лексическими конверсивами, и отражает не только её в своей смысловой структуре, но и конверсивные отношения производящих ЛК. Ср.:

«Лидером этой группы является руководитель холдинговой компании «Ленинец» Анатолий Турчак – друг Путина по Петербургу». (Попова Е. Кто станет преемником Бастрыкина, 2010.) [114] \rightarrow *Лидер этой группы, руководитель холдинговой компании «Ленинец» Анатолий Турчак, – друг Путина по Петербургу. \Leftrightarrow Путин – друг по Петербургу лидера этой группы, руководителя холдинговой компании «Ленинец» Анатолия Турчака.*

Отсутствие явления семантического отражения при анализе производных ЛК свидетельствует о противоположном структурно-семантическом типе ЛК – неотражённых ЛК.

Неотражённые ЛК – это производные ЛК, не способные отразить (воспроизвести, наследовать) смысловые отношения производящей базы, но способные самостоятельно развивать обратные отношения в процессе деривации.

Например, *выборщик* ‘тот, кто профессионально выбирает₁ что-либо’ – *выборка* ‘то, что профессионально выбирает кто-либо по какому-либо принципу, для какой-либо цели’:

«Сравнительно быстрому ходу работы над словарем способствовало то обстоятельство, что Я. К. Грот ясно представлял себе план и задачи издаваемого труда. Он был всецело поглощен работой, являясь одновременно и выборщиком

цитат из произведений писателей, и составителем словарных статей, и главным редактором всего труда». (Сороколетов Ф. П. Академик Яков Карлович Грот, 2012.) [115] → *Я. К. Грот был **выборщиком** цитат из произведений писателей. ⇔ Цитаты из произведений писателей были **выборкой** Я. К. Грота.*

Производящая база данных ЛК представлена тождественными языковыми единицами выбрать₁ ‘взять, отобрать, выделить нужное, предпочитаемое из наличного’ – выбрать₁, не связанными между собой конверсивными отношениями, однако актуализирующаяся в процессе deverбальной суффиксальной деривации сема ‘профессионально выбирать’ становится интегральной для дериватов и обеспечивает им необходимые смысловые отношения.

Схематически деривационные отношения отражённых и неотражённых ЛК целесообразно изображать в виде словообразовательного квадрата (далее СКв), или т. н. «квадрата Гринберга» (по имени одного из современных основателей лингвистической типологии Дж. Гринберга [45]), под которым в лингвистике понимается одноструктурное объединение двух словообразовательных пар, включающих дериваты с синонимичными аффиксами, для демонстрации членимости производных основ [118, 223; 151]. Однако мы вкладываем несколько иное значение в понятие СКв.

В данной работе понятие СКв применяется по отношению к производным ЛК. Под **СКв**, как уже было отмечено, мы понимаем методологический приём, с помощью которого у каждой пары производных ЛК устанавливается производящая база с целью выявления генезиса конверсивных отношений в языке. Данный приём имеет графическое обозначение квадрата □, в котором на вершинах одной из сторон располагается пара производных ЛК, а на вершинах противоположной стороны – производящая база каждого ЛК.

Так, установление производящей базы рассмотренных выше отражённых ЛК *дружить – дружить; выборщик – выборка* посредством СКв графически будет выглядеть так, как показано на рисунке 2 «Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием отражённых автокон-

версивов дружить – дружить»; рисунке 3 «Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов выборщик – выборка» (см. рисунок 2 на с. 68; рисунок 3 на с. 68):

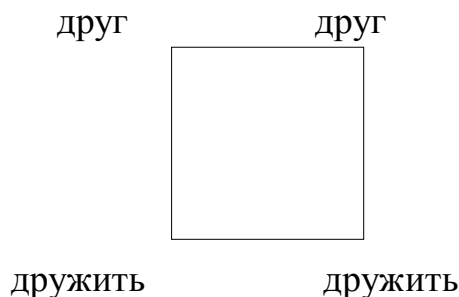

Рисунок 2. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием отражённых автоконверсивов дружить – дружить.

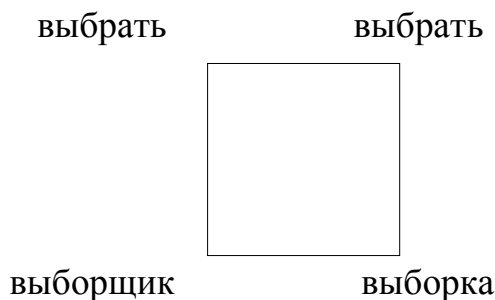

Рисунок 3. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов выборщик – выборка.

Указанные ЛК формируют классический **полный СКв** – СКв, у которого заполнены все вершины: на одной из сторон два производных ЛК, на противоположной – их производящие, являющиеся или не являющиеся ЛК в зависимости от степени семантического отражения. При этом полный СКв может быть деформирован за счёт количественного расширения производящей базы *работодатель* ‘тот, кто даёт₁ работу₁ кому-либо’ – *работник* ‘тот, кто работает₁’; *ссудополучатель* ‘получатель ссуды’ – *ссудодатель* ‘тот, кто дал ссуду кому-либо’, как показано на рисунке 4 «Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов работодатель – работник»; рисунке 5 «Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов ссудополучатель – ссудодатель» (см. рисунок 4 на с. 69; рисунок 5 на с. 69):

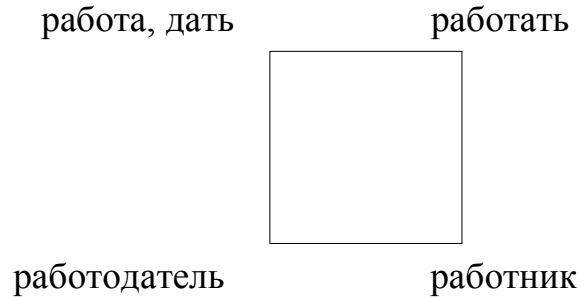

Рисунок 4. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых конверсивов *работодатель – работник*.

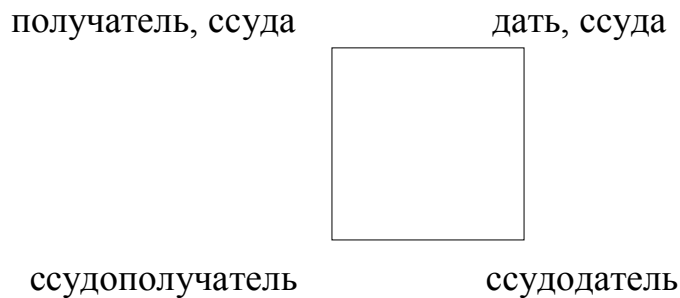

Рисунок 5. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых конверсивов *ссудополучатель – ссудодатель*.

Полный СКв, на каждой вершине которого располагается по одному слову, мы называем **полным неизбыточным СКв**. Полный СКв, на вершинах одной из сторон расположены более двух производящих единиц, формируют **полный избыточный СКв**. Другими словами, полнота СКв определяется наличием всех заполненных вершин, а избыточность – количеством производящей базы, расположенной на противоположающей стороне СКв¹.

Неполный СКв – СКв, у которого отсутствует одна из заполненных вершин одной из сторон – формируется в результате взаимодействия разноструктурных ЛК (производного и непроизводного) *долг₁* ‘то, что взято заимобразно (преимущественно деньги)’ – *должник₁* ‘тот, кто имеет долг₁ перед кем-либо’, как показано на рисунке 6 «Графический пример неполного неизбыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных лексических конверсивов *долг – должник*» (см. рисунок 6 на с. 70):

¹ Избыточность – термин, заимствованный нами из теории информации [73] для обозначения количественного превышения производящей базы производных ЛК.

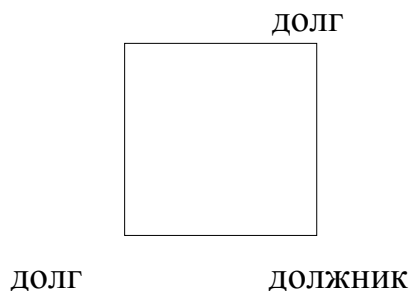

Рисунок 6. Графический пример неполного избыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных конверсивов долг – должник.

Неполный СКв, подобно полному, может быть избыточным и избыточным. В избыточном СКв одна из сторон представлена одним производящим производного ЛК: *долг – должник*; в избыточном – двумя производящими производного ЛК *марионетка* 1) ‘театральная кукла, приводимая в движение при помощи тростей, нитей и т. п.’; 2) ‘тот, которым руководит кто-либо, управляет его действиями подобно марионетке₁’ – *кукловод* 1) ‘тот, кто водит, управляет куклой при помощи тростей, нитей и т. п.; актёр кукольного театра’; 2) ‘тот, кто руководит кем-то, чьими-либо действиями подобно куклой₁’, как показано на рисунке 7 «Графический пример неполного избыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных лексических конверсивов *марионетка – кукловод*» (см. рисунок 7 на с. 70):

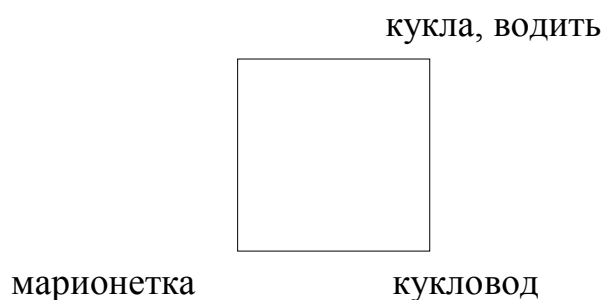

Рисунок 7. Графический пример неполного избыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных конверсивов *марионетка – кукловод*.

Типология СКв представлена на рисунке 8 «Типология словообразовательных квадратов, репрезентирующих конверсивные отношения в русском языке» (см. рисунок 8 на с. 71–72).

Используемый приём, как показывают исследования [19; 136; 137; 139; 172], позволяет установить тип СКв, словообразовательную структуру ЛК, их произво-

дующую базу, СЗ и вид деривации, способ словообразования, СТ, а также наличие или, напротив, отсутствие отражённой семантики (у одноструктурных производных) языковых единиц.

Следует отметить, что применение СКв возможно только в том случае, если КП образуют производные ЛК или хотя бы один из её участников, как в случае взаимодействия разноструктурных ЛК (производных и непроизводных), поскольку непроизводные ЛК словообразовательной производностью не обладают.

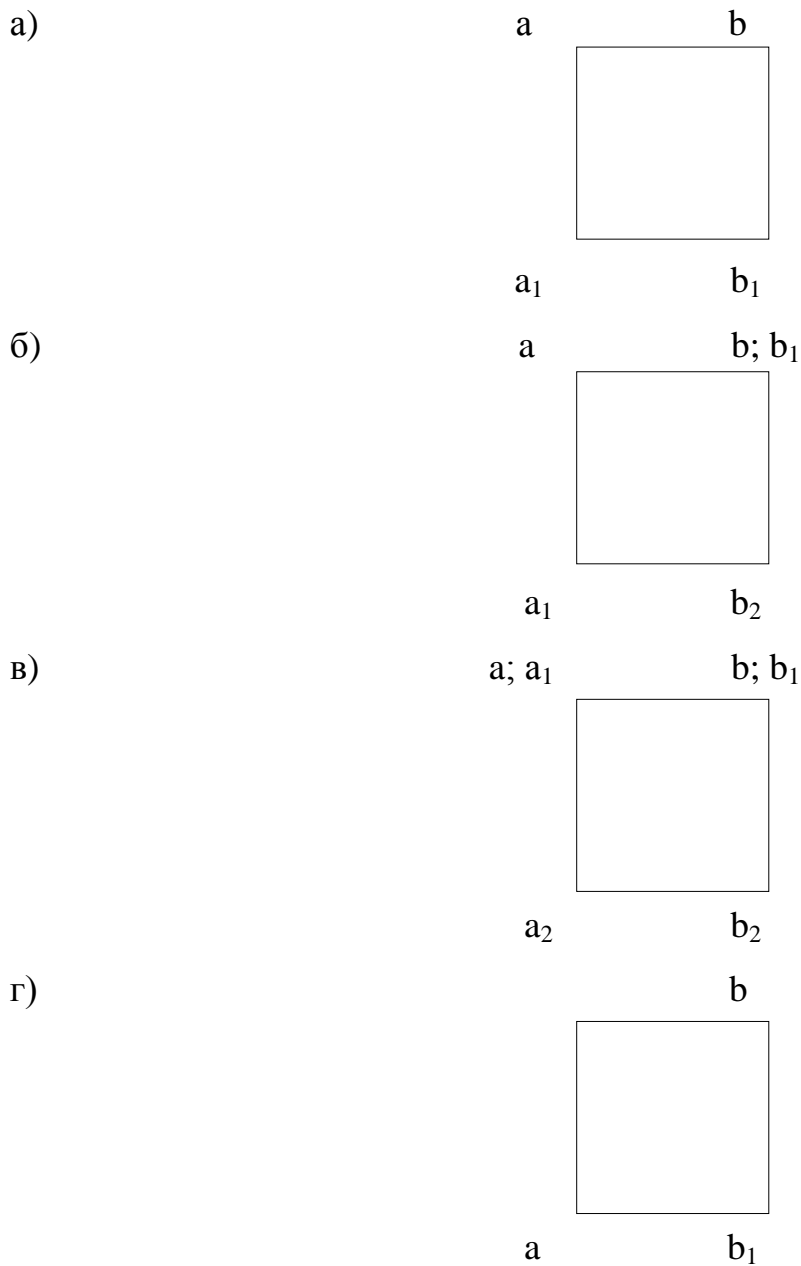

Рисунок 8. Типология словообразовательных квадратов, репрезентирующих конверсивные отношения в русском языке: а) полный неизбыточный СКв, где $a_1 - b_1$ – пара производных ЛК; a - производящая единица для ЛК a_1 ; b - производящая единица для ЛК b_1 ; б) полный избыточный СКв, где $a_1 - b_2$ – пара производных ЛК; a - производящая единица для ЛК a_1 ; b и b_1 - производящая база для ЛК b_2 ; в) полный избыточный СКв, где $a_2 - b_2$ – пара производных ЛК; a и a_1 - производящая база для ЛК a_2 ; b и b_1 - производящая база для ЛК b_2 ; г) неполный неизбыточный СКв, где $a - b_1$ – пара разноструктурных ЛК; b - производящая единица для ЛК b_1 ; д) неполный избыточный СКв, где $a - b_2$ – пара производных ЛК; b и b_1 - производящая база для ЛК b_2 .

Классификация ЛК с учётом их семантико-деривационных особенностей, положенная в основу настоящего диссертационного исследования, представлена на рисунке 9 «Классификация структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке» (см. рисунок 9 на с. 73).

Семантическое отражение наряду с семантическим неотражением являются не только центральными понятиями семантико-деривационного подхода в изучении конверсии, но и играют важную роль в упорядочивании смысловых взаимосвязей языка. «Дублируя, воспроизводя структурно-семантические характеристики и смысловые связи производящих единиц, дериваты тем самым продвигают <...> конверсийные отношения в глубь лексической системы, одновременно связывая языковые единицы в одно целое, укрепляя систему изнутри» [138, 7]. Приобретение же производными ЛК в процессе словопроизводства несвойственных отношений их производящей базы также «способствует централизации системы за счёт актуализации периферийных смысловых компонентов производящих единиц в их непосредственных дериватах» [135, 125].

Рисунок 9. Классификация структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке.

1.3.3. Методические аспекты деривационного подхода в изучении конверсии

Методический аспект деривационного подхода в изучении конверсии обеспечивает научную логику нашего лингвистического исследования, цель которого заключается в репрезентации точных ЛК с учётом их семантических и словообразовательных характеристик, а также решении проблем, связанных с лексикографированием данных языковых единиц. Однако репрезентация ЛК представляется невозможной без алгоритма их «поиска» в лексической системе языка, поскольку деривационный подход, по сути, отвечает на вопрос, какие факторы способствуют выявлению ЛК. Ниже мы предлагаем данный алгоритм, определивший методологическую базу предпринятого диссертационного исследования и обусловивший описание способов репрезентации конверсивной лексики в русском языке.

1. Дать определение ЛК.
2. Привести пример предложения, обладающего категорией конвертируемости, с участием данного слова в позиции реляционного предиката.
3. Конвертировать полученное предложение путем актантной трансформации с сохранением лексико-грамматического класса предиката исходного предложения.
4. Определить денотативное значение и смысловое различие конвертируемых предложений.
5. Сопоставить предикаты в исходном и конвертируемом предложениях и определить их семантический подтип исходя из денотативного значения конвертируемых предложений.
6. Определить посредством компонентного анализа, интегральные семы каких ЛСВ слов, занимающих позицию реляционного предиката в конвертируемых предложениях, соотносятся с денотативным значением предложения.
7. Определить посредством компонентного анализа, дифференциальные семы каких ЛСВ слов, занимающих позицию реляционного предиката в конвертируемых предложениях, обеспечивают различие этих предложений.

8. Сопоставить ЛСВ слов, занимающих позицию реляционного предиката в конвертируемых предложениях; определить их как ЛК, образующие КП.

9. Определить вид ЛК с позиции словообразовательной производности, указав их способность принадлежать к одному или разным СГ.

10. Если ЛК представлены парой непроизводных слов, то сделать вывод о том, что генезис конверсивных отношений этих ЛК заключается в наличии в их смысловой структуре ЛСВ, интегральные семы которых обеспечивают единое денотативное значение конвертируемых предложений, а дифференциальные – их различие.

11. Если ЛК представлены парой, состоящей из непроизводного и производного ЛК, то определить производящую основу производного ЛК, и разместить все три слова на вершинах СКв таким образом, чтобы КП оказалась на одной из его сторон, а слово, содержащее производящую основу производного конверсива, – на вершине противоположающей стороны над производным ЛК.

11.1. В данной конверсивной паре определить СТ ЛК, вид деривации и СЗ, обеспечивающие образование конверсивного деривата.

11.2. Определить тип СКв с участием данной КП с позиции его полноты и степени избыточности.

11.3. Определить семы производного ЛК, актуализировавшиеся в процессе его деривации, и соотнести их с семами непроизводного конверсива.

11.4. Сделать вывод о генезисе конверсивных отношений.

12. Если ЛК представлены парой производных слов, то определить производящие основы каждого из ЛК, и разместить все полученные слова на вершинах СКв таким образом, чтобы КП оказалась на одной из его сторон, а слова, содержащие производящие основы анализируемых ЛК, – на противоположающей стороне над их конверсивными дериватами.

12.1. В данной КП определить СТ ЛК, вид деривации и СЗ, обеспечивающие образование конверсивных дериватов.

12.2. Определить тип СКв с участием данной конверсивной пары с позиции его полноты и степени избыточности.

12.3. Определить, находятся ли слова, содержащие производящие основы в конверсивных отношениях между собой, и сделать вывод о степени отражения конверсивной семантики производных ЛК.

12.3.1. Если слова, содержащие производящие основы, являются ЛК в одном или нескольких ЛСВ и именно эти ЛСВ воспроизводятся в их дериватах, то сделать вывод о том, что производные ЛК являются отражёнными, т. к. генезис конверсивных отношений кроется в наличии конверсивных отношений между участниками производящей базы.

12.3.2. Если слова, содержащие производящие основы, не являются ЛК, то сделать вывод о том, что производные ЛК являются неотражёнными, а генезис конверсивных отношений обусловлен наличием интегральных и дифференциальных сем производных ЛК, актуализировавшихся в процессе их деривации.

Например, нам необходимо найти ЛК к непроизводным субстантивам:
1) *дама*; 2) *отчим*.

«Поиск» ЛК к слову *дама* предполагает, что это слово, в свою очередь, также является конверсивом по отношению к искомому слову, поскольку ЛК представлены в языке КП.

1. ЛК – это слова одного лексико-грамматического класса, содержащие в смысловой структуре ЛСВ, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений.

2. Т. к. ЛК реализовывают свои ЛСВ в структуре конвертируемых предложений, нам необходимо привести пример предложения, обладающего категорией конвертируемости, с участием данного слова в позиции реляционного предиката. Синтаксическая модель исходного предложения трёхэлементна: «субъект – предикат – объект», поскольку ЛК, будучи предикатными словами, в предложении выражают отношения между субъектом и объектом:

Эта женщина – дама Мальчика-с-пальчика (предложение имплицировано ситуацией, представленной в произведении Е. Шварца «Золушка»: «**Золушка**. А по-

чему эта дама танцует одна? **Принц**. Она танцует не одна. Мальчик-с-пальчик танцует с ней. Видите?» [115]).

3. Предикат *дама* в полученном предложении выражен именем существительным, соответственно, его ЛК в конвертируемом предложении, занимающий в нём аналогичную позицию, также должен иметь субстантивную характеристику. Чтобы получить конвертируемое предложение, нам необходимо осуществить актантную трансформацию, т. е. мену позиций актантов, и представить ту же ситуацию, описанную в предложении, но с позиции её другого участника – объекта. Другими словами, субъект исходного предложения *женщина* нужно поставить на место объекта *Мальчик-с-пальчик*, а объект исходного *Мальчик-с-пальчик* – на место субъекта *женщина*, сохранив семантическую структуру предложения: *Мальчик-с-пальчик – кавалер этой женщины*. В результате актантной трансформации мы получили два взаимоконвертируемых предложения, обладающих двусторонней имплицитностью (выводимостью), создав тем самым необходимые грамматические условия для функционирования ЛК:

Эта женщина – дама Мальчика-с-пальчика. ⇔ Мальчик-с-пальчик – кавалер этой женщины.

4. Актантная трансформация не только не изменяет семантическую структуру полученных предложений, но и сохраняет их общее денотативное значение. Под денотативным значением предложения понимается ситуация действительности, послужившая поводом для её вербализации и подводимая под данную синтаксическую модель [185, 144]. Общим денотативным значением данных предложений будет «номинация лица в ситуации танцевального партнерства», различие заключается в том, что каждое из предложений поочередно именуется, называет лицо с позиции каждого из участников описанной ситуации.

5. Предикатами в этих предложениях выступают субстантивы *дама* и *кавалер*, выражающие социальные отношения в ситуации танцевального партнерства. Следовательно, именно эти предикаты подлежат дальнейшему сопоставлению. Однако утверждать на данном этапе, что эти слова образуют в языке КП, рано, поскольку ЛК

обладают не только выявленными нами семантико-синтаксическими и грамматическими признаками, но лексико-семантическими и семантико-деривационными. Соответственно, нам нужно сопоставить предполагаемые ЛК на лексико-семантическом и деривационном уровнях.

6. Зная, что ЛК вступают в конверсивные отношения не всей смысловой структурой слова, а отдельными ЛСВ, нам необходимо установить данные ЛСВ с целью их дальнейшего разложения на интегральные и дифференциальные семы. ЛСВ слова – это конкретное значение слова из состава его общего ЛЗ, которым оно вступает в смысловые отношения с ЛСВ сопоставляемого слова [123, 110-114]. Определив по толковому словарю ЛСВ слов *дама* и *кавалер*, имеем следующие соотносительные друг с другом ЛСВ: *дама*₁ ‘женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером’; *кавалер*₁ ‘мужчина, танцующий в паре с дамой’. Как видим, интегральными семами в данных ЛСВ является ‘человек’, ‘танцевать’, ‘в паре с другим человеком’. Именно эти семы обеспечивают единство денотативного значения анализируемых конвертируемых предложений: «номинация лица в ситуации танцевального партнёрства».

7. Дифференциальной семой ЛСВ слов *дама* и *кавалер* выступает ‘женщина или девушка’ и ‘мужчина’, семантическим параметром дифференциальной семы – пол лица: дама – это женский пол; кавалер – мужской пол. Дифференциальная сема обеспечивает различие конвертируемых предложений, поскольку в первом предложении говорится о *женщине*, а во втором – о сказочном персонаже мужского пола *Мальчике-с-пальчике*.

8. Определив семантико-синтаксические, грамматические и лексико-семантические признаки данных слов, у нас есть все основания утверждать, что ЛК к слову *дама* в русском языке выступает слово *кавалер* в их конкретных соотносительных ЛСВ: *дама*₁ ‘женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером’ – *кавалер*₁ ‘мужчина, танцующий в паре с дамой’.

9. КП *дама*₁ – *кавалер*₁ образуют разнокоренные производные слова, поскольку обладают небинарной структурой: содержат нечленимые основы *дам-*, *кавалер-*.

10. Семантико-синтаксические, грамматические, лексико-семантические и семантико-деривационные особенности анализируемых ЛК, позволяют нам сделать вывод о том, что КП *дама*₁ – *кавалер*₁ образована парой производных слов, а значит, генезис их конверсивных отношений заключается в наличии в их смысловой структуре ЛСВ, интегральные семы которых обеспечивают единое денотативное значение конвертируемых предложений, а дифференциальные – различие.

КП к слову *отчим* будет слово *пасынок*. Для анализа этих ЛК можно воспользоваться как предыдущей методикой, так и её кратким модифицированным вариантом (однако для её усвоения необходимо освоить методику подробного анализа):

1. Определить и продемонстрировать семантико-синтаксические и грамматические признаки ЛК.

2. Определить и продемонстрировать лексико-семантические признаки ЛК.

3. Определить и продемонстрировать семантико-деривационные особенности ЛК.

4. Сделать вывод о генезисе данных конверсивных отношений в языке.

1. Семантико-синтаксические и грамматические признаки ЛК: способность занимать позицию, как минимум, двухместного реляционного предиката в конвертируемых предложениях и в них функционально «замещать» друг друга, а также их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу.

1.1. Субстантивные ЛК: *отчим* – *пасынок*.

1.2. «Александра Пороховщикова воспитывал его отчим – Михаил Дудин». (Ремизова М. Наследник Пороховщикова Шалва Барабадз, 2012.) [114] → *Михаил Дудин* – *отчим* *Александра Пороховщикова*. ⇔ *Александр Пороховщиков* – *пасынок* *Михаила Дудина*.

2. Лексико-семантические признаки ЛК: способность содержать в смысловой структуре соотносительные ЛСВ, которыми они вступают в смысловые отношения,

образуя КП в языке; содержать в структуре ЛСВ интегральные семы, соотносящиеся с общим денотативным значением конвертируемых предложений с участием данных ЛК; содержать в структуре ЛСВ дифференциальные семы, обеспечивающие мену позиции субъекта и объекта в данных предложениях; формирование ЛСГ слов русского языка с семантикой «отношение».

2.1. Денотативное значение конвертируемых предложений: «номинация лица в ситуации некровного родства».

2.2. Различие конвертируемых предложений: каждое из предложений поочередно характеризует каждого из участников описанной ситуации.

2.3. ЛСВ слов *отчим* и *пасынок*, обеспечивающие соотносительность значений: *отчим* ‘тот, кто является неродным отцом неродных детей или одному из них’; *пасынок* ‘тот, кто является неродным сыном одного из неродных родителей’.

2.4. Интегральные семы ЛСВ конверсивов ‘лицо’, ‘мужской пол’, ‘неродной’, соотносятся с денотативным значением конвертируемых предложений «номинация лица в ситуации некровного родства».

2.5. Дифференциальные семы ‘отец’ и ‘сын’, семантический параметр «отношение друг к другу» обеспечивают различие конвертируемых предложений: каждое из предложений поочередно характеризует каждого из участников описанной ситуации.

2.6. ЛК *отчим* ‘тот, кто является неродным отцом неродных детей или одного из них’ – *пасынок* ‘тот, кто является неродным сыном одного из неродных родителей’ входят в ЛСГ с семантикой «родственные отношения».

3. Семантико-деривационные признаки ЛК: способность обладать словообразовательной производностью; взаимодействие производных ЛК с их производящей базой, демонстрируя различные степени семантического соответствия и смысловых отношений производящих и производных основ; взаимодействие непродводных и производных ЛК при формировании КП в языке; способность вступать в мотивационные отношения в рамках одного СГ.

3.1. КП *отчим – пасынок* представлена разнокоренной языковой парой, состоящей производных ЛК. Соответственно, генезис конверсивных отношений данной КП устанавливается посредством СКв, как показано на рисунке 10 «Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием производных лексических конверсивов отчим – пасынок» (см. рисунок 10 на с. 81):

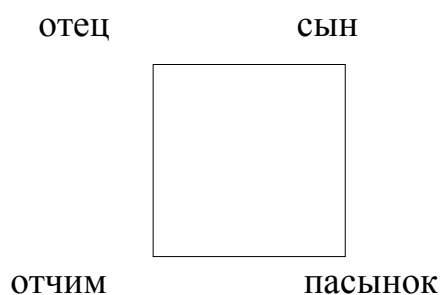

Рисунок 10. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием производных лексических конверсивов отчим – пасынок.

3.2. Тип СКв: полный избыточный.

3.3. СТ ЛК *отчим – пасынок*: *отчим*: СТ Sub + s (-им), морфонологическая модель < ец // ч >; *пасынок*: СТ pr (па-) + Sub + s (-ок).

3.4. Вид деривации и СЗ: лексическая; модификационное (т. к. семантика производного слова содержит дополнительный смысловой компонент подобия).

3.5. Семантико-синтаксические, грамматические, лексико-семантические и семантико-деривационные особенности анализируемых ЛК, позволяет нам сделать вывод о том, что КП *отчим – пасынок* образована соединением отражённых ЛК, поскольку воспроизводит смысловые отношения производящей базы *отец*₁ ‘мужчина по отношению к своим детям или одному из них’ – *сын*₁ ‘лицо мужского пола по отношению к своим родителям или одному из них’. Соответственно, генезис конверсивных отношений КП *отчим – пасынок* обусловлен семантическим отражением.

Вышеописанная методика анализа ЛК (как подробная, так и её краткий вариант) определила содержание исследовательской части нашей работы, посвящённой установлению корпуса конверсивной лексики и способам её репрезентации в современном русском языке.

Выводы по главе I

1. Лексико-семантическая система русского языка представляет собой совокупность взаимосвязанных между собой отношений, сегментирующих внеязыковую действительность и получающих в нём специфическую значимость. Обратные отношения, вербализирующие денотативно тождественные ситуации действительности с различных позиций, являются неотъемлемым свойством языковой системы, поскольку алгоритм рассмотрения определённой ситуации со стороны каждого её участника соответствует логическому аппарату человеческого мышления.

2. Способом выражения обратных отношений в языке выступает лексико-грамматическая категория конверсии, проявляющая себя в прямом и обратном порядке следования семантической структуры конвертируемых предложений и выражающая её субъектно-объектные отношения.

3. Межуровневый характер конверсии, заключающийся в её функционировании на стыке семантики, синтаксиса и лексикологии, определяет разноуровневый подход к пониманию конверсивов – языковых репрезентантов конверсии как лексико-грамматической категории.

4. Языковыми репрезентантами конверсии как грамматической категории являются грамматические конверсивы – соотносительные глагольные залоговые и видовые словоформы, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений.

5. Языковыми репрезентантами конверсии как лексико-семантической категории служат ЛК – слова одного лексико-грамматического класса, содержащие в смысловой структуре ЛСВ, также способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений.

6. ЛК характеризуются совокупностью семантико-синтаксических, грамматических, лексико-семантических и семантико-деривационных особенностей, являю-

щихся критериями выделения данных языковых единиц в лексико-семантической системе языка, содержательно отличающих их от иных единиц лексического строя и обеспечивающих корректную интерпретацию конверсии как лексико-семантической категории современного русского языка.

7. Современной концепции конверсии как лексико-семантической категории, служащей для выражения в языке обратных отношений посредством ЛК, предшествовало длительное развитие лингвистической мысли, закономерно приведшей к изучению конверсивной лексики в деривационном аспекте в начале XXI в.

8. Деривационный подход в изучении конверсии, развивающий идеи классического словообразования, ставит вопрос о генезисе конверсивных отношений в языке посредством раскрытия смысловой и словообразовательной структуры слова в их тесном взаимодействии; соотносительности семантики производящей и производной основ; способности отражать или, напротив, приобретать структурно-семантические характеристики и смысловые отношения производящих единиц.

9. Деривационный подход позволяет классифицировать ЛК с учётом их лексико-семантических и семантико-деривационных особенностей. Таким образом, в современном русском языке функционируют непроизводные, производные отражённые и неотражённые ЛК, а также производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными коррелятами, ставшие предметом настоящего диссертационного исследования и представленные в главе II «Способы репрезентации конверсии в лексической системе русского языка».

Глава II

Способы репрезентации конверсии в лексической системе русского языка

В данной главе предложены способы репрезентации конверсивной лексики современного русского языка в деривационном и лексикографическом аспектах. В связи с этим описываются непроеизводные и производные точные ЛК, выраженные четырьмя основными ЧР (именами существительными, глаголами, именами прилагательными и наречиями), изъятые методом сплошной выборки из современных лексикографических изданий (см. «Список источников» на с. 180) в количестве 2 546 языковых единиц, составляющих 1,8% от общего словарного фонда современного русского языка (145 000 слов по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова (см. «Список источников» на с. 180)). Процентное соотношение конверсивной лексики и лексического состава русского языка показано на рисунке 11 «Место конверсивной лексики в системе русского языка» (см. рисунок 11 на с. 84):

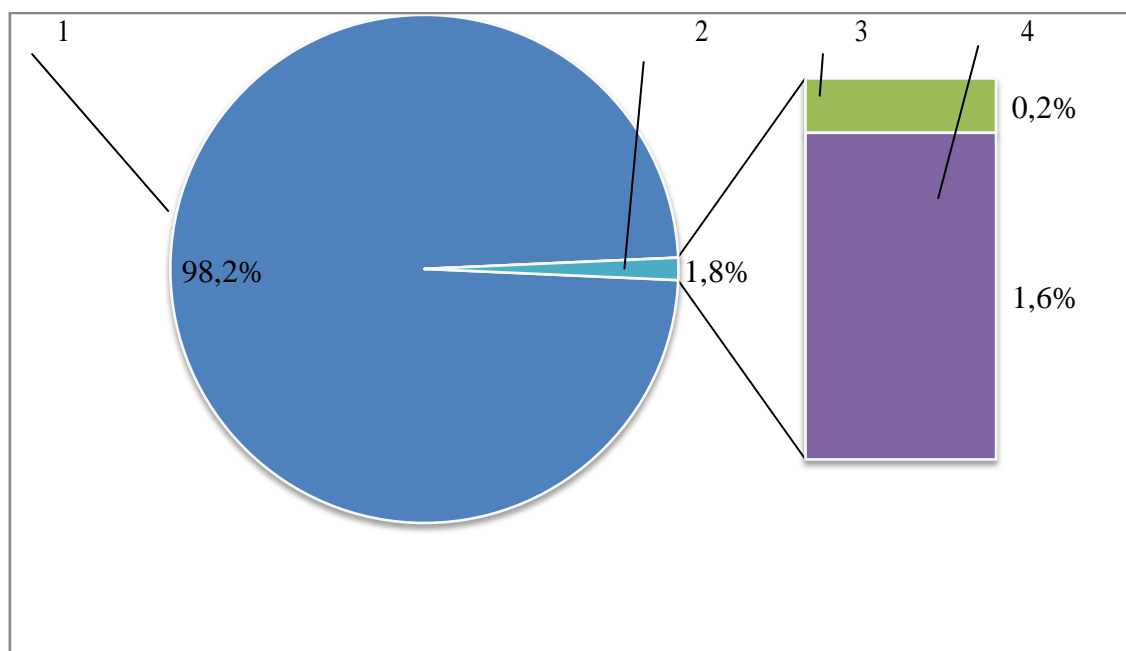

Рисунок 11. Место конверсивной лексики в системе русского языка: 1 – лексический состав русского языка; 2 – конверсивная лексика русского языка; 3 – непроеизводные лексические конверсивы; 4 – производные лексические конверсивы.

2.1. Непроизводные конверсивы как репрезентанты прямой конверсии

Прямая конверсия – это конверсия производных слов (т. е. слов, обладающих производной основой). По нашим данным, производные ЛК в русском языке представлены в количестве 357 языковых единиц, что составляет 14% от общего числа конверсивной лексики.

Для определения генезиса конверсивных отношений данного структурно-семантического вида ЛК в работе применяется метод компонентного анализа, имеющий цель установить соотносительные друг с другом ЛСВ в смысловой структуре производного слова и определить их интегральные семы, обеспечивающие единство денотативного значения, и дифференциальные семы, влияющие на семантическое различие конвертируемых предложений, содержащих ЛК в позиции реляционного предиката.

Способность производных ЛК вступать в смысловые отношения с разноструктурными коррелятами позволяет выделить 2 группы производных ЛК: ЛК, вступающие в конверсивные отношения с производными ЛК, и ЛК, вступающие в конверсивные отношения с производными ЛК.

2.1.1. Производные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с производными конверсивами

Производные ЛК, формирующие в языке КП с производными ЛК, представлены в языке в количестве 242 ЛК (9,5%) субстантивными (122 ЛК; 4,8%), глагольными (76 ЛК; 3%), адъективными (40 ЛК; 1,5%) и адвербиальными (4 ЛК; 0,2%) ЛК, например:

брат 1) ‘каждый из сыновей в отношении к другим детям тех же родителей’; 2) ‘человек, связанный общим делом, условиями существования и т. п. с другим человеком’ – *сестра* 1) ‘дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям’; 2) ‘женщина, объединённая с кем-либо общими интересами, положением, условиями’;

*дать*₁ ‘передать из рук в руки; вручить’ – *получить*₁ ‘взять, принять что-либо вручаемое’;

*младший*₁ ‘более молодой по возрасту (сравнительно с кем-либо)’ – *старший*₁ ‘имеющий большее количество лет по сравнению с кем-либо’;

*визави*₁ ‘друг против друга’ – *визави*₁.

Среди производных ЛК распространено явление автоконверсии.

2.1.2. Непроизводные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с производными конверсивами

Непроизводные ЛК, образующие в языке КП с производными ЛК, представлены в языке в количестве 115 ЛК (4,5%) субстантивными (82 ЛК; 3,2%) и глагольными (33 ЛК; 1,3%) ЛК, например:

зять ‘муж дочери, сестры, золовки’ – *свояченица*, ж. к свояк; ‘сестра жены’;

*снять*₁ ‘взять внаём’ – *сдать*₁ ‘дать внаём’.

Причины, по которым в обратные отношения вступают разноструктурные ЛК, различны:

1) заимствование ЛК, имеющих в русском языке производную основу, например:

адвокат 1) ‘юрист, ведущий дело обвиняемого, защищающий его интересы в суде и дающий советы по правовым вопросам; защитник’; 2) ‘тот, кто выступает в защиту кого-либо, защищает кого-либо’ – *подзащитный* 1) ‘подсудимый или ответчик, которого защищает адвокат’; 2) ‘тот, кто находится под защитой, покровительством кого-либо’;

2) опрощение исторически производных слов в русском языке, в результате чего происходит превращение прежде членимой основы в нечленимую, например:

супруг ‘муж’ – *супруга*, ж. к сущ. супруг; ‘жена’;

3) наличие конверсивных отношений между участниками СП, в результате которого происходит отражение семантики производного ЛК в производном от него на первой ступени словообразования, поскольку «значения исходных (непроизводных) слов являются своего рода клеем, <...> поддерживающим их семантическое родство» [158, 48].

Ввиду разноструктурности данных ЛК явление автоконверсии в подобных КП исключено. Разные однокоренные ЛК встречаются только среди тех производных ЛК, которые семантически взаимодействуют с производными ЛК. При этом производный ЛК способен вступать в конверсивные отношения с различными звеньями словообразовательной цепи:

- с дериватом, находящимся на первой словообразовательной ступени, например:

*тонуть*₁ ‘гибнуть, погружаясь в воду, на дно’ – *топить*₁ ‘погружать в воду, заставлять тонуть’;

- с дериватом, находящимся на второй словообразовательной ступени, например:

*конвой*₁ ‘группа людей, вооружённый отряд, сопровождающие кого-либо для охраны или предупреждения побега’ – *подконвойный* ‘подконвойный человек’.

КП, участники которой находятся в отношениях последовательной мотивации между исходным словом СГ и его производным, образуя СП, демонстрируют не только деривационные отношения между словами, но и конверсивные.

Непроизводные ЛК, выраженные основными ЧР в русском языке в количестве 357 языковых единиц, представляют собой бесценный пласт конверсивной лексики. 242 непроизводных ЛК, вступающего в смысловые отношения с непроизводными ЛК, в большинстве своём является базой для создания производных ЛК, способствуя семантическому отражению. 115 непроизводных ЛК, вступающих в смысловые отношения с производными ЛК, демонстрируют языковую асимметрию, имеющую созидательный характер. Данная асимметрия подчёркивает взаимосвязь между разноструктурными языковыми единицами, восполняя лакуны в семантическом пространстве языка при определении ЛК, а также в ряде случаев служит отправной точкой для развития всей словообразовательной системы русского языка, представляя собой не только КП, но и СП одновременно.

Обобщённые статистические данные по производным ЛК представлены в таблице 2 «Репрезентация производных конверсивов в русском языке» (см. таблицу 2 на с. 91).

2.2. Производные конверсивы как репрезентанты непрямой конверсии

Непрямая конверсия – это конверсия производных слов (т. е. слов, обладающих производной основой и имеющих словообразовательную структуру). Производные ЛК в современном русском языке, по нашим данным, представлены в количестве 2 189 языковых единиц, что составляет 86% от общего материала исследования, превышая количество производной конверсивной лексики в 6,1 раза.

Генезис конверсивных отношений производных ЛК устанавливается нами посредством СКв, организующие вершины которого для удобства мы записываем в строчку:

- при анализе отражённых ЛК производящие единицы, расположенные на одной из сторон СКв, и производные от них, расположенные на противоположной стороне СКв, выделяются курсивом и указываются через тире, поскольку представляют собой КП; при этом производящие ЛК предшествуют графическому обозначению СКв – □, производные ЛК следуют после графического обозначения СКв – □; анализируемый ЛК выделяется подчёркиванием, например:

дед 1) ‘отец отца или матери по отношению к их внукам₁ или одному из них’; 2) ‘люди, жившие в старину; предки’ (во мн. ч.) – *внук* 1) ‘сын дочери или сына по отношению к их родителям’; 2) ‘потомки’ (во мн. ч.) □ *прадед* 1) ‘отец деда или бабушки по отношению к их правнукам₁ или одному из них’; 2) ‘предок’ – *правнук* ‘дочь внука или внучки’; 2) ‘потомки’ (во мн. ч.);

- при анализе неотражённых ЛК их производящие единицы, также расположенные на противоположной стороне СКв по отношению к своим дериватам, указываются через точку с запятой, поскольку не состоят между собой в смысловых отношениях, и предшествуют графическому обозначению СКв – □; производные от них ЛК следуют после графического обозначения СКв – □, выделены курсивом и указываются через тире; анализируемый ЛК выделен подчёркиванием, например:

сидеть₁ ‘находясь в таком положении, заниматься каким-либо делом, исполнять какие-либо (обычно должностные) обязанности»; вылупить «широко раскрыть глаза; вытаращить» □ *высидеть*₁ ‘сидя на яйцах, вывести птенцов’ – *вылупиться*₁ ‘выйти из яйца (о птицах, пресмыкающихся)’;

- при анализе разноструктурных ЛК производящая единица деривата, расположенная на одной из верхних граней СКв, указывается через точку с запятой со знаком прочерка (–), свидетельствующего о непроизводности одного из участников КП, и предшествует графическому обозначению СКв – □; разноструктурные ЛК записываются через тире после графического обозначения СКв – □; выделены курсивом; производный ЛК выделен подчёркиванием.

Анализируя производные ЛК, мы устанавливаем их способность вступать в смысловые отношения с одно- и разноструктурными ЛК; структурно-семантический тип с позиции теории семантического отражения; сферу деривации, которой они обслуживаются; продуктивные СТ; общее и частное СЗ.

Производные ЛК, подобно непроизводным, способны вступать в обратные отношения с производными и непроизводными ЛК.

2.2.1. Производные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с производными конверсивами

Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с одноструктурными ЛК, представлены в языке в количестве 2 074 ЛК (81,5%) субстантивными (1 316 ЛК; 51,7%), глагольными (390 ЛК; 15,3%), адъективными (188 ЛК; 7,4%) и адвербиальными (180 ЛК; 7,1%) ЛК.

Среди данной группы лексики выделяются отражённые и неотражённые ЛК, характеризующиеся специфическими структурно-семантическими особенностями.

2.2.1.1. Отражённые конверсивы

Отражённые ЛК репрезентируют отражённый вид конверсии, предполагающей воспроизводство обратных отношений в смысловой и словообразовательной структуре дериватов. Производящими единицами отражённых ЛК выступают непроизводные, отражённые, неотражённые ЛК или грамматические конверсивы. В

современном русском языке удельный вес отражённых ЛК достаточно высок – 894 языковые единицы, формирующие 447 полных СКв и составляющие 35,1% от общего числа проанализированных нами ЛК.

Отражённые ЛК обслуживаются сферами **лексической** и **синтаксической деривации**.

Лексическая деривация предполагает семантическое видоизменение или обогащение производного за счёт словообразовательного форманта в процессе словопроизводства. Отражённые ЛК, обслуживаемые сферой лексической деривации (590 ЛК; 23,2%), являются репрезентантами модификационного, мутационного и соединительного СТ.

Отражённые ЛК **модификационного СТ** (350 ЛК; 13,7%) дополняют ЛСВ производящих ЛК смысловым компонентом, не влияющим на их общую семантику, воспроизведённую в деривате [71; 110; 136; 142; 163; 164; 172; 188]. Данные ЛК формируют 175 полных неизбыточных СКв, образуя группы:

- **десубстантивных субстантивных ЛК** (296 ЛК; 11,6%) с общим СЗ носителя предметного признака, реализующееся в частном словообразовательном значении (далее ЧСЗ) женскости; совместности; степени родства; подобия; противоположности, например:

правнук₁ ‘дочь внука или внучки’ – *прабабушка* ‘бабушка отца или матери’ □ *праправнук₁* ‘сын правнука или правнучки’ – *прапрабабушка* ‘мать прадеда или прабабушки’;

- **девербативных глагольных ЛК** (34 ЛК; 1,3%) с общим СЗ процессуального признака, реализующееся в ЧСЗ дополнительности; интенсивности; расходования; результативности; аннулирования; многократности; совместности; согласованности; взаимовозвратности действия, например:

Таблица 2

Репрезентация производных конверсивов в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК			
	Непроизводные ЛК			
	Вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК		Вступающие в смысловые отношения с производными ЛК	
	Автоконверсивы	Разные ЛК	Разные ЛК	
	Однокоренные ЛК	Неоднокоренные ЛК	Однокоренные ЛК	Неоднокоренные ЛК
Субстантивные ЛК	76	46	21	61
Глагольные ЛК	36	40	1	32
Адъективные ЛК	38	2	0	0
Адвербиальные ЛК	4	0	0	0
Всего:	154	88	22	93
	242		115	
Итого:	357			

*купить*₁ ‘приобрести за деньги’ – *продать*₁ ‘отдать за деньги’ □ *раскупить* ‘купить одно за другим, по частям всё’ – *распродать* ‘продать одно за другим, по частям всё’;

- **деадъективных адъективных ЛК** (6 ЛК; 0,3%) с общим СЗ непроцессуального признака, ЧСЗ которых сводится к значениям противоположности и подобия, например:

родной 1) ‘находящийся в кровном родстве по прямой линии’; 2) ‘свой, близкий по месту рождения, работы и т. п.’ – *родной*_{1,2} □ *сродный* 1) ‘находящийся в некровном родстве’; 2) ‘близкий по происхождению или по свойствам, признакам’ – *сродный*_{1,2};

- **деадвербиальных адвербиальных ЛК** (14 ЛК; 0,5%) с общим СЗ «наименование непроцессуального признака», реализующееся в ЧСЗ противоположности или стилистической модификации, например:

одинаково, нареч. к прил. одинаковый ‘совпадающий, сходный с кем-, чем-либо; ничем не отличающийся от кого-, чего-либо’ – *одинаково* □ *неодинаково* ‘не сходно с кем-, чем-либо; с отличием от кого-, чего-либо’ – *неодинаково*.

Из перечисленных СТ высокой продуктивностью обладают десубстантивные субстантивные ЛК со значением женскости (продуктивность обусловлена наличием «мужских коррелятов» с семой «мужской пол») и девербативные глагольные ЛК, образованные по префиксальным словообразовательным моделям русского языка. Как отмечают авторы «Русской грамматики», «в большинстве значений префиксов сочетается значение совершенного вида со словообразовательными значениями, характеризующими с разных сторон действие, названное мотивирующим глаголом» [142, 353]. Из деадъективных адъективных и деадвербиальных адвербиальных ЛК продуктивны СТ со значением противоположности (отсутствия признака).

Отражённые ЛК **мутационного СТ** (200 ЛК; 7,9%) предполагают наличие нового смыслового компонента у производного, отсутствующего у его производящего [71; 88; 110; 136; 142; 163; 164; 172; 188]. Дериваты мутационного СТ могут как сохранять частеречные характеристики производящей единицы, так и приобретать

новое категориальное значение в процессе словопроизводства. Данные ЛК формируют 100 полных неизбыточных СКв, образуя группы:

- **девербативных** (94 ЛК; 3,8%), **деадъективных** (42 ЛК; 1,6%), **десубстантивных** (36 ЛК; 1,4%) и **деадвербиальных** (6 ЛК; 0,2%) **субстантивных ЛК** с общим СЗ носителя процессуального признака или непроцессуального признака, реализующимся в ЧСЗ субъекта, объекта или результата действия; лица; свойства лица или предмета; совместности, например:

*обладать*₁ 'иметь своей собственностью; владеть, располагать кем-, чем-либо' – *принадлежать*₁ 'находиться в чьей-либо собственности, в чьём-либо владении' □ *обладатель*₁ 'тот, кто обладает чем-либо' – *принадлежность*₁ 'то, что принадлежит кому-либо';

- **десубстантивных глагольных ЛК** (20 ЛК; 0,8%) с общим СЗ процессуального признака, реализующимся в ЧСЗ совершения действия, свойственные тому, кто назван мотивирующей основой с дополнительным компонентом «быть кем»; приобретения признаков того, кто назван мотивирующей основой, например:

*сотрудник*₁ 'тот, кто работает вместе с кем-либо, помогает в каком-либо деле' (устар.) – *сотрудник*₁ □ *сотрудничать*₁ 'заниматься какой-либо деятельностью совместно кем-либо; быть сотрудником' – *сотрудничать*₁;

- **десубстантивных адъективных ЛК** (2 ЛК; 0,1%) с общим СЗ предметного признака и ЧСЗ «характеризующийся признаком, свойственным отношениям между теми, кто указан в производящей основе», например:

*друг*₁ 'человек, связанный с кем-либо отношениями, основанными на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п.' – *друг*₁ □ *дружный*₁ 'связанный дружбой, взаимным согласием' – *дружный*₁.

Среди рассматриваемой группы конверсивной лексики продуктивностью обладают СТ девербативных, деадъективных и десубстантивных ЛК.

Отражённые глагольные ЛК, имеющие мутационное СЗ, также образуются по продуктивным суффиксальным и суффиксально-постфиксальным словообразовательным моделям.

Представленный СТ десубстантивных адъективных ЛК с указанным значением непродуктивен для конверсивной лексики русского языка.

Отражённые ЛК **соединительного СТ**, возникшие в результате лексической деривации, отличаются от отражённых ЛК модификационного и мутационного СТ неоднородной и многочленной производящей базой; от отражённых ЛК соединительного СТ, обслуживающихся сферой синтаксической деривации, – изменением семантики производящей базы.

Все ЛК данного СТ представлены композитивными ЛК – ЛК, обладающими полирадикальной структурой. Вместе с тем полирадикальность не является дифференцирующим признаком при определении СТ ЛК, поскольку среди отражённых ЛК также имеются композиты иных СТ. Отличие композитивных ЛК соединительного СТ от композитивных ЛК модификационного, мутационного и транспозиционного СТ заключается в общем СЗ подобных языковых единиц, которое «сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение» [142, 239] – соединительное, сложном способе образования и способности деформировать СКв за счет многочленной производящей базы; от композитивных ЛК соединительного СТ, обслуживающихся сферой синтаксической деривации, – существенным изменением семантики, граничащей с мутационным СЗ. Трактовать данные языковые единицы как отражённые нам даёт наличие одной или двух автоконверсивных пар в составе производящей базы.

В результате исследования нами было выявлено 40 композитивных ЛК (1,6%), являющихся лексическими дериватами и образующих 20 полных избыточных СКв. Данные языковые единицы образуют группы:

- **десубстантивных и деадъективных субстантивных ЛК** (28 ЛК; 1,1%) в пределах каждого СКв, ЧСЗ которых указывает на лицо, относящееся к тому или характеризующегося тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе сложения, и лицо, проживающее или находящееся в том месте, которое названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения, например:

одно село ‘одинаковый, один и тот же населенный пункт негородского типа’ – *одно село* □ *односельчанин* ‘тот, кто проживает в одном селе с кем-либо’ – *односельчанин*;

- **деадъективных адъективных ЛК** (12 ЛК; 0,5%), общее соединительное СЗ которых осложняется модификационным СЗ сравнения и реализуется в ЧСЗ признака, указанного в опорной основе, конкретизированного в первой основе сложения, например:

*равный*₁ ‘одинаковый, совершенно сходный, такой же (по величине, качеству, значению, положению и т. п.)’; *значительный*₁ ‘важный по значению’ – *равный*₁; *значительный*₁ □ *равнозначительный* ‘значительный в равной степени’ – *равнозначительный*.

Представленные СТ композитивных ЛК достаточно продуктивны среди конверсивной лексики современного русского языка, однако СТ деадъективных адъективных ЛК ограничен композитами, в составе которых имеются инициальные компоненты *равн(о)-*, *разн(о)-*.

Глагольных и адвербиальных композитов соединительного СТ, обслуживающихся сферой лексической деривации, не зафиксировано.

Обобщённые статистические данные по отражённым ЛК, являющихся результатом лексической деривации, содержатся в таблице 3 «Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке» (см. таблицу 3 на с. 98) и таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

Синтаксическая деривация демонстрирует тождественность семантики производного и производящего ЛК. Отличие синтаксических дериватов от производящих единиц заключается в изменении категориальной семантики [70; 71; 88; 110; 136; 172; 188].

Отражённые ЛК, обслуживающиеся сферой синтаксической деривации (304 ЛК; 12%), являются репрезентантами транспозиционного и соединительного СТ.

Отражённые ЛК **транспозиционного СТ** (230 ЛК; 9%), не меняя семантики производящего ЛК, образуют 115 полных избыточных СКв, формируя группы:

- **девербативных** (46 ЛК; 1,8%) и **деадъективных субстантивных ЛК** (34 ЛК; 1,3%) с общим СЗ отвлечённого действия, состояния, признака или свойства, реализующимся в ЧСЗ соответствия, например:

дружить 1) 'находиться в отношениях с кем-либо, основанных на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п.; быть другом'; 2) 'находиться в отношениях между народами, странами, государствами, основанных на доверии, взаимопонимании и невмешательстве во внутренние дела друг друга' – *дружить*_{1,2} □ *дружба*, сущ. к глаг. *дружить*_{1,2} – *дружба*;

- **десубстантивных** (8 ЛК; 0,3%) и **деадъективных глагольных ЛК** (8 ЛК; 0,3%) с общим СЗ процессуального признака и ЧСЗ обладания соответствующим признаком; утраты соответствующего признака или совершения соответствующего действия, например:

сходство 'подобие, соответствие в чём-либо' – *сходство* □ *сходствовать* глаг. к сущ. *сходство* – *сходствовать*;

- **десубстантивных** (22 ЛК; 0,9%) и **девербативных адъективных ЛК** (10 ЛК; 0,4%) с общим СЗ предметного или процессуального признака и ЧСЗ «представляющий собой то, являющийся тем, что названо производящей основой»; «имеющий, содержащий то, обладающий тем, что названо производящей основой»;

«производящий действие» с дополнительным значением «способный его произвести», например:

перпендикуляр 'прямая линия, пересекающая данную линию или плоскость под прямым углом' – *перпендикуляр* □ *перпендикулярный*₁ 'такой, который является перпендикуляром' – *перпендикулярный*₁;

- **деадъективных** (86 ЛК; 3,4%), **десубстантивных** (10 ЛК; 0,4%) и **девербативных адвербиальных ЛК** (6 ЛК; 0,2%) с общим СЗ непроцессуального признака, реализуемым в ЧСЗ градации; признака, характеризующегося отношением к тому, что названо мотивирующей основой; «так, как свойственно тому, что названо моти-

вирующей основой»; исхождения от того, что названо мотивирующей основой, например:

*старший*₁ ‘имеющий большее количество лет по сравнению с кем-либо’ – *младший*₁ ‘имеющий меньшее количество лет по сравнению с кем-либо’ □ *старше*₁ ‘так, как свойственно прил. старший₁’ – *младше*₁ ‘так, как свойственно прил. младший₁’.

Представленные СТ синтаксических дериватов пользуются продуктивностью как среди конверсивной лексики, так и в словообразовательной системе русского языка за исключением десубстантивных адвербиальных ЛК.

Отражённые ЛК **соединительного СТ** (74 ЛК; 3%), обслуживающиеся сферой синтаксической деривации, не меняя семантики производящей базы, образуют 37 полных избыточных СКв, формируя группы:

- **деадъективных и десубстантивных субстантивных ЛК** (4 ЛК; 0,2%) в пределах каждого СКв, общее соединительное СЗ которых реализуется в ЧСЗ явления, указанного в опорной основе, конкретизированного в первой основе сложения, например:

взаимная связь ‘проявляющаяся по отношению друг к другу обоюдная зависимость, обусловленность’ – *взаимная связь* □ *взаимосвязь* ‘взаимная связь между кем-, чем либо’ – *взаимосвязь*;

- **деадъективных и девербативных глагольных ЛК** (2 ЛК; 0,1%), общее соединительное СЗ которых реализуется в ЧСЗ отвлечённого действия, указанного в опорной основе, конкретизированного в первой основе сложения, например:

*разный*₁ ‘неодинаковый, непохожий; несходный в чём-либо’; *мыслить*₁ ‘думать, размышлять о ком-, чём-либо’ – *разный*₁; *мыслить*₁ □ *разномыслить* ‘по-разному мыслить с кем-либо’ – *разномыслить*;

Таблица 3.

Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК								
	Производные ЛК								
	Отражённые ЛК								
	ЛК, обслуживающиеся сферой лексической деривации								
	Однокоренные ЛК						Неоднокоренные ЛК		
	Автоконверсивы			Разные ЛК					
	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные. СТ	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	148	100	28	76	64	0	72	14	0
Глагольные ЛК	16	20	0	8	0	0	10	0	0
Адъективные ЛК	6	2	12	0	0	0	0	0	0
Адвербиальные ЛК	14	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего:	184	122	40	84	64	0	82	14	0
	346			148			96		
	494						96		
Итого:	590								

Таблица 4.

Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантические типы ЛК					
	Отражённые ЛК		Неотражённые ЛК		Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК	
	полный избыточный СКв	полный избыточный СКв	полный избыточный СКв	полный избыточный СКв	неполный избыточный СКв	неполный избыточный СКв
Субстантивные ЛК	277	16	342	23	81	1
Глагольные ЛК	35	1	159	0	33	0
Адъективные ЛК	20	40	32	2	0	0
Адвербиальные ЛК	58	0	32	0	0	0
Всего:	390	57	565	25	114	1
	447		590		115	
Итого:	1152					

- **деадъективных и десубстантивных адъективных ЛК** (68 ЛК; 2,7%), общее соединительное СЗ которых реализуется в ЧСЗ признака, относящегося к тому или характеризующегося тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения, например:

тёзка по имени ‘человек, носящий одинаковое с кем-либо’ – *тёзка* по имени □ *тезоименитый* ‘такой, который является тёзкой по имени’ (устар.) – *тезоименитый* (устар.).

Среди адвербиальных синтаксических дериватов композитов с обратной семантикой нами не выявлено. Из представленных выше транспозиционных СТ высокопродуктивны СТ деадъективных и десубстантивных субстантивных и адъективных ЛК. СТ глагольных композитов непродуктивны.

Обобщённые статистические данные по неотражённым ЛК, являющихся синтаксическими дериватами, представлены в таблице 5 «Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживаемых сферой синтаксической деривации в русском языке» (см. таблицу 5 на с. 102); таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

2.2.1.2. Неотражённые конверсивы

Неотражённые ЛК, демонстрирующие неотражённый вид конверсии в лексико-семантической системе русского языка, в отличие от отражённых ЛК не воспроизводят смысловые отношения производящей базы, а самостоятельно приобретают их в процессе деривации, актуализируя общие семы в смысловой структуре.

Производящими единицами неотражённых ЛК выступают либо слова одной ЧР, не имеющие соотносительные ЛСВ, либо слова разных ЧР, по определению не способные вступать в конверсивные отношения. Установить смысловую общность производящей базы при отражённой конверсии достаточно трудно, однако результаты исследований иных неотражённых языковых единиц даёт нам основание предположить, что производящие единицы неотражённых ЛК, аналогично неотражённым синонимам и антонимам, принадлежат одному функционально-семантическому полю [136; 172].

По нашим данным, неотражённые ЛК представлены в языке в количестве 1180 ЛК, формирующих 590 полных СКв и составляющих 46,3% от общего числа конверсивной лексики. Данный показатель превышает количество отражённых ЛК на 11,2%.

Неотражённые ЛК обслуживаются сферами **лексической** и **синтаксической деривации**.

Неотражённые ЛК, являющиеся **лексическими дериватами** (1 136 ЛК; 44,6%), репрезентируют модификационный, мутационный и соединительный СТ.

Неотражённые ЛК **модификационного СТ** (629 ЛК; 24,7%) формируют 421 СКв различного типа (полного избыточного и полного избыточного) совместно с дериватами иных СТ, образуя группы:

- **десубстантивных субстантивных ЛК** (275 ЛК, 10,8%) с общим СЗ носителя предметного признака, реализующимся в ЧСЗ женскости; совместности; степени родства, например:

попечитель ‘тот, кто опекает₁ кого-либо’; иждивение ‘полное содержание, обеспечивающее средствами к существованию; материальное попечение’ □ *попечительница*, ж. к сущ. попечитель – *иждивенец* ‘тот, кто находится на иждивении у кого-либо’;

- **девербативных глагольных ЛК** (274 ЛК; 10,8%) с общим СЗ процессуального признака и ЧСЗ собственно возвратного и взаимно-возвратного действия; очередности, совместности, согласованности, результативности, неопредельности действия; соединения или поражения, например:

воевать 1) ‘вести войну против кого-, чего-либо; принимать участие в войне, сражаться’; 2) ‘стараться справиться, одолеть или отстоять кого-, что-либо, затрачивая много труда; покорить’; покорить 1) ‘насильственно подчинить своей власти’; 2) ‘подчинить своей воле, своему влиянию; добиться признания’ □ *завоевать* 1) ‘покорить вооруженной силой, овладеть чем-либо’; 2) ‘привлечь

Таблица 5.

Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживаемых сферой синтаксической деривации в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК					
	Производные ЛК					
	Отражённые ЛК					
	ЛК, обслуживаемые сферой синтаксической деривации					
	Однокоренные ЛК				Неоднокоренные ЛК	
	Автоконверсивы		Разные ЛК			
	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	78	4	0	0	2	0
Глагольные ЛК	16	2	0	0	0	0
Адъективные ЛК	32	68	0	0	0	0
Адвербиальные ЛК	100	0	0	0	2	0
Всего:	226	74	0	0	4	0
	300		0			
	300				4	
Итого:	304					

на свою сторону, расположить к себе' – покориться 1) 'подчиниться чьей-либо власти, изъявляя покорность завоевателям, властителям'; 2) 'отказаться от сопротивления кому-, чему-либо; согласиться действовать, поступать сообразно воле, желанию кого-либо';

- **деадъективных адъективных ЛК** (38 ЛК; 1,5%) с общим СЗ непроцессуального признака, ЧСЗ которых сводится к значениям совместности и градации, например:

дешёвый₁ 'имеющий низкую цену, стоящий небольших денег'; дорогой₁ 'имеющий высокую цену, стоящий больших денег' □ дешевле, форма прост. сравн. степ. прил. дешёвый₁ – дороже, форма прост. сравн. степ. прил. дорогой₁;

- **деадвербиальных адвербиальных ЛК** (42 ЛК; 1,6%) с общим СЗ непроцессуального признака, реализующимся в ЧСЗ градации, например:

быстро₁ 'так, как двигаются с большой скоростью'; медленно₁ 'так, как двигаются с малой скоростью; небыстро' □ быстрее, форма прост. сравн. степ. нареч. быстро₁ – медленнее, форма прост. сравн. степ. нареч. медленно₁.

Представленные СТ продуктивны в современном русском языке.

Неотражённые ЛК **мутационного СТ** (481 ЛК; 18,9%) формируют 344 СКВ различного типа (полного неизбыточного и полного избыточного) совместно с дериватами иных СТ, образуя группы:

- **девербативных** (304 ЛК; 12%), **десубстантивных** (75 ЛК; 3%) и **деадъективных субстантивных ЛК** (53 ЛК, 2,1%) с общим СЗ носителя признака, реализующимся в ЧСЗ субъекта, объекта или результата действия; совместности; лица, имеющего отношение к тому или характеризующегося тем, что указано в производящей основе, например:

абонировать₁ 'приобрести – приобретать право пользования чем-либо в течение определённого срока' (устар.); оперировать₁ 'пользоваться в своей деятельности какими-либо инструментами, данными' □ абонент₁ 'пользователь, оплачивающий услуги по предоставлению доступа к каналам средств коммуникации и связи;

тот, кто пользуется такими услугами’ – *оператор*₁ ‘компания, предоставляющая услуги сотовой связи для своих абонентов’;

- **десубстантивных** (14 ЛК; 0,5%), **деадъективных** (14 ЛК; 0,5%), **девербативных** (12 ЛК; 0,5%) и **деадвербиальных глагольных ЛК** (1 ЛК; 0,1%) с общим СЗ процессуального признака и ЧСЗ лишения; наделения; обладания; превосходства; длительности; предельности действия; доведения до действия, указанного в производящей основе; действия по его отношению к предмету, указанному в производящей основе, например:

сидеть₁ ‘находясь в таком положении, заниматься каким-л. делом, исполнять какие-либо (обычно должностные) обязанности’; вылупить ‘широко раскрыть глаза; вытаращить’ □ *высидеть*₁ ‘сидя на яйцах, вывести птенцов’ – *вылупиться*₁ ‘выйти из яйца (о птицах, пресмыкающихся)’;

- **десубстантивных** (2 ЛК; 0,1%), **девербативных адъективных ЛК** (4 ЛК; 0,1%) и **адъективных ЛК, мотивированных именами числительными** (2 ЛК; 0,1%) с общим СЗ непроцессуального признака, ЧСЗ которых сводится к установлению метафорического отношения между производной и производящей основами, например:

даль₁ ‘далеко расположенное, отдалённое место’; даль₁ □ *дальный*₁ ‘восходящий к общему предку не ближе чем в третьем поколении’ – *дальный*₁.

Представленные СТ субстантивных и глагольных ЛК продуктивны в современном русском языке за исключением глагольных ЛК, мотивированных наречием. Неотражённые адъективные ЛК мутационного СТ также образуются по продуктивным словообразовательным моделям, однако словообразовательная метафора сужает семантическую соотносительность основ мотиватора и деривата. Адвербиальных ЛК мутационного СТ нами не обнаружено.

Неотражённые ЛК **соединительного СТ**, возникшие в результате лексической деривации (26 ЛК; 1%), формируют 24 полных избыточных СКв совместно с дериватами одного или разных СТ, образуя группы:

- **девербативных, десубстантивных и деадъективных субстантивных ЛК** (22 ЛК; 0,9%), выражающих общее соединительное СЗ, реализующееся в ЧСЗ лица, производящего действие или относящегося к предмету, которые указаны в опорной основе и конкретизированы в первой основе сложения, например:

дать₁ работу₁ ‘предоставить кому-либо занятие как источник заработка’; работать₁ ‘иметь где-либо какое-либо постоянное занятие’ □ работодатель ‘тот, кто даёт₁ работу₁’ – работник ‘тот, кто работает₁’;

- **десубстантивных адъективных ЛК и адъективных ЛК, мотивированных именами числительными** (4 ЛК; 0,1%), ЧСЗ которых сводится к наименованию признака, относящегося к тому или характеризующегося тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения, например:

двое ‘два’, род₁ ‘ряд поколений, происходящих от одного предка’; двое, род₁ □ двоюродный ‘находящийся в родстве по деду или бабушке с детьми их сыновей или дочерей’ – двоюродный.

Соединительные СТ композитивных ЛК, обслуживающихся сферой лексической деривации, достаточно продуктивны в современном русском языке.

Обобщённые статистические данные по неотражённым ЛК, являющихся лексическими дериватами, представлены в таблице 6 «Репрезентация неотражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке» (см. таблицу 6 на с. 107); таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

Неотражённые ЛК, являющиеся **синтаксическими дериватами** (44 ЛК; 1,7%), значительно уступают неотражённым ЛК, обслуживающимся лексической деривации (1 136 ЛК; 44,6%), репрезентируют только транспозиционный СТ.

Неотражённые ЛК **транспозиционного СТ** (44 ЛК; 1,7%) формируют 23 полных избыточных СКв совместно с дериватами иных СТ, образуя группы:

- **десубстантивных глагольных ЛК** (4 ЛК; 0,2%) с общим СЗ процессуального признака, например:

смех₁ ‘прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдохательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.’; смех₁ □ смеяться, глаг. к сущ. смех₁ – *смешить* ‘вызывать смех₁ у кого-либо’;

- **десубстантивных адъективных ЛК** (18 ЛК; 0,6%) с относительной признаковой семантикой, осложнённой модификационным значением совместности, близости или смежности, например:

звук 1) ‘наименьший структурный элемент, обладающий определённой высотой, громкостью, длительностью, тембром’; 2) ‘отдельный простой элемент произносимого слова, звучащей речи’; звук_{1,2} □ созвучный 1) ‘такой который характеризуется общим музыкальным звучанием’; 2) ‘такой, который характеризуется общим речевым звучанием’ – созвучный_{1,2};

- **деадъективных** (14 ЛК; 0,5%), **девербативных** (4 ЛК; 0,2%), **десубстантивных адвербиальных ЛК** (2 ЛК; 0,1%) и **адвербиальных ЛК, мотивированных именами числительными** (2 ЛК; 0,1%) с общим СЗ непроцессуального признака и ЧСЗ «там, где свойственно тому, что названо производящей основой» или «так, как свойственно тому, что названо производящей основой», например:

правый₁ ‘расположенный в той стороне, которая противоположна левой’; левый₁ ‘расположенный со стороны той руки, которая ближе к сердцу’ □ справа, нареч. к прил. правый₁ – слева, нареч. к прил. левый₁.

Данные ЛК образуются по продуктивным словообразовательным моделям русского языка.

Синтаксическая сфера деривации, как показали наши наблюдения, не характерна для неотражённых субстантивных ЛК по той причине, что транспозиционные дериваты, попадая в несвойственную им субстантивную форму, оказываются функционально неспособными выразить субъектно-объектные отношения в конвертируемых предложениях. Например, лексическая пара *покупка*, сущ. к глаг. *покупать*

Таблица 6.

Репрезентация неотражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК								
	Производные ЛК								
	Неотражённые ЛК								
	ЛК, обслуживающиеся сферой лексической деривации								
	Однокоренные ЛК						Неоднокоренные ЛК		
	Автоконверсивы ЛК			Разные ЛК					
	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные. СТ	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ	Модификационные. СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	60	70	0	165	293	18	50	69	4
Глагольные ЛК	242	4	0	7	23	0	25	14	0
Адъективные ЛК	2	8	4	0	0	0	36	0	0
Адвербиальные ЛК	0	0	0	0	0	0	42	0	0
Всего:	304	82	4	172	316	18	153	83	4
	390			506			240		
	896								
Итого:	1136								

‘приобретать за деньги’ – *продажа*, сущ. к глаг. продать ‘отдать за деньги’, образованная от языковой пары покупать₁; продать₁, по нашему мнению, не образует конверсивной пары, несмотря на наличие соотносительных ЛСВ в смысловой структуре, поскольку позиция, как минимум, двухместного (субъектно-объектного) предиката для данных дериватов, ключевая для ЛК [6, 262; 7, 507], невозможна. Подобное явление современные исследователи метафорически именуют «платой за деривацию», т. е. следствием изменения категориальной семантики слова [166].

Обобщённые статистические данные по неотражённым ЛК, являющихся синтаксическими дериватами, представлены в таблице 7 «Репрезентация неотражённых конверсивов, обслуживаемых сферой синтаксической деривации в русском языке» (см. таблицу 7 на с. 109); таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

2.2.2. Производные конверсивы, вступающие в смысловые отношения с непроизводными конверсивами

Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК, не способны отразить или самостоятельно приобрести смысловые отношения производящей базы в процессе деривации ввиду непроизводности одного из участников КП, однако производный ЛК, наследуя семантическую общность производящей основы, соотносит её с одним или несколькими ЛСВ непроизводного коррелята, в результате чего в языке образуется конверсивная оппозиция.

Данные ЛК в настоящем диссертационном исследовании представлены 115 (4,5%) субстантивными (82 ЛК; 3,2%) и глагольными (33 ЛК; 1,3%) ЛК, обслуживаемыми **лексической и синтаксической сферами деривации** и формирующими 115 неполных СКв совместно с непроизводными ЛК.

Лексические дериваты, вступающие в обратные отношения с непроизводными языковыми единицами (112 ЛК; 4,4%), являются репрезентантами модификационного, мутационного и соединительного СТ.

Таблица 7.

Репрезентация неотражённых конверсоров, обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК					
	Производные ЛК					
	Неотражённые ЛК					
	ЛК, обслуживающиеся сферой синтаксической деривации					
	Однокоренные ЛК				Неоднокоренные ЛК	
	Автоконверсивы		Разные ЛК			
	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	0	0	0	0	0	0
Глагольные ЛК	0	0	3	0	1	0
Адъективные ЛК	18	0	0	0	0	0
Адвербиальные ЛК	22	0	0	0	0	0
Всего:	40	0	2	0	1	
	40		3		1	
	43					
Итого:	44					

Лексические дериваты **модификационного СТ** (62 ЛК; 2,4%) образуют 112 неполных избыточных СКв, формируя группы:

- **десубстантивных субстантивных ЛК** (40 ЛК; 1,6%) с общим СЗ носителя признака и ЧСЗ женскости; подчинения; собирательности, например:

-; потомок₁ 'младший родственник по отцовской или материнской нисходящей линии' □ *предок*₁ 'старший родственник по отцовской или материнской восходящей линии' – *потомство*₁ 'потомки₁';

- **девербативных глагольных ЛК** (22 ЛК; 0,8%) с общим СЗ процессуального признака и ЧСЗ превосходства; передачи; удаления; уничтожения; воздействия; не-предельности; страдательности; однократности, например:

-; гнать₁ 'быстро двигаться; мчаться, нестись' (разг.) □ *отстать* 'двигаясь медленнее других, остаться позади'; 2) 'в результате замедленного развития оказаться ниже или хуже других по своему уровню' – *перегнать* 1) 'двигаясь быстрее, опередить; обогнать'; 2) 'оказаться впереди кого-, чего-либо в каком-либо отношении; опередить, превзойти, достичь больших успехов'.

Лексические дериваты модификационного СТ достаточно продуктивны в русском языке.

Лексические дериваты **мутационного СТ** (49 ЛК; 1,9%) образуют 49 неполных избыточных СКв, формируя группы:

- **девербативных** (34 ЛК; 1,3%), **десубстантивных** (5 ЛК; 0,2%), **деадъективных субстантивных ЛК** (2 ЛК; 0,1%) с общим СЗ носителя признака и ЧСЗ субъекта, объекта, результата действия или отношения предмета к действию, например:

-; наградить₁ 'дать награду кому-либо' □ *кавалер*₁ 'лицо, награждённое каким-либо орденом' – *награда*₁ 'почётный знак, орден, медаль и т. п.';

- **десубстантивных** (7 ЛК; 0,2%) и **девербативных глагольных ЛК** (1 ЛК; 0,1%) с общим СЗ процессуального признака и ЧСЗ помещения; дачи; превосходства; состава, например:

–; рука₁ ‘каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев’ □ *получить*₁ ‘взять то, что дают в руки₁’ – *вручить*₁ ‘дать что-либо в руки₁’;

Девербативные и деадъективные субстантивные ЛК репрезентируют продуктивные СТ в современном русском языке. Десубстантивные субстантивы менее продуктивны.

Десубстантивные и девербативные глагольные ЛК репрезентируют частично продуктивные СТ.

Лексический дериват **соединительного СТ** (1 ЛК; 0,1%) *кукловод*, мотивированный глагольно-субстантивным подчинительным словосочетанием *водить куклу*, образует 1 неполный избыточный СКв, выражая ЧСЗ лица, производящего действие, указанное в опорной основе, конкретизированное в первой основе сложения:

–; *водить куклу* ‘двигать, перемещая из стороны в сторону фигуру человека или животного, сделанную из какого-либо материала, как действующее лицо специальных театральных представлений’ □ *марионетка* 1) ‘театральная кукла, приводимая в движение актёром-кукловодом при помощи нитей, металлических прутьев или деревянных палочек’; 2) ‘тот, кто слепо подчиняется чужой воле, является послушным орудием в чьих-либо руках’ – *кукловод* 1) ‘тот, кто водит куклу; актёр кукольного театра’; 2) ‘тот, кто руководит чьими-либо действиями’.

Данный ЛК репрезентируют продуктивный соединительный СТ, осложнённый мутационным значением субъекта действия.

Обобщённые статистические сведения по лексическим дериватам, вступающим в обратные отношения с непроизводными ЛК, представлены в таблице 8 «Репрезентация производных конверсиров, вступающих в смысловые отношения с непроизводными конверсивами и обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке» (см. таблицу 8 на с. 114); таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

Синтаксические дериваты, вступающие в обратные отношения с производными языковыми единицами (3 ЛК; 0,1%), являются репрезентантами транспозиционного СТ.

Синтаксические дериваты **транспозиционного СТ** (3 ЛК; 0,1%) образуют 3 неполных избыточных СКв, формируя группу **десубстантивных глагольных ЛК** (3 ЛК; 0,1%), семантически соответствующих своим производящим единицам, например:

–; победа 1) ‘успех в бою, в войне, полное поражение войск противника’; 2) ‘успех в соревновании, состязании и т. п.’; 3) ‘успех в борьбе за что-либо, достижение в результате борьбы, преодоления чего-либо’ □ *уступить* ‘перестать сопротивляться, признать над собой чей-либо верх, перевес, превосходство в бою, соревновании или борьбе’ – *победить* ‘одержать победу_{1,2,3}’.

Обобщённые статистические сведения по синтаксическим дериватам, вступающим в обратные отношения с производными ЛК, представлены в таблице 9 «Репрезентация производных конверсоров, вступающих в смысловые отношения с производными конверсивами и обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке» (см. таблицу 9 на с. 115); таблице 4 «Типология словообразовательных квадратов, формируемых лексическими конверсивами в русском языке» (см. таблицу 4 на с. 99).

Производные ЛК, выраженные основными ЧР в русском языке в количестве 2 189 языковых единиц, репрезентируют непрямой вид лексико-семантической конверсии в современном русском языке. Анализ процентного соотношения структурно-семантических типов ЛК, схематически представленного на рисунке 12 «Процентное соотношение структурно-семантических типов лексических конверсоров в русском языке» (см. рисунок 12 на с. 116), позволяет определить, что большинство дериватов (2 074; 81,5%) образуют КП путём семантического взаимодействия ЛК, обладающих словообразовательной структурой.

Отражённые ЛК (894 ЛК; 35,1%), обслуживающиеся лексической и синтаксической сферами деривации и формирующие 447 полных СКв различных типов, в

количественном отношении в 1,3 раза уступают неотражённой конверсивной лексике, обладающей разнообразными инструментами словообразовательной производности и богатым деривационным потенциалом.

Неотражённые ЛК (1 180 ЛК; 46,3%) обслуживаются лексической и синтаксической деривацией и формируют 590 полных СКв. 115 производных субстантивных и глагольных ЛК (4,5%) вступают в смысловые отношения с непроизводными ЛК, образуя 115 неполных СКв в силу непроизводности одного из участников КП.

2.3. Проблемы лексикографической репрезентации конверсивов

Лексикографическое описание ЛК русского языка является одним из актуальных вопросов отечественной лексикографии, поскольку в современном языкознании данные языковые единицы не нашли лексикографической репрезентации, способной вскрыть генезис обратных отношений в языке.

Разумеется, вышеобозначенный факт, в первую очередь, объясняется отсутствием комплексной теории конверсологии и единого взгляда на природу конверсивных отношений в научной среде. Смеем предположить, что результаты нашего диссертационного исследования явятся первым шагом на пути к решению данных проблем.

Анализ доступных нам современных словарных материалов, так или иначе отражающих конверсивную лексику русского языка (см. «Список источников» на с. 180), позволяет сделать вывод, что основные проблемы лексикографирования ЛК связаны с разработкой системы помет в словаре, содержательных компонентов словарной статьи и порядка расположения словарного материала.

2.3.1. Проблемы разработки системы помет в авторском «Словаре конверсивов русского языка»

Словарная помета имеет одну из ключевых позиций в лексикографировании ЛК, поскольку призвана раскрыть, уточнить, дополнить значение описываемой языковой единицы. Как известно, каждый лексикограф использует ту систему помет, которая отвечает его концепции словаря.

Таблица 8.

Репрезентация производных конверсивов, вступающих в смысловые отношения с непроизводными конверсивами и обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК					
	Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК					
	ЛК, обслуживаемые сферой лексической деривации					
	Однокоренные ЛК			Неоднокоренные ЛК		
	Модификационные СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ	Модификационные СТ	Мутационные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	16	5	0	24	36	1
Глагольные ЛК	1	0	0	21	8	0
	17	5	0	45	44	1
Всего:	22			90		
Итого:	112					

Таблица 9

Репрезентация производных конверсивов, вступающих в смысловые отношения с непроизводными конверсивами и обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке.

Лексико-грамматические типы ЛК	Структурно-семантический тип ЛК			
	Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК			
	ЛК, обслуживающиеся сферой синтаксической деривации			
	Однокоренные ЛК		Неоднокоренные ЛК	
	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ	Транспозиционные СТ	Соединительные СТ
Субстантивные ЛК	0	0	0	0
Глагольные ЛК	0	0	3	0
	0	0	3	0
Всего:	0		3	
Итого:	3			

Рисунок 12. Процентное соотношение структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке.

Система словарных помет в «Словаре конверсивов русского языка», разрабатываемом нами, выводится из следующего определения: словарные пометы – специальные указания («ремарки»), используемые в тексте словарной статьи для дополнения и уточнения лексического, грамматического или словообразовательного значения слова (в зависимости от типа словаря). Толково-словообразовательный тип словаря диктует необходимость использования помет трёх основных типов: 1) пометы, уточняющие семантику ЛК; 2) пометы, уточняющие грамматическое значение (далее ГЗ) ЛК; 3) пометы, дополняющие СЗ ЛК.

Пометы, уточняющие семантику ЛК, предполагают наличие стилистических помет.

Стилистические пометы «призваны дать говорящему ключ к коммуникативно (прагматически) правильному употреблению соответствующей лексемы (возможные сферы и ситуации её использования)» [63, 246]. В предполагаемом нами словаре будут использованы следующие виды стилистических помет: функционально-стилистические, эмоционально-экспрессивные, пометы, соответствующие сфере общения и хронологические пометы, устанавливающие историческую перспективу языка в лексемах.

Функционально-стилистические пометы отражают принадлежность конверсивной лексемы к определённому функциональному стилю: *разг.* (разговорное); *научн.* (научное), например:

СОЖИ'ТЕЛЬ – СОЖИ'ТЕЛЬНИЦА, <...>

Сожи'тель, <...>. *Разг.* 1. Тот, кто является жителем совместно с кем-либо в одной комнате или квартире. 2. То же, что супруг, муж. 3. Мужчина, находящийся во внебрачной половой связи с какой-либо женщиной; любовник.

Сожи'тельница, <...>. *Разг.* Ж. к сущ. *сожитель* (в 1-м, 2-м, 3-м знач.) <...>

АНТО'НИМ – АНТО'НИМ, <...>

Анто'ним, <...>. *Научн., лингв.* Слово, имеющее противоположное значение по отношению к другому слову. <...>

Эмоционально-экспрессивные пометы указывают на «дополнительные оттенки оценочного характера, которые как бы наслаиваются на номинативное значение слова, на предметно-логическую основу его семантики» [Там же, 31], например: *разг.-сниж.* (разговорно-сниженное):

БА'БА – МУЖИ'К, <...>

Ба'ба, <...>. *Разг.-сниж.* 1. Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-либо. 2. То же, что жена.

Мужи'к, <...>. *Разг.-сниж.* 1. Мужчина, находящийся в интимных отношениях с кем-либо. 2. То же, что муж. <...>

Пометы, указывающие на употребление ЛК в определенных сферах общения: *спец.* (специальное), *лингв.* (лингвистическое), *мед.* (медицинское), например:

СИНО'НИМ – СИНО'НИМ, <...>

Сино'ним, <...>. 1. Тождественное понятие. 2. *Научн., лингв.* Слово, имеющее тождественное или близкое значение по отношению к другому слову. 3. *Спец., мед.* Лекарство, содержащее одно и то же вещество по отношению к другому лекарству, но отличающееся от него названием. <...>

Хронологические пометы, устанавливающие историческую перспективу языка в лексемах: *устар.* (устаревшее), например:

СОГЛА'СНИК – СОГЛА'СНИК, <...>

Согла'сник, <...>. *Устар.* 1. Тот, кто согласил свои взгляды, мысли, убеждения с взглядами, мыслями, убеждениями другого человека; единомышленник. 2. Сообщник, сторонник, соучастник. <...>

Важным условием является тот факт, что ЛК в КП должны сопровождаться идентичными стилистическими пометами.

В структуре словарной статьи стилистические пометы выделены курсивом и расположены между зоной грамматической информации и объясняющей частью интерпретационной зоны (см. перечень и порядок зон словарной статьи ниже). Если помета сопровождает полисемантический ЛК, то стилистически маркированным может быть как один ЛСВ ЛК, так и все. Если помета стоит перед порядковым но-

мером значения объясняющей части интерпретационной зоны, то ЛК стилистически маркирован во всех его ЛСВ; если помета помещена после порядкового номера, то ЛК стилистически маркирован только в данном ЛСВ. Отсутствие стилистических помет свидетельствует о нейтральном употреблении ЛК в различных стилях речи.

Пометы, уточняющие ГЗ ЛК, представлены грамматическими пометами, указывающими на частеречную принадлежность ЛК; особенности склонения субстантивных и адъективных ЛК и отдельные характеристики глагольных ЛК: *сущ.* (имя существительное); *глагол.* (глагол); *прил.* (имя прилагательное); *нареч.* (наречие); *нескл.* (несклоняемое); *сов.* (совершенный вид); *несов.* (несовершенный вид); *перех.* (переходный), например:

ЗНАКО́МЫЙ – **ЗНАКО́МЫЙ**, <...>

Знако́мый, *прил.* <...>

Необходимость грамматических помет обусловлена адекватным пониманием лексико-грамматической природы конверсии, заключающейся в том, что ЛК – это, прежде всего, слова и слова одной ЧР. ЛК, образованные конверсией как способом словообразования, в словаре формируют отдельную микроструктуру, а не входят в описание аналогичной языковой единицы, например:

ЗНАКО́МЫЙ – **ЗНАКО́МЫЙ**, <...>

Знако́мый, *сущ.* <...>

ВЫ́ШЕ – **НИ́ЖЕ**, <...>

Вы́ше, *нареч.* <...>

Ни́же, *нареч.* <...>

Грамматические пометы выделены курсивом и предшествуют зоне грамматической информации, а в ряде случаев – заменяют её, например:

РАЗБУДИ́ТЬ – **ПРОСНУ́ТЬСЯ**, <...>

Разбуди́ть, *глагол., сов., перех.* <...>

Просну́ться, *глагол., сов., неперех.* <...>

Пометы, дополняющие СЗ ЛК, представлены семантико-деривационными пометами, указывающими на степень семантического отражения смысловых отно-

шений производящей базы в структуре производных ЛК: *отраж.* (отражённые ЛК); *неотраж.* (неотражённые ЛК), например:

СЖИТЬСЯ – СЖИТЬСЯ, <...>

/// Отраж. <...>

СОУЧЕНИК – СОУЧЕНИК, <...>

/// Неотраж. <...>

Семантико-деривационные пометы выделены курсивом и помещены в инициальной части зоны словообразования.

Кроме перечисленных основных помет, в словаре традиционно используются **акцентологические пометы**, имеющие графическое обозначение (`), и указывающие на нормы произнесения слов в современном русском языке, например:

РАБОТОДАТЕЛЬ – РАБОТНИК, <...>

Односложные слова и слова с буквой ё в соответствии с отечественной лексикографической практикой акцентологической пометой не сопровождаются, например:

УХАЖЁР – УХАЖЁРКА, <...>

Систему помет в словаре ЛК можно представить в виде схемы, изображённой на рисунке 13 «Система помет в «Словаре конверсивов русского языка» (см. рисунок 13 на с. 121).

2.3.2. Проблемы разработки микроструктуры авторского «Словаря конверсивов русского языка»

Общее определение словарной статьи сводится к следующему: «структурная единица словаря или энциклопедии, представляющая собой относительно самостоятельный текст, который включает заглавное слово (словосочетание, выражение, понятие, термин) и его пояснение (определение, толкование, эквиваленты на других языках и пр.); словарная статья отражает микроструктуру словаря» [4, 30].

Микроструктура словаря конверсивов, как нам видится, может быть представлена пятью зонами (блоками): зонами заглавия, словообразования (у производных ЛК), интерпретационной, грамматической и иллюстративной зонами.

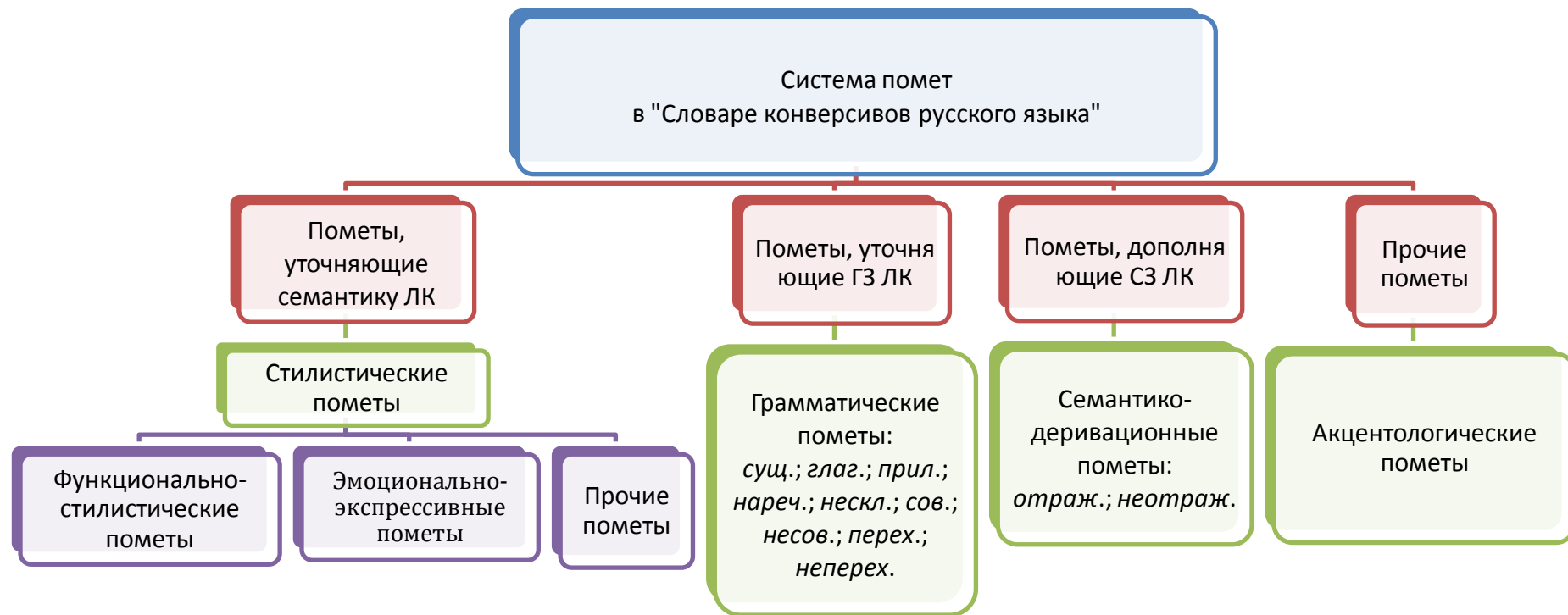

Рисунок 13. Система помет в «Словаре конверсивов русского языка».

Зоны словарной статьи характеризуются специфическими особенностями, соотносящимися с толково-словообразовательным типом словаря ЛК и его назначением репрезентировать конверсивную лексику в современном русском в семантико-деривационном аспекте. В большинстве случаев каждую из зон словарной статьи сопровождают пометы, описанные выше.

Зона заглавия открывает словарную статью и служит для идентификации точных ЛК. Данный блок словаря ЛК целесообразно обозначить парным соединением ЛК (КП), прописанных через тире и выделенных полужирным шрифтом.

ЛК в зоне заглавия объединены на основании:

- общей семы в структуре ЛЗ непрямых ЛК, например:

ВРАЧ – ПАЦИЕНТ

<...>

- общей семы, актуализировавшейся в акте словопроизводства неотражённых ЛК, например:

ДОБЫЧА – ОХОТНИК

<...>

- отражения смысловых отношений производящей базы отражённых ЛК, например:

ПЕРЕРОДНИТЬСЯ – ПЕРЕРОДНИТЬСЯ

<...>

- семы в структуре ЛЗ непрямых ЛК, соотносящейся с семой производных ЛК, актуализировавшейся в процессе деривации, например:

СДАТЬ – СНЯТЬ

<...>

Зону заглавия сопровождают акцентологическая и лексико-семантические пометы (односложные ЛК и ЛК, имеющие букву ё, акцентологической пометы не имеют).

Следует отметить, что порядок следования разных ЛК внутри КП – алфавитный, объяснимый исключительно алфавитно-гнездовым способом расположения

словарного материала и не влияющий на семантические отношения ЛК внутри КП, поскольку смысловые отношения ЛК характеризуются двусторонней импликацией (взаимовыводимостью).

Наличие **зоны словообразования**, раскрывающей словообразовательную структуру слова, объясняется толково-словообразовательным типом словаря. Словообразовательный блок имеется только у производных ЛК, следует после зоны заглавия и вводится в структуру словарной статьи специальными графическими символами (///...\\). Отсутствие зоны словообразования свидетельствует о непроизводности ЛК.

Словообразовательная зона позволяет установить вид ЛК по степени отражения семантики; производящую базу ЛК; основы производящей базы ЛК; основы производных ЛК; формантную часть дериватов; морфонологические явления, сопровождающие аффиксацию; способы словообразования и СТ ЛК.

Структура зоны словообразования определяется следующим порядком:

1) зону словообразования открывает семантико-деривационная помета *отраж.* / *неотраж.*, указывающая на степень семантического отражения смысловых отношений производящей базы в структуре производных ЛК, например:

СЖИ'ТЬСЯ – СЖИ'ТЬСЯ, <...>

/// *Отраж.* <...>

СОСТРАДА'ЛЕЦ – СОСТРАДА'ЛЕЦ, <...>

/// *Неотраж.* <...>

2) после семантико-деривационной пометы следует СКв, записанный в строчку, устанавливающий смысловые отношения производящей базы и производных ЛК и подтверждающий тем самым достоверность семантико-деривационной пометы:

СЖИ'ТЬСЯ – СЖИ'ТЬСЯ, <...>

/// *Отраж.:* жить – жить □ сжиться – сжиться

<...>

СОСТРАДА'ЛЕЦ – СОСТРАДА'ЛЕЦ, <...>

/// *Неотраж.:* сострадать; сострадать □ *сострадалец* – *сострадалец*

<...> \\\

Все производящие ЛК отражённых ЛК включены в словник словаря конверсивов. Соответственно, чтоб убедиться в семантическом отражении отражённых ЛК, *сжитья – сжитья*, представленных в СКв *жить – жить* □ *сжитья – сжитья*, достаточно найти словарную статью, описывающей ЛК *жить – жить*, расположенные перед графическим обозначением СКв.

При установлении словообразовательной структуры производных ЛК в основном используются приёмы, предложенные отечественными лексикографами, имеющими опыт составления словообразовательных, толково-словообразовательных и семантико-деривационных словарей (А. Н. Тихонов, И. А. Ширшов, А. В. Петров, см. «Список источников» на с. 180):

1) раскрытие словообразовательной структуры производных ЛК устанавливается посредством анализа СП, состоящей из производного ЛК и его производящей единицы, отделяемой от производного знаком, указывающим направление словообразовательной мотивации от производящего к производному (←);

2) между мотиватором и словообразовательными аффиксами ставится знак (+), при этом сам аффикс заключается в круглые скобки, а для обозначения словообразовательных аффиксов используются стандартные лингвистические обозначения: префикс (pr); суффикс (s); постфикс (pt);

3) для обозначения нулевого суффикса используется знак пустого множества (-∅-);

4) словообразовательный аффикс в структуре производного ЛК отделяется одним (-..) или двумя дефисами (-..-) и прописывается полужирным шрифтом;

5) значимые для словообразования производящие и производные основы подчеркиваются одной чертой (_____);

б) морфонологические явления, сопровождающие аффиксацию, имеют различное обозначения: чередование фонем заключаются в угловые скобки, внутри которых указывается через две косых черты (< .. // .. >); интерфикс в структуре просто-

го производного ЛК отделяется одной косой чертой (/) от суффикса; интерфикс в структуре композита отделяется двумя косыми чертами от частей композита (/.. /);

7) для обозначения мягкости согласных, находящихся перед звуком [j], используется знак апострофа (');

8) если зону заглавия представляют автоконверсивы, то устанавливается словообразовательная структура одного ЛК; если разные ЛК – то каждого ЛК.

9) способ словообразования и СТ ЛК устанавливается исходя из основы производящей части речи и её словообразовательного аффикса, например:

ПРА'ДЕД – ПРА'ВНУЧКА, <...>

/// <...>

пра-дед ← pr (пра-) + дед

правнуч-к-а ← правнук + s (-к-); < к // ч > /// <...>

Словообразовательную зону словарной статьи необходимо читать следующим образом: «ЛК *прадед*, образованный префиксальным способом, является репрезентантом модификационного десубстантивного СТ pr (пра-) + Sub со значением лица, названного основой производящего имени существительного, имеющего степень родства. ЛК *внучка*, образованный суффиксальным способом, является репрезентантом модификационного десубстантивного СТ Sub + s (-к-) со значением женскости, имеющего радикальное чередование фонем».

Интерпретационная зона вскрывает семантику ЛК и располагается после зоны словообразования. Данная зона предполагает наличие двух частей: объясняемой и объясняющей.

Объясняемая зона представлена вокабулой – лексемой, являющийся ЛК, – и выделена полужирным шрифтом. Каждая вокабула сопровождается акцентологической (за исключением односложных слов и слов, содержащих букву ё), грамматической пометой, обозначающей частеречную принадлежность ЛК, и при необходимости – стилистической пометой (если вокабула сопровождается стилистической пометой, то помета отделена от вокабулы зоной грамматической информации).

Между объясняемой и объясняющей частями интерпретационной зоны располагается зона грамматической информации.

Объясняющая часть интерпретационной зоны представляет собой собственно толкование ЛК. В силу того, что языковые единицы вступают в конверсивные отношения не ЛЗ, а отдельными ЛСВ, в зоне толкования представлены лишь те значения, которые способны выражать обратные отношения в структуре конвертируемых предложений, например:

ВРУЧИТЬ – **ПРИНЯТЬ**, <...>

Вручи́ть, <...> 1. Отдать что-либо из рук в руки кому-либо непосредственно, лично. 2. Передать что-либо в собственность, в свое распоряжение; дать. 3. *Перен.* Поручить, вверить.

Приня́ть, <...> 1. Получить что-либо из рук в руки от кого-либо непосредственно, лично. 2. Получить что-либо в собственность, в свое распоряжение; взять. 3. Получить, взять в своё ведение или под свою ответственность. <...>

Непроизводные и производные ЛК описываются по-разному. При описании непроизводных ЛК используются немотивационные описательный и описательно-синонимический способы, характеризующие основные понятия, заложенные в ЛСВ ЛК, и перечисляющий семантически близкие понятия (см. пример выше *вручить* – *принять*, где *принять* – непроизводный ЛК).

Производные ЛК описываются немотивационным описательным и синонимическим и мотивационными отсылочным, описательным и описательно-синонимическим способами. Способ толкования ЛК соотносится с типом выражаемого СЗ.

Так, лексические дериваты с модификационным СЗ описываются мотивационным отсылочным способом, поскольку «дериваты этого типа получают лишь некоторое дополнительное значение по сравнению со своими производящими, поэтому их значения достаточно прозрачны <...>. Формантная часть значения называет модификационный признак, а мотивирующая часть отсылает к слову, значение которого модифицируется» [110, 51], например:

РАСКУПИ́ТЬ – РАСПРОДА́ТЬ, <...>

/// <...>

рас-купить ← рг (рас-) + купи(ть)

рас-продать ← рг (рас-) + прода(ть) \\\

Раскупи́ть, <...>. Купить одно за другим, по частям всё.

Распрода́ть, <...>. Продать одно за другим, по частям всё. <...>

Лексические дериваты с мутационным СЗ, привносящим в производный ЛК дополнительный смысловой компонент и тем самым делающим его отличным от производящей языковой единицы, описываются мотивационным описательным и описательно-синонимическим способами, т. к. формантная часть значения обогащает значение производящего слова, а мотивирующая часть включается в толкование производного, например:

ВОСПИ́ТАННИК – ВОСПИТА́ТЕЛЬ, <...>

/// <...>

Воспитан-ник ← воспитан(ный) + s (-ник); < н // н' >

Воспита-тель ← воспита(ть) + s (-тель) \\\

Воспи́танник, <...>. Тот, кто воспитан, выучен кем-либо.

Воспита́тель, <...>. Тот, кто воспитал или воспитывает, учит кого-либо. <...>

Лексические дериваты с мутационным СЗ, коренным образом меняющим значение производящей единицы, описываются немотивационным описательным или синонимическим способом, поскольку производный ЛК в ряде подобных случаев отражает ту семантику производящего, которая на современном этапе развития русского языка неактуальна, например:

СОСТРАДА́ЛЕЦ – СОСТРАДА́ЛЕЦ, <...>

/// <...>

Сострадал/-ец ← сострада(ть) + s (-ец) \\\

Сострада́лец, <...>. Тот, кто страдает вместе с кем-либо. <...>

Синтаксические дериваты описываются мотивационным отсылочным способом, при котором «формантная часть значения называет отвлечённое действие,

свойство, признак, отношение, а в мотивирующей части указывается слово, к которому делается отсылка» [Там же, 50-51], например:

УНИСО'ННО – УНИСО'ННО, <...>

/// <...>

унисонн-о ← унисонн(ый) + s (-о) \\\

Унисо'нно, <...>. Так, как свойственно прил. *унисонный*. <...>

Отличительной особенностью толкования производных ЛК (за исключением глагольных ЛК) является использование словообразовательных перифраз – «своего рода формул словообразовательного (деривационного) толкования» [105, 31], – позволяющих «установить саму производность толкуемого слова, производящее слово и направленность производности, <...> формант, а следовательно, и способ образования; по семантическому соотношению – словообразовательное значение, а в итоге – и словообразовательный тип» [Там же, 32]: *тот, кто; такой, который; тот, которого; так, как*.

Если в зоне заглавия представлены отражённые ЛК, то значение производящего ЛК можно установить из соответствующей словарной статьи; если неотражённые – то, значения производящих лексем, так или иначе повлиявших на формирование семантики неотражённых ЛК, устанавливаются в отдельном разделе словаря, содержащем толкование производящих языковых единиц неотражённых ЛК.

Зона грамматической информации расположена после грамматической пометы вокабулы, между объясняющей и объяснимой частями интерпретационной зоны. Основная функция грамматической зоны – предоставить грамматические сведения ЛК, влияющие на формирование языковой компетенции читателя и подчеркивающие тот факт, что конверсия как категория русского языка находится в «межуровневом языковом пространстве – на стыке синтаксиса и лексической семантики» [56, 49].

Так, субстантивные ЛК в зоне заглавия и вокабуле приводятся в форме именительного падежа единственного числа, однако вокабула сопровождается указанием формы родительного падежа и рода, например:

УЧИ'ТЕЛЬ – УЧЕНИ'ЦА, <...>

Учи'тель, <...>, -я; м. <...>

Учени'ца, <...>, -ы; ж. <...>

Неизменяемые субстантивные ЛК имеют грамматическую помету *нескл.*, например:

ВИЗАВИ' – ВИЗАВИ', <...>

Визави', <...>, *нескл.*, м. и ж. <...>

Адъективные ЛК в зоне заглавия и вокабуле подаются в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, но вокабула сопровождается флексиями именительного падежа женского и среднего рода, например:

КРЁСТНЫЙ – КРЁСТНЫЙ, <...>

Крёстный, <...>, -ая, -ое. <...>

Глагольные ЛК в зоне заглавия и вокабуле представлены формой инфинитива, вокабула при этом сопровождается грамматическими пометами с указанием на вид и переходность глагола, например:

ЗАВЕЩА'ТЬ – НАСЛЕ'ДОВАТЬ, <...>

Завеща'ть, <...>, *несов.* и *сов.*, *перех.* <...>

Насле'довать, <...>, *несов.* и *сов.*, *перех.* <...>

Адвербиальные ЛК не имеют зоны грамматической информации, поэтому вокабула сопровождается только грамматической пометой, указывающей на частеречную принадлежность ЛК, например:

ТЕТ-А-ТЕ'Т – ТЕТ-А-ТЕ'Т, <...>

Тет-а-те'т, *нареч.* <...>

Иллюстративная зона занимает финальную позицию словарной статьи и представляет собой частично или полностью сконструированный автором конверсный бином на базе цитаты, представленной в основном или газетном корпусах Национального корпуса русского языка [114; 115]. Если цитата представляет собой предложение, обладающее категорией конвертируемости, то она будет являться исходным предложением, и автор в этом случае конструирует лишь предложение-

трансформ согласно правилам, указанным ниже. Если цитируемое предложение не обладает категорией конвертируемости, то за основу берётся речевая ситуация, представленная в высказывании (денотат), трансформируется автором посредством синонимического преобразования в предложение, способное выражать субъектно-объектные отношения, после чего сконструированное рабочее предложение трансформируется в конвертируемое посредством конверсного преобразования.

В целом приёмы конструирования конверсного биннома опираются на общее правило конверсного преобразования, предложенного А. М. Гильбурдом [38, 99-100] и откорректированное нами в связи уточнением языковой природы конверсии как лексико-семантической категории: два предложения состоят в конверсных отношениях и ЛК в них соотносительны, если ЛК (в нашем понимании) в обоих предложениях занимают позицию реляционных предикатов, выраженных словами или грамматическими формами слова, а их актанты способны менять позицию друг друга без семантического ущерба предложений.

Данное правило конверсного преобразования конкретизируется рядом приёмов конструирования исходного предложения и предложения-трансформа.

Правила конструирования исходного предложения представляются нам следующим образом:

1. Синтаксическая модель исходного предложения должна соответствовать формуле «субъект – предикат – объект», поскольку ЛК выражают отношения между субъектом и объектом.

2. Конверсив в указанной модели занимает позицию реляционного предиката (согласно классификации Н. Д. Арутюновой [14]).

3. Разновидность реляционного предиката в исходном предложении определяется по общей семантике конструируемого предложения.

Правила конструирования предложения-трансформа заключаются в следующем:

1. Предложение-трансформ конструируется («выводится») посредством актантной трансформации, под которой в лингвистике понимается «изменение соот-

ношения между семантическими и синтаксическими актантами» [90] (т. е. мена позиции субъекта и объекта).

2. Предложение-трансформ должно демонстрировать мену коммуникативных рангов, но при этом сохранять логическую, смысловую и грамматическую (морфологическую и синтаксическую) тождественность.

3. ЛК в предложении-трансформе должны занимать типовую и видовую позицию предиката, аналогичной его позиции в исходном предложении.

4. Идентификация ЛК в предложении-трансформе осуществляется в результате общей семы в структуре ЛЗ производных ЛК; общей семы, актуализирующейся в акте деривации производных неотражённых ЛК; семантического отражения смысловых отношений производящей базы производных отраженных ЛК.

Например, в качестве исходного предложения иллюстративной зоны словарной статьи «ИЗБИРА́ТЕЛЬ – ИЗБРА́ННИК» может быть предложение *По данным ЦИК, около 45 миллионов граждан Российской Федерации – избиратели Владимира Путина на президентских выборах 2012 года*, за основу которого берётся ситуация президентских выборов 2012 г., изложенная в предложении «По данным ЦИК, за Путина проголосовали около 45 млн избирателей». (Газета.Ru. ЦИК: Путин потратил на свою кампанию 399 млн руб. при лимите в 400, 2012) [114]. Характеристика субъекта *около 45 миллионов граждан* раскрывается в его отношении к объекту *Владимиру Путину* посредством реляционного предиката *избиратели*, выраженным девербативным субстантивным ЛК с семантикой «посессивные отношения».

Руководствуясь правилами конструирования предложения-трансформа, «выводим» данное предложение с помощью мены позиций актантов, сохраняя синтаксическую модель исходного предложения «субъект – предикат – объект», общую семантику предложения, частеречную принадлежность предиката и определяя сему, актуализировавшуюся в процессе деривации ЛК *избиратель: По данным ЦИК, Владимир Путин – избранник около 45 миллионов граждан Российской Федерации на президентских выборах 2012 года*.

Для формирования целостного взгляда на структуру словарной статьи приведём модель словарной статьи «ИЗБИРА́ТЕЛЬ – ИЗБРА́ННИК», упомянутой выше:

ИЗБИРА́ТЕЛЬ – ИЗБРА́ННИК

/// Неотраж.: избирать; избранный □ избиратель – избранник

избира-тель ← избира(ть) + s (-тель)

избранн-ик ← избранн(ый) + s (-ик) \\\

Избира́тель, *сущ.*; -я, м. Тот, кто избирает или имеет право избирать кого-либо в органы власти.

Избра́нник, *сущ.*; -а, м. Тот, кто избран кем-либо в органы власти.

«По данным ЦИК, за Путина проголосовали около 45 млн избирателей». (Газета.Ru. ЦИК: Путин потратил на свою кампанию 399 млн руб. при лимите в 400, 2012.) → *По данным ЦИК, около 45 миллионов граждан Российской Федерации – избиратели Владимира Путина на президентских выборах 2012 года. ⇔ По данным ЦИК, Владимир Путин – избранник около 45 миллионов граждан Российской Федерации на президентских выборах 2012 года.*

Словарная статья авторского «Словаря конверсивов русского языка», отражающая его микроструктуру и представляющая собой его элементарную композиционную единицу, является, в свою очередь, составной частью комплексной единицей, формирующей порядок расположения словарного материала, – конверсивного гнезда, о котором речь пойдёт в следующем подпараграфе настоящего диссертационного исследования.

2.3.3. Проблемы расположения словарного материала в авторском «Словаре конверсивов русского языка»

Расположение словника любого словаря во многом определяет его композиционное строение – макроструктуру – и в целом отвечает его задачам. На наш взгляд, наиболее корректным способом лексикографической репрезентации ЛК является алфавитно-гнездовой, в соответствии с которым алфавитному упорядочиванию подвергаются конверсивные гнезда, включающие в свой состав отдельные словарные статьи.

Конверсивное гнездо можно определить как **семантическое объединение фрагментов одного или двух толково-словообразовательных гнёзд, возглавляемых КП**. Под толково-словообразовательным гнездом в лексикографии принято понимать «группировку однокоренных слов с фиксацией лексических значений и словообразовательной структуры производных. Гнездо этого типа аккумулирует в себе два аспекта – семантический и структурный – и предстаёт как структурно-семантическое целое. От лексического гнезда оно отличается словообразовательными характеристиками, от гнезда словообразовательного – характеристиками семантическими» [178, 6]. В свою очередь, конверсивное гнездо от толково-словообразовательного отличается количественно-гнездовой и семантической избирательностью, поскольку включает в свой состав либо фрагменты разных словообразовательных гнёзд с установлением конверсивных отношений между языковыми единицами (при разнокоренных ЛК), либо конверсивно-семантические фрагменты одного толково-словообразовательного гнезда (при однокоренных ЛК).

Возглавляет конверсивное гнездо пара непроизводных ЛК или производных ЛК, находящихся на той словообразовательной ступени, которая ближе к вершине словообразовательного гнезда, остальные же однокоренные КП располагаются в конверсивном гнезде по алфавиту. Следует отметить, что лексикографическому описанию в гнезде подвергаются те КП, участники которых также имеют алфавитный порядок, однако при этом в гнездо включаются и взаимовыводимые из них КП, имеющие отсылку к своим алфавитным аналогам. Данным приёмом автор стремится подчеркнуть двустороннюю импликацию конверсивных отношений вопреки имеющейся в науке противоположной точке зрения [10].

Необходимость концентрации ЛК внутри одного конверсивного гнезда объясняется рядом причин. Во-первых, использование конверсивного гнезда позволит читателю увидеть продвижение конверсивных связей в глубь лексической системы, проследить процесс конверсивообразования посредством тех или иных инструментов словообразовательной производности. Во-вторых, конверсивное гнездо вскры-

вает парадигматические взаимосвязи в пределах толково-словообразовательного гнезда и тем самым систематизирует лексику русского языка.

Безусловно, теория конверсивного гнезда нуждается в тщательной проработке, однако ниже мы представляем модели шести конверсивных гнёзд, возглавляемых парами ЛК *брат – брат*; *дуэт – дуэт*; *завещать – наследовать*; *отец – сын*; *крестный – крестный*; *продавец – товар*, содержащих лексикографическое описание 56 языковых единиц, вступающих между собой в конверсивные отношения.

Модель конверсивного гнезда, возглавляемого парой производных ЛК *брат – брат*

БРАТ – БРАТ

Брат, *сущ.*; -а, м. 1. Каждый из сыновей по отношению к другим детям (брату или сестре) этих же родителей (или одного из них). 2. *Перен.* Тот, с кем объединяют, сближают общие интересы, условия жизни и т. п.; единомышленник. 3. *Перен.* Предмет, явление, подобные другим предмету, явлению.

1. «Джулиан Хаксли был **братом** замечательного английского писателя Олдоса Хаксли». (Гранин Д. Зубр, 1987.) ⇔ Замечательный английский писатель был **братом** Джулиана Хаксли. 2. «К счастью, молодой актер Евгений Цыганов оказался в полном смысле этих слов духовным **братом** своего героя <...>». (Труд-7. Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе, 2004.) ⇔ К счастью, герой молодого актёра Евгения Цыганова оказался в полном смысле этого слова его духовным **братом**. 3. «<...> маньчжурский орех – родной **брат** грецкого ореха». (Арсеньев В. Сквозь тайгу, 2012.) ⇔ Грецкий орех – родной **брат** маньчжурского ореха.

БРАТА'ТЬСЯ – БРАТА'ТЬСЯ

/// *Отраж.*: брат – брат □ брататься – брататься

брат-а-ть-ся ← брат + s (-а-) + pt (-ся) \\\

Брата'ться, *глагол.*; *несов., неперех.* 1. Прекращать военные действия, заявляя о взаимных чувствах, свойственных братьям (во 2-м знач.), солидарности (о солдатах воюющих армий). 2. *Разг.* Проявлять чувства, свойственные братьям (во 2-м знач.),

вступать в тесные дружеские отношения. 3. *Устар.* Давать друг другу обет вечной дружбы, становиться покрестовыми братьями (во 2-м знач.).

1. «Впрочем, и английские корреспонденты не могут придти в себя от изумления, видя, как вокруг Конст[ант]инополя солдаты обоих лагерей братаются, точно ничего и не было между ними». (Анненков П. В. Письма к Тургеневу, 1875–1883.) → *Вокруг Константинополя солдаты нашего лагеря братаются с солдатами лагеря противника.* ⇔ *Вокруг Константинополя солдаты лагеря противника братаются с солдатами нашего лагеря.* 2. «Русские братаются с другом сербом <...>». (Беляков В. П. Почему Йо и Кану не в основе, 2010.) ⇔ *Друг серб братается с русскими.* 3. В былине «Добрыня и Алёша» описывается, как Добрыня Никитич при зароке вечной дружбы братается с Алёшей Поповичем. (Казаченко Б. Н. Русское родство: прошлое и настоящее, 2014.) ⇔ *В былине «Добрыня и Алёша» описывается, как Алёша Попович при зароке вечной дружбы братается с Добрыней Никитичем.*

БРА́ТСКИЙ – БРА́ТСКИЙ

/// *Отраж.:* брат – брат □ братский – братский

брат-ск-ий ← брат + s (-ск-) \\\

Бра́тский, прил.; -ая, -ое. Такой, который является братом (во 2-м знач.).

«Россия для государства Новороссия – естественный **братский** народ». (Проханов А. Новороссия – рождённая в огне, 2014.) ⇔ *Государство Новороссия для России – естественный **братский** народ.*

ПЕРЕБРАТА́ТЬСЯ – ПЕРЕБРАТА́ТЬСЯ

/// *Отраж.:* брат – брат □ брататься – брататься

брат-а-ть-ся ← брат + s (-а-) + pt (-ся) \\\

Перебрата́ться, глаг.; сов., *неперех.* Побрататься со всеми или многими.

1. «<...> украинцы с поляками по своим делам недавно окончательно признались, помирились и **перебратались**». (Шурыгин В. О «Польском вопросе», 2005.) ⇔ Поляки с украинцами по своим делам недавно окончательно признались, помирились и **перебратались**. 2. «Подошли канадцы, японцы и американцы –

все тут же перебратались, обменялись визитками и засели за пиво с острыми крылышками». (Кузин А. В. IT-storii: записки айтишника, 2009.) → Канадцы **перебратались** с японцами и американцами, *обменялись визитками и засели за пиво с острыми крылышками*. ⇔ Японцы и американцы **перебратались** с канадцами, *обменялись визитками и засели за пиво с острыми крылышками*. 3. «Дмитрию незачем было возвращаться в Кремль; около него были князья и бояре, они крестили детей друг у друга, менялись крестами накануне битв, а битв у Дмитрия было много, и за годы походов перебратались все, стали покрестовыми братьями». (Бородин С. Дмитрий Донской, 1940.) → За годы походов князья **перебратались** с боярами, стали покрестовыми братьями. ⇔ За годы походов бояре **перебратались** с князьями, стали покрестовыми братьями.

ПОБРАТИ'М – ПОБРАТИ'М

/// *Отраж.:* побратим – побратим □ побрататься – побрататься

побрат-им ← побрат(аться) + s (-им); < т // т' > \\\

Побрати'м, *сущ.; -а, м.* 1. Тот, кто побратался (во 2-м и 3-м знач.) с кем-либо. 2. Населённый пункт какой-либо страны, установивший непосредственные дружеские связи с населённым пунктом другой страны в целях укрепления сотрудничества между народами.

1. «Перед склепом – скульптуры: плечом к плечу стоят побратимы – остравский шахтёр и советский солдат». (Кудреватых Л. За верность – верность, 1956.) → *Остравский шахтёр – побратим советскому солдату*. ⇔ *Советский солдат – побратим остравскому шахтёру*. 2. «Ибо Гильгамеш был царь, а Энкиду – друг и побратим царя». (Хаецкая Е. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду, 1997.) → *Энкиду – друг и побратим царя Гильгамеша*. ⇔ *Гильгамеш – друг и побратим Энкиду*. 3. «Трабзон – побратим города Сочи». (Бодров А. В гостях у «Черноморца», 2011.) ⇔ *Город Сочи – побратим Трабзона*.

СОБРА'Т – СОБРА'Т

/// *Отраж.:* брат – брат □ собрат – собрат

со-брат ← pr (со-) + брат \\\

Собра́т, *сущ.*; -а, м. Тот, кто совместно является братом (во 2-м знач.) по роду деятельности, занятию.

«Бронза Михаила Круга мемориальна, но его собрат по «русскому шансону» Владимир Асмолов по сумме своих побед, пожалуй, переборет погибшего певца владимирского централа <...>». (Крижевский А. Подтяжки с застёжками. Рейтинг CD, 2002.) → *Владимир Асмолов – **собрат** Михаила Круга по «русскому шансону».* ⇔ *Михаил Круг – **собрат** Владимира Асмолова по «русскому шансону».*

Модель конверсивного гнезда,

возглавляемого парой производных ЛК *дуэт – дуэт*

ДУЭ́Т – ДУЭ́Т

Дуэ́т, *сущ.*; -а; м. Совместное выступление двух исполнителей или спортсменов.

«Евгений Кузнецов **в дуэте** с Ильей Захаровым выиграл «синхрон» у китайцев <...>». (Гибадиева В. Мировая серия по прыжкам в воду: 2 победы россиян и экспромт на вышке, 2014.) ⇔ *Илья Захаров **в дуэте** с Евгением Кузнецовым выиграл «синхрон» у китайцев.*

ДУЭ́ТОМ – ДУЭ́ТОМ

/// *Отраж.*: дуэт – дуэт □ дуэтом – дуэтом

дуэт-ом ← дуэт + s (-ом) \\\

Дуэ́том, *нареч.* Так, как свойственно *сущ.* дуэт.

«<...> *Ворошилов пел **дуэтом** с Михайловым*». (Богомолов А. Юмор вождей, 2014.) ⇔ *Михайлов пел **дуэтом** с Ворошиловым.*

Модель конверсивного гнезда,

возглавляемого парой производных ЛК *завещать – наследовать*

ЗАВЕЩА́ТЬ – НАСЛЕ́ДОВАТЬ

Завеща́ть, *глагол.*; *сов.* и *несов.*, *перех.* Передать, передавать в собственность другого лица имущество, остающееся после смерти владельца.

Насле́довать, *глагол; сов. и несов., перех. и неперех.* Получить, получать в собственности имущество, остающееся после смерти владельца.

«В 1931 году <...> Волошин **завещает** дом Союзу писателей». (РИА Новости, 2007.) ⇔ В 1931 году Союз писателей **наследует** дом Волошина.

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬ – НАСЛЕ́ДНИК

/// *Отраж.:* завещать – наследовать □ завещатель – наследник

завеща-тель ← завеща(ть) + s (-тель)

наслед-ник ← наслед(овать) + s (-ник) \\\

Завеща́тель, *сущ.; -я; м.* Тот, кто завещает что-либо.

Насле́дник, *сущ.; -а; м.* Тот, кто наследует что-либо.

«<...> всякому сыну отец-завещатель назначал из своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтан с кушаком <...>». (Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций, 1904.) → *Отец – завещатель* особой шапки, шубы и кафтана с кушаком своим сыновьям. ⇔ *Сыновья – наследники* особой шапки, шубы и кафтана с кушаком своего отца.

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬ – НАСЛЕ́ДНИЦА

/// *Неотраж.:* завещать; наследник □ завещатель – наследница

завеща-тель ← завеща(ть) + s (-тель)

наслед-ниц-а ← наслед(ник) + s (-ниц-) \\\

Завеща́тель, *сущ.; -я; м.* Тот, кто завещает что-либо.

Насле́дница, *сущ.; -ы; ж.* Ж. к *сущ.* наследник.

«Единственная наследница огромных богатств своего отца [Алексея Орлова-Чесменского – И. И.], она [графиня Анна – И. И.] так и не вышла замуж». (Павлова А. Фантом графини, 2013.) → *Графиня Анна*, дочь Алексея Орлова-Чесменского, – **наследница** его огромных богатств. ⇔ *Алексей Орлов-Чесменский – завещатель* огромных богатств своей дочери, *графине* Анне.

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ́ДНИК

/// *Неотраж.:* завещатель; наследовать □ завещатель – наследник

завещатель-ница ← завещатель + s (-ниц-)

наслед-ник ← наслед(овать) + s (-ник) \\\

Завеща́тельница, *сущ.*; -ы; *ж.* Ж. к *сущ.* завещатель.

Насле́дник, *сущ.*; -а; *м.* Тот, кто наследует что-либо.

«Моему 10-летнему сыну бабушка, моя мама, завещала квартиру». (Жуков Ю. *Детская собственность – неприкосновенна*, 2000.) → *Моя мама – завещательница квартиры моему 10-летнему сыну.* ⇔ *Мой 10-летний сын – наследник квартиры моей мамы.*

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ́ДНИЦА

/// *Отраж.*: завещатель – наследник □ завещательница – наследница

завещатель-ниц-а ← завещатель + s (-ниц-)

наслед-ниц-а ← наслед(ник) + s (-ниц-) \\\

Завеща́тельница, *сущ.*; -ы; *ж.* Ж. к *сущ.* завещатель.

Насле́дница, *сущ.*; -ы; *м.* Ж. к *сущ.* наследник.

«<...> актриса завещала квартиру Юле <...>». (Плешакова А. *Квартира Кустинской может достаться ее троюродной племяннице*, 2013.) → *Актриса – завещательница квартиры Юле.* ⇔ *Юля – наследница квартиры актрисы.*

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬ – НАСЛЕ́ДСТВО

/// *Отраж.*: завещать – наследовать □ завещатель – наследство

завеща-тель ← завеща(ть) + s (-тель)

наслед-ств-о ← наслед(овать) + s (-ств-) \\\

Завеща́тель, *сущ.*; -я; *м.* Тот, кто завещает что-либо.

Насле́дство, *сущ.*; -а; *ср.* То, что наследуется кем-либо.

«Единственная наследница огромных богатств своего отца [Алексея Орлова-Чесменского – И. И.], она [графиня Анна – И. И.] так и не вышла замуж». (Павлова А. *Фантом графини*, 2013.) → *Огромные богатства Алексея Орлова-Чесменского – наследство его дочери, графини Анны.* ⇔ *Алексей Орлов-Чесменский – завещатель огромных богатств своей дочери, графине Анне.*

ЗАВЕЩА́ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ́ДСТВО

/// *Неотраж.*: завещатель – наследовать □ завещательница – наследница

завещатель-ниц-а ← завещатель + s (-ниц-)

наслед-ств-о ← наслед(овать) + s (-ств-) \\\

Завеща'тельница, *сущ.*; -ы; *ж.* Ж. к *сущ.* завещатель.

Насле'дство, *сущ.*; -а; *ср.* То, что наследуется кем-либо.

«<...> актриса завещала квартиру Юле <...>». (Плешакова А. Квартира Кустинской может достаться её троюродной племяннице, 2013.) → *Актриса – завещательница квартиры Юле.* ⇔ *Квартира актрисы – наследство Юли.*

НАСЛЕ'ДНИК – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ – НАСЛЕ'ДНИК

НАСЛЕ'ДНИК – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ'ДНИК

НАСЛЕ'ДНИЦА – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ – НАСЛЕ'ДНИЦА

НАСЛЕ'ДНИЦА – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ'ДНИЦА

НАСЛЕ'ДОВАТЬ – ЗАВЕЩА'ТЬ, см. ЗАВЕЩА'ТЬ – НАСЛЕ'ДОВАТЬ

НАСЛЕ'ДСТВО – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬ – НАСЛЕ'ДСТВО

НАСЛЕ'ДСТВО – ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА, см. ЗАВЕЩА'ТЕЛЬНИЦА – НАСЛЕ'ДСТВО

Модель конверсивного гнезда,

возглавляемого парой производных ЛК *отец – сын*

ОТЕ'Ц – СЫН

Оте'ц, *сущ.*; -а, *м.* Мужчина по отношению к своим детям (сыну или дочери).

Сын, *сущ.*; -а, *м.* Лицо мужского пола по отношению к своим родителям (отцу или матери).

«Отец Владимира Мономаха князь Всеволод Ярославич знал пять языков <...>». (Данилевский И., Ганин А. Долгая дорога к гуманитарному полюсу, 2008.) → *Князь Всеволод Ярославич, знавший пять языков, – отец Владимира Мономаха.* ⇔ *Владимир Мономах – сын князя Всеволода Ярославича, знавшего пять языков.*

О'ТЧИМ – ПА'СЫНОК

/// *Отраж.*: отец – сын □ отчим – пасынок

отч-им ← отец + s (-им); < ец // ч >

па-сын-ок ← рг (па-) + сын + s (-ок) \\\

О́тчим, *сущ.*; -а, м. Тот, кто является неродным отцом по отношению к своим неродным детям (пасынку или падчерице).

Па́сынок, *сущ.*; -а, м. Тот, кто является неродным сыном по отношению к своему неродному родителю (отчиму или мачехе).

«Александра Пороховщикова воспитывал его отчим – Михаил Дудин». (Ремизова М. Наследник Пороховщикова Шалва Барабадзе..., 2012.) → *Михаил Дудин – отчим Александра Пороховщикова. ⇔ Александр Пороховщиков – пасынок Михаила Дудина.*

ПА́СЫНОК – О́ТЧИМ, см. О́ТЧИМ – ПА́СЫНОК

СЫН – ОТЕ́Ц, см. ОТЕ́Ц – СЫН

Модель конверсивного гнезда,

возглавляемого парой производных ЛК **крёстный – крёстный**

КРЁСТНЫЙ – КРЁСТНЫЙ

/// *Неотраж.*: крест; крест □ крёстный – крёстный

крёст-н-ый ← крест + s (-н-); < е // о > \\\

Крёстный, *прил.*; -ая, -ое. Такой, который участвует в христианском обряде крещения с использованием креста как символа православной веры.

«В Вознесенском монастыре просыпаются великие княгини и царицы, в Чудовом – митрополит Алексей, крёстный отец и воспитатель Димитрия Донского». (Краснова В. Поборник Троицы, 2014.) → *Митрополит Алексей – крёстный отец и воспитатель Димитрия Донского. ⇔ Дмитрий Донской – крёстный сын и воспитанник митрополита Алексия.*

КРЕСТИ́ТЕЛЬ – КРЕЩЁНАЯ

/// *Неотраж.*: крестить; крещёный □ креститель – крещёная

крести-тель ← крести(ть) + s (-тель)

крещ-ён-ø-ая ← крещён(ый) + s (-ø-) \\\

Крести́тель, *сущ.*; *-я, м.* Тот, кто крестит или крестил (в 1-м знач.) кого-либо.

Крещёная, *сущ.*; *-ой, ж.* Ж. к *сущ.* крещёный.

«Божью же Матерь крестили вместе Апостолы Петр и Иоанн». (Иеромонах Иов. Как была крещена Богородица, 2005). → *Апостолы Петр и Иоанн – крестители Божией Матери.* ⇔ *Божия Матерь – крещёная Апостолов Петра и Иоанна.*

КРЕСТИ́ТЕЛЬ – КРЕЩЁНЫЙ

/// *Неотраж.*: крестить; крещёный □ креститель – крещёный

крести-тель ← крести(ть) + s (-тель)

крещ-ён-ый ← крест(ить) + s (-ён-); < ст // ш' > \\\

Крести́тель, *сущ.*; *-я, м.* Тот, кто крестит или крестил кого-либо.

Крещёный, *сущ.*; *-ого, м.* Тот, кого крестят или крестили кто-либо.

«Меня крестили в возрасте полутора месяцев в день, когда почитается святой Михаил, – рассказал Путин. – И батюшка, который крестил, предложил и меня называть Михаилом. Но меня к тому времени уже зарегистрировали и называли в честь отца, Владимиром. Преображенский собор находится в пяти минутах ходьбы от дома, в котором жили Путины». (Рябцев А. Путин встретил Рождество в храме, где был крещён в детстве, 2012.) → *Крестителем нынешнего президента России был батюшка, служивший в 1952 г. в Преображенском соборе Ленинграда.* ⇔ *Нынешний президент России был крещёным батюшки, служившим в 1952 г. в Преображенском соборе Ленинграда.*

КРЕ́СТНИК – КРЁСТНАЯ

/// *Неотраж.*: крёстный; крёстный □ крестник – крёстная

крестн-ик ← крестн(ый) + s (-ик); < н // н' >

крёстн-ø-ая ← крёстн(ый) + s (-ø-) \\\

Кре́стник, *сущ.*; *-а, м.* Крёстный сын по отношению к крёстным родителям или одному из них (крёстному отцу или крёстной матери).

Крёстная, *сущ.*; *-ой, ж.* Ж. к *сущ.* крёстный.

«К няне приходил ее крестник. Молодой, красивый парень – и без руки». (Шишкин М. Венерин волос, 2004.) → *Молодой красивый парень без руки – крестник няни.* ⇔ *Няня – крёстная молодого красивого парня без руки.*

КРЕ'СТНИК – КРЁСТНЫЙ

/// *Отраж.:* крёстный – крёстный □ крёстный – крестник

крестн-ик ← крёстн(ый) + s (-ик); < н // н' >

крёстный ← крёстн(ый) \\\

Кре'стник, *сущ.;* -а, м. Крёстный сын по отношению к крёстным родителям или одному из них (крёстному отцу или крёстной матери).

Крёстный, *сущ.;* -ого, м. Крёстный отец по отношению к крёстным детям или одному из них (крёстному сыну или крёстной дочери).

«Крестник М. В. Ломоносова, Михаил Евсеевич Головин (1756-1790), был взят дядей в Петербург, принят в гимназию при Академии наук». (Свердлов Е. Д. Гениальность: гены? культура? стохастика?, 2009.) → *Михаил Евсеевич Головин (1756-1790), взятый дядей в Петербург, принятый в гимназию при Академии наук, был крестником М. В. Ломоносова.* ⇔ *М. В. Ломоносов был крёстным Михаила Евсеевича Головина (1756-1790), взятого дядей в Петербург, принятого в гимназию при Академии наук.*

КРЕ'СТНИЦА – КРЁСТНАЯ

/// *Отраж.:* крестник – крёстный □ крестница – крёстная

крестн-иц-а ← крестн(ик) + s (-ик)

крёстн-ø-ая ← крёстн(ый) + s (-ø-) \\\

Кре'стница, *сущ.;* -ы, ж. Ж. к крестник.

Крёстная, *сущ.;* -ой, ж. Ж. к *сущ.* крёстный.

«Входит крестница Аграфены с подносом, уставленным чашками, кувшинчиками, вазочками, тарелочками со всевозможной сладкой снедью, ставит на столик перед старушкой и ускользает, опасливо покосившись на барыню». (Нагибин Ю. М. Заступница, 1972–1979.) → *Девушка, вошедшая с подносом, уставленным чашками, кувшинчиками, вазочками, тарелочками со всевозможной сладкой снедью, – дово-*

дидась **крестницей** Аграфены. ⇔ Аграфена доводилась **крёстной** девушке, вошедшей с подносом, уставленным чашками, кувшинчиками, вазочками, тарелочками со всевозможной сладкой снедью.

КРЕ'СТНИЦА – КРЁСТНЫЙ

/// *Неотраж.*: крестник; крёстный □ крестница – крёстный

крестн-иц-а ← крестн(ик) + s (-ик)

крёстный ← крёстн(ый) \\\

Кре'стница, *сущ.*; -ы, ж. Ж. к *сущ.* крестник.

Крёстный, *сущ.*; -ого, м. Крёстный отец по отношению к крёстным детям или одному из них (крёстному сыну или крёстной дочери).

«*Тея Бобрикова-Бонне, урождённая Бобрикова Екатерина Николаевна (1909-?), дочь полковника лейб-гвардии, – крестница Николая II. (Лопато Л. Волшебное зеркало воспоминаний, 2002–2003.) ⇔ Николай II – крёстный Теи Бобриковой-Бонне, урождённой Бобриковой Екатерины Николаевны (1909-?), дочери полковника лейб-гвардии.*

КРЕЩЁНАЯ – КРЕСТИ'ТЕЛЬ, см. **КРЕСТИ'ТЕЛЬ – КРЕЩЁНАЯ**

КРЕЩЁНЫЙ – КРЕСТИ'ТЕЛЬ, см. **КРЕСТИ'ТЕЛЬ – КРЕЩЁНЫЙ**

КРЁСТНАЯ – КРЕ'СТНИК, см. **КРЕ'СТНИК – КРЁСТНАЯ**

КРЁСТНАЯ – КРЕ'СТНИЦА, см. **КРЕ'СТНИЦА – КРЁСТНАЯ**

КРЁСТНЫЙ – КРЕ'СТНИК, см. **КРЕ'СТНИК – КРЁСТНЫЙ**

КРЁСТНЫЙ – КРЕ'СТНИЦА, см. **КРЕСТНИЦА – КРЁСТНЫЙ**

ПЕРЕКРЕСТИ'ТЬСЯ – ПЕРЕКРЕСТИ'ТЬСЯ

/// *Неотраж.*: перекрестить; перекрестить □ перекреститься – перекреститься

перекрестить-ся ← перекрести(ть) + pt (-ся) \\\

Перекрести'ться, *глагол.*; *сов., неперех.* 1. Страд. к глаг. перекрестить. 2. Соединяться, направляясь из разных точек в одно место; скрещиваться. 3. Прийти в соприкосновение друг с другом; пересечься.

1. «Эта дорога, носящая название «Брод Стрит» («широкая улица») перекрещивается с другими городскими улицами в разных уровнях». (Л. В. Дороги и авто-

мобили во всём мире, 1929.). → *Эта дорога, носящая название «Брод Стрит» («широкая улица») **перекрестилась** с другими городскими улицами в разных уровнях. ⇔ Другие городские в разных уровнях улицы **перекрестились** с этой дорогой, носящей название «Брод Стрит» («широкая улица»).* 2. «Укрепление это будет вооружено двадцатью орудиями, выписанными из Бельгии; огонь его перекрещивается с огнем другого укрепления, лежащего насупротив, на правом берегу реки, и известного под названием калаат Хагэ-Юсэф». (Рафалович А. А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты, 1850). → *Огонь этого укрепления, вооружённого двадцатью орудиями, выписанными из Бельгии, **перекрестился** с огнём другого укрепления, лежащего насупротив, на правом берегу реки, и известного под названием калаат Хагэ-Юсэф. ⇔ Огонь другого укрепления, лежащего насупротив, на правом берегу реки, и известного под названием калаат Хагэ-Юсэф, **перекрестился** с огнём этого укрепления, вооружённого двадцатью орудиями, выписанными из Бельгии.* 3. «Трагическое перекрещивается с смехотворным». (Вишняк М. В. Два Пути (Февраль и Октябрь), 1931.) → *Трагическое **перекрестилось** со смехотворным. ⇔ Смехотворное **перекрестилось** с трагическим.*

СКРЕСТИТЬСЯ – СКРЕСТИТЬСЯ

/// Неотраж.: скрестить; скрестить □ скреститься – скреститься

скрестить-ся ← скрести(ть) + pt (-ся) \\\

Скрести́ться, глаг.; сов., *неперех.* 1. Страд. к глаг. скрестить. 2. Разг., перен. Столкнуться, встретиться. 3. Разг., перен. Слиться звучанием в единое целое.

1. «У него [отца – И. И.] к старости пальцы на левой ноге скрестились – второй с третьим». (Шишкин М. Письмовник, 2009.) → *У отца к старости второй палец левой ноги **скрестился** с третьим. ⇔ У отца к старости третий палец левой ноги **скрестился** со вторым.* 2. Селекционеры ведь тоже скрещивают растения, но родственные. (Ивойлова И. Как стать козликом, 2006) → *Это растение **скрестилось** с другим, родственным ему. ⇔ Другое растение, родственное этому, **скрестилось** с ним.* 3. «Но, как выяснилось, в фокусе Туринской плащаницы скрестились не только исторические и богословские, но и научные проблемы». (Сурдин В.

Туринская плащаница: научное расследование, 2007.) → Но, как выяснилось, в фокусе Туринской плащаницы исторические и богословские проблемы **скрестились** с научными. ⇔ Но, как выяснилось, в фокусе Туринской плащаницы научные проблемы **скрестились** с историческими и богословскими. 4. «<...> Ветра струнное звучание **скрестилось** / С тихой скрипкой цвета малахита». (Снеганова Ю. Кузнецик, 2012.) ⇔ Скрипка цвета малахита **скрестилась** с ветра струнным звучанием.

Модель конверсивного гнезда,

возглавляемого производным и непроизводным ЛК **продавец – товар**

ПРОДАВЕЦ – ТОВАР

/// продав-ец ← продав(а)ть + s (-ец); < в // в' > ///

Продавец, сущ.; -а, м. Тот, кто продаёт что-либо.

Товар, сущ.; -а, м. То, что продаёт кто-либо.

«**Продавец** квартиры – акционерное общество закрытого типа «Транспул» <...>». (Мороз М. Глухая зона, 2000.) ⇔ Квартира – **товар** акционерного общества закрытого типа «Транспул».

ПРОДАВЩИЦА – ТОВАР, несимметр.

/// продав-щиц-а ← продав(щик) + s (-щиц-) ///

Продавщица, сущ.; -ы, ж. Ж. к сущ. продащик.

Товар, сущ.; -а, м. То, что продаёт кто-либо.

«Продавщица грузинка Лиана в лавке приграничного посёлка Мосабрук показывает мне, какие вина настоящие, а какие – порошковая дрянь с легендарными названиями». (Стешин Д. Ради чего мы воевали в Южной Осетии, 2013.) → Грузинка Лиана в лавке приграничного посёлка Мосабрук – **продавщица** вина. ⇔ Вино – **товар** грузинки Лианы в лавке приграничного посёлка Мосабрук.

ТОВАР – ПРОДАВЕЦ, см. ПРОДАВЕЦ – ТОВАР

ТОВАР – ПРОДАВЩИЦА, см. ПРОДАВЩИЦА – ТОВАР

Выводы по главе II

1. Общее число проанализированных нами ЛК – 2 546 языковых единиц – соответствует 1,8% от общего лексического состава современного русского языка. Данный показатель даёт нам право утверждать, что конверсивная лексика является одним из многочисленных классов слов лексико-семантической системы русского языка, демонстрирующим парадигматический принцип организации его словарного фонда и группирующим его по принципу соотносительности ЛСВ в смысловой структуре слов.

2. Критерий словообразовательной производности, лёгший в основу классификации ЛК, в ходе исследования позволил выделить прямую и непрямую конверсию.

3. Прямая конверсия представлена 357 непроизводными ЛК (14%), 242 (9,5%) из которых формируют конверсивные оппозиции с одноструктурными коррелятами, 115 (4,5%) – с ЛК, обладающими словообразовательной структурой. Семантическое объединение непроизводных ЛК обусловлено наличием общей семы, заложенной в их смысловой структуре. Непроизводные ЛК в большинстве случаев выступают производящими единицами производных ЛК, способствуя семантическому отражению смысловых и структурно семантических особенностей конверсивных дериватов.

4. Непрямая конверсия, иллюстрируемая 2 189 дериватами (86%), превосходит конверсию непроизводных слов в 6,1 раза, свидетельствуя о деривационном потенциале русского слова, т. е. его способности быть произведённым. Непрямая конверсия образует 3 группы ЛК: отражённые, неотражённые ЛК и ЛК, вступающие в обратные отношения с непроизводными ЛК.

5. Отражённые ЛК представлены 894 языковыми единицами (35,1%), репрезентирующими 447 полных СКв. Дериваты данной группы наследуют смысловые отношения производящей базы и демонстрируют их в своей структуре. Производящей базой отражённых ЛК выступают непроизводные, отражённые, неотражённые

ЛК или грамматические конверсивы. Образование отражённых ЛК обеспечивается двумя сферами деривации: лексической и синтаксической.

6. Отражённые ЛК, являющиеся лексическими дериватами (590 ЛК), трансформируют семантику производящих ЛК. Степень семантической трансформации определяется общим значением СТ, к которому принадлежат отражённые ЛК. ЛК модификационного СТ (350 ЛК) видоизменяют семантику производящей базы, мутационного СТ (200 ЛК) – обогащают качественно новым смысловым компонентом, соединительного СТ (40 ЛК) – соединяют и дополняют семантику производящих синтагм. При этом «активными» дериватами выступают имена существительные и прилагательные, «активным» мотиватором – глагол.

7. Отражённые ЛК, являющиеся синтаксическими дериватами (304 ЛК), сохраняют семантические характеристики производящих единиц, однако в процессе деривации «обличают» её в новую ЧР, пополняя лексико-грамматические разряды ЛК. Дериваты транспозиционного СТ (230 ЛК) грамматически трансформируют производящие основы ЛК, соединительного СТ (74 ЛК) – производящей базы.

8. Неотражённые ЛК представлены 1 180 языковыми единицами (46,3%), установленными в результате анализа 590 полных СКв. Производящие данных дериватов – слова одной или разных ЧР – не связаны между собой обратными отношениями, однако в процессе словопроизводства актуализируются их общие семы, порождающие в языке конверсивную оппозицию. Образование неотражённых ЛК обеспечивается двумя сферами деривации: лексической и синтаксической.

9. Неотражённые ЛК, обслуживаемые сферой лексической деривации (1 136 ЛК), в целом, обнаруживают сходные признаки с лексическими дериватами отражённых ЛК: наличие ЛК модификационного (629 ЛК), мутационного (481 ЛК) и соединительного СТ (26 ЛК), однако обращает на себя внимание взаимодействие СТ при образовании КП; меньшее количество композитивных ЛК соединительного СТ, а «активными» дериватами становятся субстантивные и глагольные ЛК.

10. Неотражённые ЛК, являющиеся синтаксическими дериватами (43 ЛК), представляют транспозиционный СТ адъективных, адвербиальных и глагольных

ЛК. Субстантивные производные данного структурно-семантического вида исключены из анализа неотражённой конверсии, поскольку переходят в разряд языковых единиц с потенциальной конверсивной семантикой ввиду утраты субъектной валентности в процессе деривации, необходимой для выражения субъектно-объектных отношений в конвертируемых предложениях. Количество неотражённых ЛК транспозиционного СТ (44 ЛК) значительно уступает числу отражённых ЛК аналогичного СТ. Дериватов соединительного СТ синтаксической деривации не обнаружено.

11. Производные ЛК, вступающие в смысловые отношения с непроизводными ЛК (115 ЛК), демонстрируют взаимодействие не прямой и не обратной конверсии. Репрезентанты СТ лексической деривации (112 ЛК) (модификационного (62 ЛК), мутационного (49 ЛК), соединительного (1 ЛК)) в количественном отношении существенно превосходят дериватов транспозиционного СТ синтаксической сферы деривации (3 ЛК). Смысловое взаимодействие разноструктурных ЛК характерно для субстантивной и глагольной конверсивной лексики.

12. Лексикографический аспект изучения конверсивной лексики, не нашедший автономного отражения в практической лексикографии, свидетельствует о необходимости создания «Словаря конверсивов русского языка» толково-словообразовательного типа. Основными задачами при этом выступают: разработка системы помет, содержательных компонентов словарной статьи и определение способа расположения словарного материала.

13. Система помет «Словаря конверсивов русского языка» призвана дополнить семантику, ГЗ и СЗ ЛК. Исходя из этого, мы предлагаем ввести пометы, дополняющие ЛСВ ЛК (стилистические и лексико-семантические пометы), уточняющие ГЗ ЛК (грамматические пометы) и конкретизирующие СЗ ЛК (семантико-деривационные пометы).

14. Микроструктура (словарная статья) «Словаря конверсивов русского языка», как нам представляется, должна содержать 5 зон: зону заглавия, словообразования (у производных ЛК), интерпретационную, грамматическую и иллюстративную

зоны. Словарная статья, описывающая непроеводные ЛК, содержит 4 зоны, освобождаясь от словообразовательного блока.

15. Наиболее корректным способом расположения словарного материала, на наш взгляд, является алфавитно-гнездовой, при котором алфавитному упорядочиванию подвергаются конверсивные гнёзда, представляющие собой фрагменты толково-словообразовательных гнёзд и помогающие каждому пользователю словаря проследить генезис конверсивных отношений в языке.

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка решить одну из актуальных проблем русского языкознания: представить конверсию как отдельный вид лексической номинации, объективно существующей в языке и имеющей право на самостоятельную и корректную лексикографическую репрезентацию.

В результате исследования было установлено, что объектом данной номинации выступают денотативно тождественные ситуации действительности, осмысливаемые говорящим с различных позиций, репрезентантами которых выступают предложения, обладающие категорией конвертируемости, способные выражать обратные отношения посредством ЛК.

ЛК формируют один из многочисленных классов современного русского языка, поскольку общее число проанализированных нами ЛК (2 546) соответствует 1,8% от общего лексического состава языка. Будучи языковыми единицами, функционирующими в межуровневом языковом пространстве, ЛК характеризуются совокупностью семантико-синтаксических, грамматических, лексико-семантических и семантико-деривационных признаков.

Семантико-синтаксические особенности ЛК заключаются в способности занимать позицию реляционного предиката в конвертируемых предложениях и в них функционально «замещать» друг друга.

Являясь элементами грамматической системы языка, ЛК обладают набором грамматических признаков, главный из которых – принадлежность к одному лексико-грамматическому классу: глагольным, субстантивным, адъективным или адвербиальным ЛК, занимающим позицию предиката в конвертируемых предложениях.

К лексико-семантическим признакам ЛК относится их способность содержать в смысловой структуре соотносительные ЛСВ, которыми они вступают в смысловые отношения, образуя КП в языке; содержать в структуре ЛСВ интегральные семы, соотносящиеся с общим денотативным значением конвертируемых предложений с

участием данных ЛК; содержать в структуре ЛСВ дифференциальные семы, обеспечивающие мену позиции субъекта и объекта в данных предложениях.

Семантико-деривационные признаки ЛК демонстрируют их способность обладать словообразовательной производностью; взаимодействие производных ЛК с их производящей базой, предопределяющее различные степени семантического соответствия и смысловых отношений производящих и производных основ; взаимодействие непроизводных и производных ЛК при формировании КП в языке.

Наличие последней группы признаков ЛК не вызывает сомнения, однако именно деривационный аспект конверсии как лексико-семантической категории русского языка до недавнего времени оставался в тени научных исследований, посвящённых разработке общей проблематике ЛК.

Семантико-деривационные признаки ЛК, как показало наше исследование, позволяют не только классифицировать ЛК с позиции словообразовательной производности, но и определить основные закономерности их возникновения в лексико-семантической системе русского языка.

ЛК, не обладающие словообразовательной структурой, представлены 357 непроизводными языковыми единицами (14%), формирующими КП на основании интегральной семы, заложенной в соотносительных ЛСВ слов. Вместе с тем 115 непроизводных ЛК способны вступать в обратные отношения с производными ЛК, демонстрируя взаимодействие не прямой и обратной конверсии и восполняя тем самым лакуны в семантическом пространстве языка при определении ЛК. В ряде случаев подобное «сотрудничество» непроизводных и производных ЛК служит отправной точкой для развития всей словообразовательной системы русского языка, представляя собой не только КП, но и СП одновременно. Однако главной ценностью непроизводных ЛК в рамках нашего исследования является их способность быть производящими для производных ЛК, способствуя семантическому отражению смысловых отношений в структуре конверсивных дериватов.

Производные ЛК, по имеющимся у нас данным, превосходят количество непроизводных ЛК в 6,1 раза и насчитывают 2 189 языковых единиц (86%), образующих конверсивные оппозиции.

Большая часть производных ЛК (2 074 языковые единицы) вступают в обратные отношения с одноструктурными ЛК, а потому даёт нам возможность проанализировать конверсивные дериваты с позиции теории семантического отражения, заключающейся в способности производных слов в процессе деривации воспроизводить в смысловой структуре отношения производящих единиц с различной степенью семантического соответствия.

894 отражённых ЛК (35,1%), наследуя смысловые отношения производящих ЛК, образуют 447 полных СКв, вершины противоположащих сторон которых представлены КП. На стороне СКв, противоположащей по отношению к той стороне, которую занимают производные ЛК, располагаются непроизводные, отражённые, неотражённые ЛК или грамматические конверсивы. Дериваты данного структурно-семантического типа обслуживаются сферами лексической и синтаксической деривации. Лексические дериваты в процессе словопроизводства изменяют семантику производящих единиц с различной степенью трансформации. ЛК модификационного СТ (350 ЛК) видоизменяют семантику производящей базы, мутационного СТ (200 ЛК) – обогащают качественно новым смысловым компонентом, соединительного СТ (40 ЛК) – соединяют и одновременно дополняют семантику производящих синтагм. Семантика синтаксических дериватов тождественна семантике производящей базы, отличие заключается в изменении частеречной принадлежности производных ЛК: ЛК транспозиционного СТ (230 ЛК) грамматически трансформируют производящие основы ЛК, соединительного СТ (74 ЛК) – производящих синтагм, члены которых являются ЛК в одном или нескольких ЛСВ.

Число неотражённых ЛК в нашем исследовании превышает количество отражённых ЛК в 1,3 раза и составляет 1 180 языковых единиц (46,3%). Подобные результаты свидетельствуют о специфичности конверсии как лексико-семантической

категории, поскольку аналогичные исследования производной синонимии и антонимии, напротив, говорят об отражённом характере синонимов и антонимов.

Неотражённые ЛК формируют 590 полных СКв. Отсутствие обратных отношений между компонентами производящей базы восполняется процессом перспективного словообразования, в результате которого актуализируются их общие семы, порождающие в языке КП. Деривационные механизмы неотражённых ЛК в большинстве случаев соответствуют словообразованию отражённых ЛК (преобладание ЛК модификационного СТ (629 ЛК) над ЛК мутационного (481 ЛК), соединительного (26 ЛК) и транспозиционного СТ (44 ЛК)). Субстантивные производные синтаксической деривации исключены нами из анализа неотражённой конверсии ввиду разного набора валентностей производящих и их производных.

115 производных ЛК образуют 115 неполных СКв совместно с непроизводными ЛК, демонстрируя семантическое взаимодействие не прямой и не обратной конверсии субстантивных и глагольных ЛК. Лексические дериваты (112 ЛК: модификационный СТ (62 ЛК), мутационный СТ (49 ЛК), соединительный СТ (1 ЛК)) данной группы конверсивной лексики также преобладают над синтаксическими дериватами транспозиционного СТ (3 ЛК).

Репрезентация производной конверсивной лексики с позиции семантического отражения претендует на критерий истинности научного познания, поскольку продолжает традицию применения категории отражения к иным парадигматическим объединениям в лексико-семантической системе языка (омонимии, синонимии, антонимии) и отвечает внутренней логике языковой системы, ведь в центре внимания оказывается фиксация ЛЗ слов и их внутренней структуры, без которой не может быть целостного знания о языке.

Анализ семантико-деривационных особенностей ЛК позволил нам выйти и на новый уровень понимания проблем их лексикографического описания, связываемых нами с разработкой системы помет и структурных единиц авторского «Словаря конверсивов русского языка».

Система помет словаря разработана нами исходя из языковой природы ЛК и толково-словообразовательного типа будущего лексикографического издания. Так, стилистические пометы конкретизируют семантику ЛК в функционально-стилистическом, коннотативном и др. аспектах; семантико-деривационные пометы указывают на структурно-семантический тип ЛК с позиции теории семантического отражения; грамматические пометы уточняют ГЗ ЛК; акцентологические пометы фиксируют нормы произнесения ЛК в речевом потоке.

Структурными единицами авторского «Словаря конверсивов русского языка» являются словарная статья и конверсивное гнездо, представляющее собой семантическое объединение фрагментов одного или двух толково-словообразовательных гнёзд, возглавляемых КП.

Строение словарной определяет микроструктуру словаря, от правильной разработки которой зависит корректное понимание конверсии, а также читабельность издания. Содержательными компонентами словарной статьи являются следующие зоны: зона заглавия, словообразования, интерпретационная; грамматическая и иллюстративная зоны. Зона заглавия фиксирует КП; зона словообразования раскрывает структурно-семантические характеристики производных ЛК посредством СКв; интерпретационная зона раскрывает значение ЛК с опорой на СТ производных ЛК; грамматическая зона позволяет проследить грамматические характеристики ЛК; иллюстративная зона демонстрирует уникальную способность ЛК трансформировать высказывание по законам актантной трансформации, сохраняя при этом логическую, денотативную, смысловую и грамматическую тождественность структуры.

Выбор гнездового строения словника будущего словаря обусловлен не только наиболее традиционным для русского словообразования ретроспективным способом изучения языковых единиц, при котором отправной точкой в словообразовательном анализе является производное слово, но и менее исследованным перспективным способом, демонстрирующим словообразовательные потенции производящего, что, в свою очередь, вносит вклад в развитие отечественного словообразования. Модели конверсивных гнёзд, представленные в работе, подтверждают данное утверждение,

поскольку каждое конверсивное гнездо способно отразить генезис конверсивных отношений в языке.

Ближайшей перспективой диссертационного исследования является комплексная лексикографическая параметризация полученных результатов; дальнейшей – установление смысловой общности неотражённых ЛК как самой многочисленной группы конверсивной лексики современного русского языка, а также изучение неточных и потенциальных ЛК в прагматическом аспекте.

Список сокращений и условных обозначений

Список сокращений Общепринятые сокращения²

см.	смотрим
ср.	сравним
лат.	латинский язык
с.	страница

Специальные сокращения

ГЗ	грамматическое значение
КП	конверсивная пара
ЛЗ	лексическое значение
ЛК	лексические конверсивы
ЛСВ	лексико-семантический вариант
ЛСГ	лексико-семантическая группа
СГ	словообразовательное гнездо
СЗ	словообразовательное значение
СКв	словообразовательный квадрат
СТ	словообразовательный тип
ЧР	часть речи
ЧСЗ	частное словообразовательное значение
ж. к...	женский род к...
прост. сравн. степ.	простая сравнительная степень
прил.	имя прилагательное

² В тексте диссертации могут также встречаться сокращения, не учтённые в данном списке, но контекстуально понятные (например, и т. п.).

нареч.	наречие
сущ.	имя существительное

Список условных обозначений

Общепринятые обозначения

<...>	пропуск цитаты
[...]	авторская вставка, выводимая из контекста, поясняющая или дополняющая текст

Специальные обозначения

⇔	графическое обозначение двусторонней импликации (в левой части приводится исходное предложение; в правой части фиксируется производное предложение, полученное автором в результате актантной трансформации)
→	графическое обозначение односторонней импликации (в левой части приводится дословная цитата, не обладающая категорией конвертируемости; в правой части фиксируется синонимическое предложение, сохраняющее актантную структуру и денотат цитируемого предложения, но, в отличие от него, обладающее категорией конвертируемости)
←	графическое обозначение словообразовательной производности
□	графическое обозначение словообразовательного квадрата
≠	графического обозначение отсутствия обратных отношений между предложениями
... _{1,2,3,4}	подстрочный индекс, обозначающий тот лексико-семантический вариант, которым слово вступает в конверсивные отношения
... ¹	надстрочный индекс, обозначающий один из лексико-семантических вариантов омонима

Sub	субстантив (имя существительное)
Adj	адъектив (имя прилагательное)
Verb	вербум (глагол)
Adv	адвербиал (наречие)
Sub _{pol}	субстантивный полисемант
Sub _{syn}	субстантивный синоним
Adj _{comp-} ant	субстантивный композитивный антоним
s (-..) / (- ..-)	суффикс
s (-ø-)	нулевой суффикс
pr (-..)	префикс
pt (-..)	постфикс

Список литературы

1. Адо П. Конверсия // Духовные упражнения и античная философия / П. Адо. – М., Спб: Изд-во «Степной ветер», ИД «Коло», 2005. – С. 198–212.
2. Алексеев П. В. Диалектический материализм (общие теоретические принципы) / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: Высшая школа, 1997. – 335 с.
3. Альтман И. В. Омонимия, полисемия, синонимия и антонимия в словообразовании // Современный русский язык / И. В. Альтман. – М., 1989. – С. 147–159.
4. Антонова С. Г. Редакторская подготовка издания / С. Г. Антонова. – М.: Прометей, 2005. – 126 с.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – В 2 т. – Т. 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 710 с.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – В 2 т. – Т. 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
7. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и системной лексикографии. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
8. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? / Ю. Д. Апресян // Типология, грамматика, семантика: к 65-летию В. С. Храковского. – Спб, 1998. – С. 273–281.
9. Апресян Ю. Д. Лексические конверсивы в русском языке / Ю. Д. Апресян // *Linguistica Silesiana*. Katowice: Uniwersitet Śląski, 1975. – P. 71–99.
10. Апресян Ю. Д., Цинман Л. Л. Перифразирование на компьютере / Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 177–202.
11. Аристотель. Категории // Сочинения. – В 4-х т. – Т. 2. / З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – С. 51–90.

12. Аристотель. О душе // Сочинения. – В 4-х т. – Т. 1. / В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – С. 370–448.

13. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / Н. Д. Арутюнова. – М., 1980. – С. 156–249.

14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). / Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

15. Ахманова О. С. Основы компонентного анализа / О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, М. М. Глушко и др. // Э. М. Медникова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 34 с.

16. Бабицкий К. И. О синтаксической синонимии предложений в естественных языках / К. И. Бабицкий // Научно-техническая информация. – 1965. – №6. – С. 21–25.

17. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.

18. Батакова М. Е. Отражённая омонимия в лексико-семантическом аспекте (на материале прилагательных) / М. Е. Батакова // Проблемы школьного и дошкольного образования: материалы регион. науч.-практ. конф. «Достижения науки и практики – в деятельность образоват. учреждений». – Глазов, 1999. – С. 41.

19. Батакова М. Е. Отражённая омонимия прилагательных в современном русском литературном языке: автореф. дис. канд. ... филол. наук / М. Е. Батакова. – Екатеринбург, 2000. – 19 с.

20. Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.

21. Бердалиев А., Машрабов А. А. Некоторые вопросы парадигматики и её отношение к предложению / А. Бердалиев, А. А. Машрабов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/12.Berdaliev%20A.pdf>

22. Беркович Р. И. К вопросу о лексических конверсиях // Системное описание лексики германских языков: межвуз. сб. / отв. ред. К. А. Иванова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – С. 69–72.

23. Богданова Л. И. Конверсия // Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий: учеб. пособие / Л. И. Богданова. – М.: Флинта, Наука, 2011. – С. 170–177.

24. Вардзелашвили Ж. Компонентный анализ слова в теории вторичной номинации // Русский язык и литература в Азербайджане. – 2000. – № 4. – С. 8–13.

25. Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 243–264.

26. Виноградов В. В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 288–294.

27. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. К вопросу о грамматике русского предлога: конверсия / Е. Н. Виноградова, В. Л. Чекалина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 267–268.

28. Виноградова Е. Н., Ситарь А. В., Чекалина В. Л. Семантические типы предложных конверсивов в русском и украинском языках / Е. Н. Виноградова, А. В. Ситарь, В. Л. Чекалина // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 110. – С. 87–90.

29. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419–442.

30. Воловик Н. К. Отражённая синонимия в современном русском языке (на материале отглагольных синонимических гнезд): автореф. дис. канд. ... пед. наук / Н. К. Воловик. – М., 1986. – 18 с.

31. Воробьева С. В., Симонов А. В. Денотат. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/7039>

32. Гак В. Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований / В. Г. Гак. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 408 с.

33. Гвоздев А. Н. О методе ведения наблюдений над языком / А. Н. Гвоздев // Просвещение. – 1926. – № 5–6. – С. 37–43.

34. Гвоздева Е. В. Антонимия в словообразовательных гнездах // Проблемы описания словообразовательных гнезд / Е. В. Гвоздева. – М., 2005. – С. 62–73.

35. Гвоздева Е. В. Гнездовой принцип изучения лексики при обучении русскому языку как иностранному / Е. В. Гвоздева // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – 2015. – № 3. – С. 14–19.

36. Гильбурд А. М. Конверсивы в системе современного русского языка // Краткий словарь русских конверсивов / А. М. Гильбурд. – Сургут: РИО СурГПИ, 2002. – С. 3–13.

37. Гильбурд А. М. Об изоморфизме субъектно-объектных структур в современном русском языке (залоговый аспект проблемы): автореф. дис. ...канд. филол. наук / А. М. Гильбурд. – Тобольск, 1974. – 24 с.

38. Гильбурд А. М. Конверсные отношения в современном русском языке: Монография / А. М. Гильбурд. – Сургут: РИО СурГПИ, 2004. – 164 с.

39. Гинзбург Е. Л. Синтаксическая и лексическая деривация / Е. Л. Гинзбург // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – С. 333–340.

40. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М.: Издательство «Либроком», 2010. – 264 с.

41. Глухов В. П., Ковшиков В. А. Парадигматическая и синтагматическая системы языка // Психолингвистика: теория речевой деятельности: учебн. для студ. вузов дефектологич. и психологич. фак-тов / В. П. Глухов, В. А. Ковшиков. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 99–101.

42. Головин Б. Н. Замечание к теории словообразования / Б. Н. Головин // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. Лингв. – Горький, 1967. – Вып. 78. – С. 3–49.
43. Головин В. Г. Некоторые вопросы составления словарей, отражающих структуру слов русского языка / В. Г. Головин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Вып. 1. – Ташкент, 1975.
44. Грехнёва Л. В. Особенности перифрастической номинации / Л. В. Грехнёва // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Лингвистика». – 2009. – №6 (2). – С. 207–210.
45. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. – Новое в лингвистике. – Вып. III. – М., 1963. – С. 60–94.
46. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
47. Дамбаева А. Н. Конверсивные отношения в бурятском и английском языках / А. Н. Дамбаева // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – №11. – С. 31–35.
48. Демидов И. В. Логика: учеб. пособие для юридич. вузов / под ред. Б. И. Каверина. – М.: Юриспруденция, 2000. – 208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/logika-2/70.htm>
49. Денисов П. Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии / П. Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1977. – С. 205–225.
50. Диброва Е. И. Антонимическая парадигма // Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Николина Н. А., Щеболева И. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений. – В 2-х ч. – Ч. 1. – Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 223–227.

51. Добричев С. А. К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке / С. А. Добричев // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – № 1. – С. 19–22.

52. Добричев С. А. Когнитивные аспекты категории конверсности в современном английском языке / С. А. Добричев // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 36–41.

53. Добричев С. А. О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности / С. А. Добричев // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 156–165.

54. Добричев С. А. Периферийная конверсная реляция в английском языке / С. А. Добричев // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 37–42.

55. Добричев С. А. Эксплицитные и имплицитные характеристики семантики конверсных глаголов в текстах современного английского языка (на материале группы глаголов «имущественных» отношений): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Добричев. – Одесса, 1978. – 20 с.

56. Добричев С. А. Конверсные отношения в современном английском языке: дис. ... докт. филол. наук / С. А. Добричев. – Барнаул, 2005. – 457 с.

57. Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии / Д. О. Добровольский // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т проблем передачи информации им. А. А. Харкевича; отв ред.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 207–227.

58. Доля П. Г. Высказывания и логические операции // Дискретная математика. Конспект лекций / П. Г. Доля. – С. 1–5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geometry.karazin.ua/resources/documents/20141010164817_c30d8f667.pdf

59. Донченко В. Правило замены равного равным // Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. – В 5 т. – М.: Советская энциклопедия,

1960– 1970 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7113/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%BE

60. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие / В. В. Дубичинский. – М.: Наука, Флинта, 2008. – 432 с.

61. Евсева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход / И. В. Евсева. – М.: КД Либроком, 2012. – 312 с.

62. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.

63. Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): монография / О. Н. Емельянова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 315 с.

64. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. – М.: Русский язык, 1984. – 152 с.

65. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.

66. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

67. Живкович Л. Теория социального отражения / спец. ред. Г. А. Давыдова. – М.: Прогресс, 1969. – 455 с.

68. Жилиев М. И. Типология и функция лексических конверсивов: дис. ... канд. филол. наук / М. И. Жилиев. – М., 1991. – 325 с.

69. Зайкова Е. С. Русская деривационная лексикография: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Зайкова. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.

70. Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С. 29–36.

71. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 328 с.

72. Иванова Е. Ю. О некоторых подходах к изучению семантического устройства предложения / Е. Ю. Иванова // Славянский вестник. – 2004. – Вып. 2. – С. 111–121.

73. Избыточность информации // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8

74. Ильинская О. Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Ильинская. – М., 2006. – 205 с.

75. Кабыш В. И. Словарь фразеологических конверсивов / В. И. Кабыш // Проблемы истории, филологии, культуры: материалы международного симпозиума «Лексикография и фразеология в контексте славистики» (Магнитогорск, 18–20 ноября, 2011). – М.–Магнитогорск–Новосибирск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2011. – С. 293–295.

76. Кабыш В. И. Фразеологические конверсивы причинно-следственного типа / В. И. Кабыш // Вестник Курганского университета. – 2010. – № 3. – С. 128–132.

77. Кабыш В. И. Фразеологические конверсивы / В. И. Кабыш // Вестник Курганского университета. – 2012. – № 3 (22). – С. 3–22.

78. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

79. Караулов Ю. Н. Общая и русская лексикография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

80. Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О. М. Ким. – Ташкент: Фан, 1978. – 227 с.

81. Козинец С. Б. Проблемы лексикографического описания словообразовательных метафор // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Филология и журналистика». – 2012. – Т. 12. – № 4. – С. 6–13.

82. Конищева А. В., Попова Т. В. Современные деривационно-семантические словари русского языка / А. В. Конищева, Т. В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведения». – 2013. – Вып. 73. – №1 (292). – С. 77–83.

83. Косова В. А. О формализации словарных толкований производных слов / В. А. Косова // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11155>

84. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. завед. / М. А. Кронгауз. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

85. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

86. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

87. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

88. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: к теории частей речи / Е. Курилович // Очерки по лингвистике: сборник статей – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 57–70.

89. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.

90. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>

91. Ломтев Т. П. Признаки выделения дифференциальных семантических элементов // *Общее и русское языкознание* / Т. П. Ломтев. – М.: Просвещение, 1976. – С. 272–289.
92. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 200 с.
93. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 314 с.
94. Лопатин В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования / В. В. Лопатин // *Вопросы языкознания*. – 1966. – № 1. – С. 76–87.
95. Лукьянова Н. А. Типология современных русских словарей // *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах* / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: НГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 94–115.
96. Матюшина М. А. К вопросу о лексической конверсии / М. А. Матюшина // *Юбилейные Кудрявцевские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященные 100-летию со дня рождения докт. пед. наук, профес. В. Д. Кудрявцева*. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1998. – С. 149–151.
97. Мельгунова А. В. Виды конверсных отношений в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Мельгунова. – СПб, 1998. – 21 с.
98. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога / И. А. Мельчук, А. А. Холодович // *Народы Азии и Африки*. – 1970. – № 4. – С. 111–124.
99. Меркурьева Н. М. Антонимия сложных слов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Меркурьева. – М., 1996. – 247 с.
100. Минчук И. И. Дифференцирующие признаки конверсности синтаксических структур / И. И. Минчук // *Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск* / Отв. ред. И. С. Ровдо. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 273–276.

101. Минчук И. И. Конверсивы в тексте: факторы выбора / И. И. Минчук // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сборник материалов междунар. научн.-практ. конф., посвящённой 135-летию начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – В 2-х ч. – Ч. 1. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2012. – С. 131–137.
102. Минчук И. И. Конверсивы с предикатами родства в текстах СМИ / И. И. Минчук // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: материалы II Междунар. науч.-практич. семинара, Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2013 г. – СПб, 2013. – С. 64–67.
103. Минчук И. И. Симметрия и асимметрия в семантико-синтаксическом поле конверсности русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Минчук. – Минск, 2013. – 24 с.
104. Минчук И. И. Понятие «конверсив» в языкознании / И. И. Минчук // Лінгвістичні студії: зб. наук. Праць; Донецький нац. ун-т ; укл.: А. Загнітко (наук. ред.) [та ін.]. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – Вип. 15. – С. 290–294.
105. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном литературном языке / А. И. Моисеев. – Ленинград, 1987. – 206 с.
106. Моисеев А. И. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) / А. И. Моисеев // Лексико-семантические группы современного русского языка: сб. науч. трудов / под ред. Ю. В. Фоменко. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1985. – С. 3–14.
107. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.
108. Морковкин В. В. Об объёме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33–42.
109. Мурзин Л. Н. Возвратная конверсия предложения (к постановке вопроса) / Л. Н. Мурзин // Проблемы теории грамматического залога: [Сб. ст.] /

АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 118–122.

110. Мусатов В. Н. Деривационные суффиксальные форманты, формирующие отражённую полисемию (на материале отглагольных существительных): монография / В. Н. Мусатов. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 207 с.

111. Мусатов В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие / В. Н. Мусатов. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 360 с.

112. Мусатов В. Н. Словообразовательная полисемия отглагольных существительных с суффиксом -к(а), совмещающих значения лексических и синтаксических дериватов / В. Н. Мусатов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2010/fill26.html>

113. Мустайоки А. Толкование конверсивных конструкций в рамках функционального синтаксиса / А. Мустайоки // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т проблем передачи информации им. А. А. Харкевича. – Москва: Языки славянских культур, 2011. – С. 528–536.

114. Национальный корпус русского языка. Газетный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>

115. Национальный корпус русского языка. Основной корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>

116. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

117. Немченко В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник / В. Н. Немченко. – М.: Флинта, 2011. – 592 с.

118. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М., 1984. – 255 с.

119. Никитин М. В. К разработке концептуального аппарата когнитивной семантики / М. В. Никитин // STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в

проблемном поле гуманитарных наук: сборник научн. статей, посвящ. 100-летию со дня рожд. И. В. Арнольд, профес. кафедры англ. филологии факультета иностр. яз. РГПУ им. А. И. Герцена. – Спб: Борей Арт, 2008. – С. 45–51.

120. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М. В. Никитин. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.

121. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие / М. В. Никитин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

122. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Издательство Московского университета, 1973. – 291 с.

123. Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие / Л. А. Новиков. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.

124. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

125. Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики / Е. В. Падучева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://codenlp.ru/wp-content/uploads/2014/01/PRESUPPOZITSII-37-ENG.pdf>

126. Пардаев А. С. Синонимия в словообразовательном аспекте / А. С. Пардаев. – Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 132 с.

127. Пардаев А. С., Тихонов А. Н. Роль гнёзд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отражённая синонимия. Отражённая омонимия. Отражённая антонимия / А. С. Пардаев, А. Н. Тихонов. – Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1989. – 141 с.

128. Передарий Е. Б. Синтаксическая конверсия: структурно-семантический, функциональный и когнитивный подходы / Е. Б. Передарий // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Материалы международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. – С. 226–233 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://conf.espcentr.sfedu.ru/documents/conf_04_13/Perederii.pdf

129. Песни нашего детства / М. В. Васильева. – Челябинск, 2004. – 30 с.
130. Петушкова Е. В. Отражение // Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. – Минск, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/7137>
131. Пешковский А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М.: Просвещение, 1959. – 252 с.
132. Предикат // Энциклопедия русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://ruskiyyazik.ru/703/>
133. Проблемы учебной лексикографии / П. Н. Денисов, В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 189 с.
134. Пугиева Н. А. Полисемантизм глагольного слова, место и роль его в Толково-словообразовательном словаре / Н. А. Пугиева // Принципы составления Толково-словообразовательного словаря современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу. – Грозный, 1991. – С. 74–127.
135. Роженцова Л. Н. Неотражённые производные единицы как следствие развития семантической системы / Л. Н. Роженцова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 50. – 2011. – №3 (218). – С. 122–125.
136. Роженцова Л. Н. Синонимия производных слов: дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Роженцова. – Екатеринбург, 1997. – 249 с.
137. Роженцова Л. Н. Конверсия в деривационном аспекте / Л. Н. Роженцова // Материалы междунар. науч. конф. «Русский язык: Вопросы теории и инновационные методы преподавания»: в 3 ч. – Ч. 1. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 146–152.
138. Роженцова Л. Н. Отражение как системообразующий фактор лексики / Л. Н. Роженцова // Известия Волгоградского пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2011. – № 2 (56). – С. 4–7.
139. Роженцова Л. Н. Словообразовательный квадрат как средство исследования антонимических отношений / Л. Н. Роженцова // Русский националь-

ный язык и его функционирование на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XX века: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Иркутск, 6–8 октября 1999 г.) / И. В. Бойко, О. С. Гузиной, Т. И. Лукиных. – Иркутск: ИГПУ, 1999. – С. 64–71.

140. Роженцова Л. Н. Утрата смысловой взаимосвязи производящих единиц в процессе словопроизводства / Л. Н. Роженцова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 62. – 2012. – №2 (256). – С. 97–102.

141. Роженцова Л. Н. Производное слово как бинарная единица / Л. Н. Роженцова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. – 62 с.

142. Русская грамматика. В 2-х т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 788 с.

143. Саидова С. М., Тихонов А. Н. Антонимия лексическая и антонимия словообразовательная / С. М. Саидова, А. Н. Тихонов // Русский язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 67–71.

144. Сивакова Н. А., Табанакова В. Д. Типология словарей сегодня / Н. А. Сивакова, В. Д. Табанакова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 114–120.

145. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. – 260 с.

146. Смирницкий А. И. Предикат и субъект. Сказуемое и подлежащее // Синтаксис английского языка // А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1957. – С. 107–156.

147. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М.: Наука, 1980. – 294 с.

148. Соболева П. А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов / П. А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики: Сб. научн. статей / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.

149. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
150. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
151. Степанов Ю. С. О формализации словообразования: «Логический квадрат» / Ю. С. Степанов // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – М., Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 12–20.
152. Степанова Ф. В. Антонимия как семантическая противоположность слова / Ф. В. Степанова // Евсеева И. В., Лузгина Т. А., Славикина И. А., Степанова Ф. В. Современный русский язык: Курс лекций / И. А. Славикина. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2007. – С. 97–102.
153. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/172.Tesniere/source/worddocuments/48.htm>
154. Титов В. Т. Лексико-семантическая парадигматика романских языков / В. Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 3–9.
155. Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова / А. Н. Тихонов // Филологические науки. – 1971. – № 6. – С. 39–52.
156. Тихонов А. Н. Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – Вып. 1. – С. 7–14.
157. Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ / А. Н. Тихонов // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 112–120.
158. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: более 145 000 слов. В 2 т. – Т. 1. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 24–57.

159. Тихонов А. Н. Первый гнездовой словарь и его роль в развитии русской лексикографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/SARn/tom_5/12-38_A.N.Tihonov.pdf
160. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря / А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1971. – 388 с.
161. Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода / В. С. Тюхтин. – М.: Наука, 1972. – 256 с.
162. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения / П. В. Таванец. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 184 с.
163. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.
164. Улуханов И. С. Словообразовательные отношения между частями речи / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4. – С. 101–110.
165. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.
166. Урысон Е. В. Отглагольные существительные со значением ситуации и «наивная энциклопедия» // Е. В. Урысон [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.dialog-21.ru%2FArchive%2FDirections%2FSituations.htm&tld=ru&lang=ru&la=1460834304&tm=1461579410&text=%D1%83%D1%80%D1%8B%D1%81%D0%BE%D0%BD%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D0%B7%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8E&110n=ru&mime=html&sign=ed3c947883af829590563c3d889544f8&keyno=0>

167. Федосов А. Иван Иванович Есипенко / А. Федосов // Алфавитный указатель воспитанников А. С. Макаренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.makarenko.edu.ru/esipenko.htm>
168. Холодович А. А. Залог I: Определение. Исчисление / А. А. Холодович // Категория залога: Материалы конференции. – Ленинград, 1970.
169. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский. – Новое в лингвистике. – 1957. – Вып. 2. – С. 412–527.
170. Храковский В. С. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление) / В. С. Храковский // Категория залога: Материалы конференции. – Ленинград, 1970.
171. Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы - испытание временем) / В. С. Храковский // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. / В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. – М.: Знак, 2004. – С. 505–519.
172. Чупановская М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов: дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Чупановская. – Новосибирск, 2007. – 134 с.
173. Чупановская М. Н. Лексическая деривация как способ создания отражённых антонимов / М. Н. Чупановская // Вестник ИрГТУ. – 2007. – № 1 (29). – Т. 2. – С. 134–136.
174. Чупановская М. Н. Неотражённые антонимы в системе словообразовательных единиц с противоположной семантикой / М. Н. Чупановская // Вестник ИрГТУ. – 2006. – № 2 (26). – Т. 2. – С. 46–49.
175. Чупановская М. Н. Синтаксическая деривация как способ создания отражённых антонимов / М. Н. Чупановская // Вестник развития науки и образования. – 2007. – № 1. – С. 125–128.
176. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: ЭДИТОРИАЛ УРСС, 2001. – 624 с.

177. Ширшов И. А. Гнездовой толково-словообразовательный словарь: проблемы и решения / И. А. Ширшов // Русистика сегодня. – 2000. – № 14. – С. 3–17.
178. Ширшов И. А. Предисловие (о специфике словаря) / И. А. Ширшов // Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского языка, объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 3–12.
179. Ширшов И. А. Типы полисемии в производном слове / И. А. Ширшов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 55–66.
180. Штайер Е. О конверсной трансформации / Е. Штайер // Тетради переводчика. – 1970. – №7. – С. 35–46.
181. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 29–34.
182. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 265–304.
183. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – М: ООО «Издательство АСТ», 2015. – 1140 с.
184. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. – В 2 т. – Т. 1. – М.: Флинта, 2014. – 840 с.
185. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. – В 2 т. – Т. 2. – М.: Флинта, 2014. – 814 с.
186. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

187. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск, Издательство Томского университета, 1979. – 242 с.

188. Dokulil M. Tvořeni slov v češtině. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Vyd. 1. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962. – 263 s., př. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.osu.cz/fpd/kcd/dokumenty/cestinapositi/tvoreni_slov.htm#5-1

189. Gak V. Transformations actantielles et rapports entre la structure de l'énoncé et la structure de la situation / Gak V. // Etudes de Linguistique appliquée. – Vol. 8. – Nouvelle série. – P., 1972.

Список источников

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. – М.: Русские словари, 2008. – 667 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – М.: Рус. яз, 2001. – 568 с.
3. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
4. Бёме Н. О., Морковкин В. В. и др. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка: Ок. 10 000 лексических единиц в системных объединениях (тематические группы, омонимы, синонимические, антонимические и паронимические ряды, употребление в составе фразеологических единиц) / под ред. В. В. Морковкина. – М.: ООО «Транзиткнига», 2004. – 872 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
6. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 445 с.
7. Гильбурд А. М. Краткий словарь русских конверсивов. – Сургут: РИО СурГПИ, 2002. – 195 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.
9. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. Св. 3 000 антонимов / под ред. Л. А. Новикова. – М.: ПРЕСС КНИГА, 2006. – 592 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Ат-берг 98, 2010. – 944 с.

11. Петров О. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. – Симферополь, 2003. – 286 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н. Ю. Шведовой: в 6 т. – М.: «Азбуковник», 1998–2007.
13. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
14. Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой в 2 т. – Л.: Наука, 1970.
15. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: более 145 000 слов: в 2 т. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
16. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского языка, объединённых в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.

Список иллюстративного материала

Рисунок 1. Прямой и обратный порядок следования семантической структуры предложения	17
Рисунок 2. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием отражённых симметричных ЛК дружить – дружить.	68
Рисунок 3. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов выборщик – выборка	68
Рисунок 4. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов работодатель – работник	69
Рисунок 5. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием неотражённых лексических конверсивов ссудополучатель – ссудодатель	69
Рисунок 6. Графический пример неполного избыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных лексических конверсивов долг – должник	70
Рисунок 7. Графический пример неполного избыточного словообразовательного квадрата с участием разноструктурных лексических конверсивов марионетка – кукловод	70
Рисунок 8. Типология словообразовательных квадратов, репрезентирующих конверсивные отношения в русском языке	71 – 72
Рисунок 9. Классификация структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке	73
Рисунок 10. Графический пример полного избыточного словообразовательного квадрата с участием производных лексических конверсивов отчим – пасынок	81
Рисунок 11. Место конверсивной лексики в системе русского языка	84

Рисунок 12. Процентное соотношение структурно-семантических типов лексических конверсивов в русском языке	116
Рисунок 13. Система помет в «Словаре конверсивов русского языка»	121
Таблица 1. Реализация значений лексических конверсивов в языке и речи	37
Таблица 2. Репрезентация непроеводных конверсивов в русском языке	91
Таблица 3. Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке	98
Таблица 4. Типология словообразовательных квадратов, формируемых конверсивами в русском языке	99
Таблица 5. Репрезентация отражённых конверсивов, обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке	102
Таблица 6. Репрезентация неотражённых конверсивов, обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке	107
Таблица 7. Репрезентация неотражённых конверсивов, обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке	109
Таблица 8. Репрезентация производных конверсивов, вступающих в смысловые отношения с непроеводными конверсивами и обслуживающихся сферой лексической деривации в русском языке	114
Таблица 9. Репрезентация производных конверсивов, вступающих в смысловые отношения с непроеводными конверсивами и обслуживающихся сферой синтаксической деривации в русском языке	115